ДИПОНЕГОРО

М. Колесников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге «Дипонегоро» автор приоткрывает малоизвестную широкому кругу читателей страницу борьбы народов Юго-Восточной Азии против голландских, французских, английских и иных колонизаторов.

В центре повествования — мощная, самобытная фигура Дипонегоро, руководителя великого народного восстания на Яве в 1825–1830 гг. Талантливый полководец, государственный деятель, мыслитель и поэт Дипонегоро прожил яркую, трагичную жизнь.

- М. Колесников
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИПОНЕГОРО
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

М. Колесников
Дипонегоро

В книге. «Дипонегоро» автор приоткрывает малоизвестную широкому кругу читателей страницу борьбы народов Юго-Восточной Азии против голландских, французских, английских и иных колонизаторов.

В центре повествования — мощная, самобытная фигура Дипонегоро, руководителя великого народного восстания на Яве в 1825–1830 годах. Талантливый полководец, государственный деятель, мыслитель и поэт Дипонегоро прожил яркую, трагичную жизнь. Он родился во дворце, а умер в изгнании, в голландской тюрьме. Он беззаветно был предан делу свободы, и двадцать пять лет ссылки не сломили его волю.

Яванское восстание явилось могучим толчком для национально-освободительного движения на всем Малайском архипелаге. Целая плеяда героев национально-освободительной борьбы продолжила дело Дипонегоро.

М. Колесников известен читателю книгами: «Миклухо-Маклай», «Сухэ-Батор», «Под пальмами Индонезии», «Большие расстояния», «Повести о дружбе», «Удар, рассекающий горы» и др.

I
ФИКУС — УДУШИТЕЛЬ

Глупый попугай живет двести лет. Человек покидает мир, не совершив и сотой доли задуманного.

Тяжелый недуг приковал к постели правителя Джокьякарты Амангку Бувоно I. Знахари и придворные лекари приготовили алинан — магический шар из теста, яичного белка и шафрана. Если алинаном растирать тело больного, то хворь обязательно перейдет в магический шар. От всех болезней помогает также колючий, скверно пахнущий плод дурьяна. В опочивальне беспрестанно курилась ароматная смола, едкий дым которой отвращает злых День и ночь священнослужители в белых одеждах заунывными голосами читали коран у изголовья умирающего.

Бувоно с грустной улыбкой наблюдал за стараниями лекарей; он-то знал, что ни алинан, ни дурьян ему не помогут: восемьдесят лет — почтенный возраст!

Он прогнал священнослужителей и приказал перенести себя в дворцовый сад.

Бувоно лежал на жесткой бамбуковой циновке. Только кусок белого батика прикрывал его высохшее коричневое тело. Массивное, будто вырезанное из железного дерева, лицо правителя было неподвижно. Бабочки и стрекозы безбоязненно садились на его босые ноги. Где-то наверху в густой листве верещали обезьяны. Золотисто-зеленые и красные, как огонь, райские птицы с большими когтистыми лапами порхали среди ветвей. В слепящей синеве мерно покачивались темные кроны древовидных папоротников и варингинов.

На берегу водоема, под высокой пальмой с растрепанной макушкой, играл правнук Бувоно семилетний принц Онтовирьо. Юный принц безбоязненно щелкал по носу дряхлого, обросшего тиной и ракушками узкорылого гавиала, выползшего на песок. Глаза крокодила не зажигались больше холодной яростью, а челюсти, должно быть, заржавели.

Тут же в почтительной позе, на корточках, сидела старшая жена правителя Рату Агенг. В руках она держала чашку из скорлупы кокосового ореха с прохладительным напитком.

Амангку Бувоно пережил всех своих жен, и только этой, самой старой, наверное, суждено пережить его самого. Бувоно не боялся смерти. Но не стремился и в рай, где человека поджидают небесные девы бидадари. Зачем восьмидесятилетнему старику бидадари?..

За последнее время у Бувоно появилось как бы второе зрение. Чем больше думал он о неизбежном конце, тем сильнее начинал дорожить каждым пустяком: упавшим с дерева и небрежно раздавленным чьей-то ногой цветком, прикосновением маленькой руки правнука, голосами птиц, шелестом листвы и оранжевыми, как апельсин, закатами, солнечным узором на дорожках сада. В каждой вещи, в каждом явлении коренился глубокий смысл.

На шее у правителя висел санга бунух — амулет против смерти на войне. Могучий разум Бувоно не признавал чудес. Амулет надела Рату Агенг перед битвой. И с тех пор мешочек с красной, как кровь, яванской землей стал считаться священным. Люди верят в священную птицу Гаруду, приносящую счастье, в королеву справедливости Рату Адил, которая придет неизвестно откуда, в райскую птицу Манукодиата, предохраняющую воинов от ран…

Занятый государственными делами, правитель Джокьякарты не всегда мог уделить должного внимания вопросам веры. За него хвалу аллаху возносили священнослужители и хаджи, наводнившие дворец. Всех этих бездельников жаловала глубоко религиозная Рату Агенг. За свою долгую жизнь правитель столько раз поступал против воли «восседающего в небесном деване», что молить о прощении грехов не имело смысла. Посмеиваясь, Бувоно часто говорил, что умный грешник скорее попадет в рай, чем праведный дурак.

Но была одна вещь, которую Амангку Бувоно мог по праву назвать священной, — это кинжал — крис с пламевидным изгибом лезвия и простой, ничем не украшенной рукояткой. Кинжал не раз обагрялся кровью беланда — голландцев и потому стал священным. Правитель никогда не расставался с криеом, и даже сейчас нож лежал рядом.

Священный крис, как и всякая вещь, имел свою историю. Этот кинжал держал в своих руках великий Сурапати, балийский раб, поднявший еще в прошлом веке самое большое восстание против голландского владычества на Яве.

…Амангку Бувоно лежал на бамбуковой циновке и вспоминал те далекие времена, когда он еще не был правителем Джокьякарты и носил имя Суварги. Его отец Амангкурат IV сидел тогда на престоле обширного княжества Матарам. Амангкурат не считался законным наследником — он получил корону из рук голландцев и при их поддержке. Братья Амангкурата, заклятые враги Нидерландской Ост-Индской компании, подняли восстание. Вождь повстанцев принц Дипонегоро разбил голландскую армию и окружил столицу княжества Картасуру. Имя Дипонегоро произносили во дворце со страхом и злобой. Это он сделался

главарем мужичья, беглых рабов, морских пиратов. Это он хочет завладеть короной Матарама, лишить Амангкурата титула «султана султанов»…

«Лучше отдать Матарам голландцам, чем этому злодею!» — в ярости кричал Амангкурат. Ост-Индская компания бросила против Дипонегоро отборные войска, конницу, артиллерию. Повстанцы дрогнули…

Однажды вечером в Картасуру пожаловали гости. Их поспешно провели во внутренние покои дворца. По залам и комнатам полетело зловещее слово: Дипонегоро! Сам Дипонегоро с кучкой головорезов ворвался в Картасуру, приказал провести его к «султану султанов». Перепуганный Амангкурат даже забыл надеть корону и вышел в приемный зал босой, без знаков царского достоинства.

Сгорбленный, грузный, стоял он перед высоким, смуглым до черноты человеком, голова которого была обмотана белой чалмой, и молчал. Уродливый кинжал, торчащий за поясом Дипонегоро, внушал «султану султанов» ужас.

Дипонегоро усмехнулся и сказал:

— Не месть привела нас в твой кратон. Вглядись в лица моих товарищей. Разве они похожи на убийц и или разбойников? Это сыновья и внуки великого Сурапати. Мы сражаемся не за корону Матарама, а за дело Сурапати. Беланда не только наши враги, но и твои. Сегодня мы потерпели поражение. Голландцы следуют за нами по пятам. Ты должен укрыть сыновей и внуков великого!..

Неожиданно, острый взгляд Дипонегоро остановился на десятилетнем Суварги. По темным губам скользнула улыбка.

— Мой племянник?.. Вот ребенок, участь которого будет подобна моей! Возьми этот крис, его держал в руках Сурапати. Больше ничего завещать не могу…

Он вынул из-за пояса тяжелый крис с пламевидным лезвием и протянул Суварги…

Очень часто потом вспоминал Суварги слова своего дяди. В 1723 году принца Дипонегоро схватили. Как особо опасного врага, голландцы заковали его в цепи и сослали в Южную Африку на мыс Доброй Надежды, где он и умер. Двух соратников Дипонегоро, сыновей Сурапати, сослали на Цейлон. Но третий сын и внуки Сурапати не прекращали борьбу с войсками компании до 1767 года.

Исполнилось ли пророчество Дипонегоро?.. Когда Амангкурат умер, корону унаследовал старший брат Суварги, провозгласивший себя «султаном султанов» — сусухунаном Матарама Паку Бувоно II. Суварги стал первым министром государства, или же Мангкубуми.

Как давно это было!..

В сознании умирающего вспыхнул всеми красками далекий знойный день. Вот он, Суварги, первый министр, с веселой, свитой прибыл на побережье Тысячи гор, чтобы принести жертву прекрасной богине нъяи Лоро Кидул, королеве Индийского океана, покровительнице семьи раджей Матарама. Жемчужный дворец Лоро Кидул находится на дне морском. Иногда богиня поднимается из пены, отдыхает в пещере Лангсе.

В этой-то пещере и остановился со своими друзьями Суварги. Они сняли с себя драгоценные одежды, уложили в сундук из сандалового дерева, окованный серебром. Сундук бросили с обрыва в кипящие волны. А потом долго ждали, не выбросит ли океан' сундук на коралловые рифы. Лоро Кидул приняла дары. Это был добрый знак. И хотя легкомысленная молодежь мало верила в существование ко-ролевы Индийского океана и ее жемчужного дворца, все чувствовали себя счастливыми.

На обратном пути в Картасуру они остановились в местечке Тегалреджо. Здесь-то Суварги впервые и увидел ту, которая потом стала его женой, — Рату Агенг. Да, да, тогда ее лицо не напоминало желтый измятый табачный лист, а жилы на руках не вздувались наподобие ротанговых веревок…

В день свадьбы Суварги посадил у ворот Картасуры варингин. Таков обычай Страны Островов — Нусантары: по случаю любого знаменательного события сажают дерево. Этот варингин рос бы и сейчас, если бы не ссора первого министра со своим венценосным братом. В припадке злобы Паку Бувоно II приказал срубить дерево…

Ссора назревала давно.

В пятый год правления братьев на Яве вспыхнуло восстание. «Султан султанов» и первый министр поддержали восставших. Они захватили голландский гарнизон в Картасуре и казнили офицеров. Когда же компания подбросила подкрепления, «султан султанов» неожиданно струсил. Он поспешно заключил мир с голландцами и уступил им остров Мадуру и все северное побережье Явы. Это было открытое предательство. Правители других княжеств, раджи, пангераны, простые земледельцы прокляли Паку Бувоно II. грозили ему местью. В страхе «султан султанов» бежал из Картасуры и обосновался в области Соло. Здесь он построил новую столицу. — Суракарту.

Суварги повсюду следовал за братом, хоть и не одобрял его действий. «Мы должны поднять новое восстание, — убеждал он „султана султанов“. — Предательство можно искупить только кровью». — «Разве ты забыл, что аллах всегда на стороне правых? — отвечал сусухунан. — Аллах велик! Ни один волос не

упадет с головы человека без воли аллаха. Мы не в силах бороться с компанией. У них пушки и ружья».

Первый министр пришел в ярость: «Ты считаешь, что всевышнему угодны кровавые дела голландцев? Или не они вырезали всех жителей островов Буру и Банда? Или не они вырубили все гвоздичные деревья на Молукках и тем самым обрекли на голод и смерть людей этих островов? Или, может быть, не они угоняют в рабство яванцев? Они одержимы амоком, и их нужно уничтожать!.. Куда же смотрит пророк Мухаммад, защитник страждущих и угнетенных? Почему его крылатый конь — борак не опустится на Яву, и почему громы и молнии не обрушатся на головы неверных?!» — «Аллах лучше знает, против кого обратить свой гнев», — спокойно отвечал Паку Бувоно. Этот богословский спор печально закончился для первого министра: «султан султанов» написал на него донос в Батавию.

Вот тогда-то и пожаловал в Соло генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индии ван Имхофф, человек жестокий и беспощадный. Он решил самолично изобличить первого министра в подстрекательстве к мятежу. Генерал-губернатор считался полновластным правителем Голландской империи в Ост-Индии, куда входила и Ява со всеми ее княжествами. К тому времени голландцы, используя внутренние раздоры между раджами, царьками и султанами, становясь на сторону то одного, то другого, успели захватить Малакку, Макассар, княжество Бантам, сделались хозяевами Явы и других островов. Войска компании возводили на престолы, свергали неугодных раджей и султанов.

Ван Имхофф ввел чрезвычайные законы на Яве, стал продавать княжеские земли частным фермерам, переселенцам из Нидерландов. Фермерам предоставлялось право забирать урожай у подвластных крестьян, чинить над ними суд, взимать налоги. Сам ван Имхофф «приобрел» землю в Богоре и выстроил здесь пышный дворец, названный Бейтензоргом — Беззаботным. «Желтоглазых нужно держать в кулаке!» — любил говорить ван Имхофф. И держал.

Суварги с отвращением наблюдал, как его венценосный брат, «султан султанов», «тот, кому все повинуются», сусухунан древнего государства, подобострастно изгибался перед чужеземцем-захватчиком. Чтобы угодить генерал-губернатору, Цаку Бувоно вырядился в коричневый суконный костюм, натянул на ноги шелковые чулки шафраново-желтого цвета и черные туфли на высоком каблуке и стал похож на голландского петуха. А как он припал губами к золотой цепи, которую пожаловал ему за верную службу ван Имхофф! И золотая цепь и европейская

одежда были признаками покорности, преданности. Ван Имхофф остался доволен.

Но внешний вид первого министра привел голландца в негодование. Суварги носил сандалии на босую ногу и яванскую юбку — саронг, разрисованную темными цветами. Голову принца украшала высокая соломенная шляпа. На широком поясе висел кинжал с деревянной рукояткой.

В порыве гнева генерал-губернатор хотел распечь первого министра за пренебрежение этикетом, но потом, по-видимому, решил воздержаться до поры до времени. Ведь Мангкубуми Суварги был тем, кого по-яванси называют «мусух далам селимут» — «врагом в одеяле», скрытым недругом компании, и с ним надлежало вести себя осмотрительно. Как рассказывали, даже своего любимого попугая первый министр научил выкрикивать: «Бей мачанов! Бей тигров!» А, как известно, тиграми яванцы презрительно величают голландцев, всех иноземцев-захватчиков.

Выдержка покинула ван Имхоффа на представлении, которое устроил коварный Мангкубуми в честь высокого гостя.

Первый министр постарался на славу. Огромную площадь огородили высоким бамбуковым, частоколом. Для генерал-губернатора построили специальную ложу. Ложу усыпали орхидеями и красными лотосами. Десятки фонтанов и фонтанчиков освежали воздух. Дымили благовониями курильницы, — пылали факелы, гремели барабаны.

Потом барабаны умолкли. Лишь нежно позванивал священный гамелан «Киай Секати», перенесенный по случаю торжества из главной мечети во дворец.

На помосте, увитом гирляндами цветов, появились придворные танцовщицы в зубчатых коронах и одеждах, расшитых золотом и жемчугом. Одурманенные чадом тлеющих трав, танцовщицы двигались будто в полусне. Плавно, меланхолично вздымались их руки, покачивались тонкие, гибкие тела. Ритм танца ускорился, когда на помост выпорхнула резкая, порывистая Шриканда с луком и колчаном со стрелами. Теперь разыгрывалась древняя сцена, изображающая извечную борьбу добра и зла.

Внезапно танцовщицы с воплями бросились кто куда: на площади — алун-алун показался крупный королевский тигр. Он жмурился от яркого света, принюхивался к незнакомым запахам. Попугай Буюнг, сидевший на плече первого министра, неожиданно закричал: «Бей мачанов!» Служки выпустили из клетки дикого буйвола — бантенга. Тигр, завидя врага, сразу же ринулся в атаку. Но черно-бурый бык легко отбросил его

мощными кольчатыми рогами. Королевский тигр изменил тактику. Теперь он стал осторожно подкрадываться к буйволу. Бантенг стоял, выгнув шею и угрожающе покачивая рогами. И вдруг он побежал, в несколько прыжков настиг тигра и сильным ударом подбросил его высоко в воздух…

Веснушчатое лицо ван Имхоффа мрачнело все больше и больше. Вот истекающий кровью, ревущий королевский тигр, волоча вывалившиеся внутренности, уполз в угол изгороди. Принц Суварги подал знак — и к быку подпустили нового тигра. Через несколько минут его постигла та же участь. Третий тигр пытался сбежать, но служки стали подгонять его копьями. А попугай Буюнг надрывался: «Бей мачанов! Бей тигров!..»

Ван Имхофф, кипя от негодования, поднялся, подошел к принцу Суварги и ударил его по лицу.

— Взять мятежника!

Офицеры охраны бросились к первому министру. Суварги выхватил крис и вонзил его по самую рукоять в грудь голландскому лейтенанту. Нанося удары направо и налево, Суварги пробился к воротам дворца. Здесь его уже ждали лошади. С горсткой верных людей он ускакал в горы. Случилось это в 1749 году.

К пещере Лангсе на берегу Индийского океана, где обосновался Мангкубуми Суварги, каждый день стали прибывать отряды вооруженных всадников, толпы крестьян с крисами и копьями. Ява поднялась.

Освободительное восстание Мангкубуми захватывало все новые и новые области. Пламя перанг са-била — священной народной войны против голландцев — перекинулось с Центральной Явы на крайний запад, в султанат Бантам. Крестьяне с боем брали один голландский форт за другим и подошли к главной цитадели Ост-Индской компании — Батавии. Впервые в своей жизни беспощадный ван Имхофф растерялся. Великая Нидерландская империя в Юго-Восточной Азии оказалась на краю гибели. В довершение ко всему неожиданно умер сусухунан — «султан султанов» Паку Бувоно II. Перед смертью «султан султанов» приказал своим слугам совершить два дела: свернуть голову попугаю Буюнгу и срубить свадебный варингин, который Суварги перенес в свое время из Картасуры в Соло. Варингин срубили. А попугай таинственным образом исчез. «В моем дворце заговорщики! — кричал Паку Бувоно. — Это они отравили меня…» Последними словами его были: «Я отдаю Матарам голландцам…»

Наследников у Паку Бувоно не осталось. Матарам в самую критическую минуту остался без законного правителя. Пришлось

срочно отыскивать человека, который согласился бы надеть на голову тяжелую корону «султана султанов». Такой человек в конце концов нашелся, и компания провозгласила его новым сусухунаном Паку Бувоно III. Это вызвало ярость матарамских вождей, и они все дружно перешли на сторону Суварги. Никто не хотел признавать голландского ставленника, никто больше не желал подчиняться компании. Общий деван правителей княжеств Явы провозгласил принца Суварги единственным законным сусухунаном Матарама.

Когда весть об этом дошла до ван Имхоффа, генерал-губернатор скончался от разрыва сердца.

После двух лет упорной борьбы Суварги в сражении на реке Боговонто разбил войска компании и собственной рукой снес голову голландскому командующему генералу де Клерку…

Да, голова де Клерка скатилась с плеч, а Суварги брезгливо отшвырнул ее ногой в траву. Де Клерк, как и все голландцы, считал спиртные напитки единственным лекарством от всех тропических болезней. Его узкая лысая голова воняла ромом.

Отряды Суварги заняли почти все провинции Северного побережья, Центральную Яву. На Восточной Яве поднялись балийцы. Запад находился в руках бантамцев, которыми руководили отважные вожди Киай Тяпа и Рату Багус. Киай Тяпа со своим войском предпринял длительную осаду Батавии. В «столице тропиков» началась паника. Голландские чиновники с семьями спешно покидали восставший остров, а в море их топили боевые корабли корсаров. В самой Батавии начался голод, вспыхнула эпидемия холеры.

Восемь лет длилось восстание. Это была самая разрушительная война из всех, какие только приходилось вести Ост-Индской компании. Голландцы потеряли почти все войска. Торговля прекратилась. Долг компании возрос еще на несколько миллионов гульденов.

В таком плачевном состоянии принял дела новый генерал-губернатор Якоб Моссель. Якобу Мосселю были чужды прямолинейность и грубость ван Имхоффа. Может быть, поэтому ему и удалось продержаться на посту генерал-губернатора свыше десяти лет. Его предшественников обычно отзывали в Гаагу через три-четыре года. «Ван Имхофф не обладал государственным умом, — сказал Моссель, — он был слишком мелочен, скуп на обещания, плохо знал психологию туземцев, зажимал в кулаке мелочишку, а терял миллионы. Государственный ум — это совсем другое…»

Прежде всего Моссель стянул в Батавию войска из всех «внешних владений». Затем он послал своего лазутчика с золотой

цепью и дорогими подарками к племяннику Суварги Мас Саиду. Европейские и индийские ткани, зеркала, голландские ружья и пистолеты, кошелек, туго набитый гульденами, — вот какие подарки посылал новый генерал-губернатор Мае Сайду, этому «достойнейшему из достойных», «единственному, кто может установить на Яве желанный мир, прекратить ненужное кровопролитие». Такой человек, разумеется, имеет законное право на корону Матарама и титул сусухунана.

Якоб Моссель попал в самое больное место: Мас Саид всегда затаенно мечтал о короне «султана султанов». Если дядя Суварги не по праву наследования уселся на трон, то почему Мас Саид не может сделать то же самое?

Ему удалось привлечь на свою сторону недовольных раджей. В лагере повстанцев произошел раскол. Началась междоусобная война.

Под ударами войск компании, отрядов Паку Бувоно III и изменника Мае Сайда таяла армия Суварги. Сам он, тяжелораненый, лежал в пещере Лангсе. В конце концов пришлось пойти на переговоры с голландцами. На носилках Суварги доставили в Джокьякарту.

События тех позорных дней почти выветрились из памяти. Тогда было сильное извержение вулкана Мерапи. И даже до Джокьякарты долетали клубы тонкой серой пыли. Пыль оседала на деревья, на билкковые крыши хижин. Суварги метался в бреду, а когда приходил в себя, то видел тусклое солнце и серую пыль на своих руках. Над ним склонялось острое личико Якоба Мосселя. Усы шевелились, красные вздутые веки голландца приходили в движение.

— Ему лучше, — говорил Моссель, — он уже может подписать договор…

Хитрый голландец задумал произвести раздел Матарама. По договору Суварги получал западную половину государства со столицей Джокьякартой и титул султана Амангку Бувоно I. Восточная часть Матарама со столицей Суракартой оставалась у сусухунана Паку Бувоно III. О верном, преданном слуге Мас Саиде генерал-губернатор почему-то забыл.

Суварги подписал договор. Иного выхода не было. Так в 1755 году произошел раздел самого мощного на Яве государства Матарам на два султаната: Джокьякарту и Суракарту, или Соло.

Амангку Бувоно стал родоначальником новой династии. В память об этом событии он посадил кокосовую пальму. Этой пальме суждено было отныне олицетворять собой древо жизни нового княжества.

А изменник Мас Саид? Обманутый Мосселем, он

взбунтовался и из друга голландцев превратился в их лютого врага. Его банды делали набеги на поселения голландских фермеров, вырезали всех от мала до велика, грабили, караваны. Генерал-губернатору пришлось бросить значительные силы против недавнего союзника. Мас Саид был сломлен.

История восстания Мангкубуми записана на листьях лонтаровой пальмы. Суварги не раз перечитывал эту летопись. И очень часто ему казалось, что пожелтевшие листья пальмы, свернутые веером, повествуют не о нем, а о ком-то другом, сильном и мудром.

Голландцы построили вокруг его дворца военные форты, привезли сюда пушки, нацелили их на Джокьякарту. По сути, все последние тридцать семь лет Суварги находился в плену. И только смерть освободит его из плена.

…Амангку Бувоно I перевел усталый взгляд на растрепанную крону пальмы, под которой играл его правнук принц Онтовирьо.

Древо жизни… Да, пальма прижилась. В период зрелости она давала обильный урожай: по полсотне, а то и больше орехов. Она крепла из года в год, радовала глаз. Но потом случилась беда. Маленькое семя смоковницы фикуса-удушителя, принесенное ветром неизвестно откуда, укоренилось в гниющей массе отмирающих листьев пальмы. Из маленького семечка выполз ядовито-зеленый росток. Вскоре растение-паразит пустило длинный воздушный корень. Корень достиг земли и врос в почву. Постепенно смоковница оплела пальму своими воздушными корнями, которые становились все толще и толще. Пальма стала чахнуть. Пропали орехи. И вот в этом году над поблекшей, растрепанной макушкой пальмы торжествующе вознеслась в синюю высь пышная мясисто-жирная крона фикуса-удушителя.

Сколько раз слуги пытались срубить смоковницу, но Амангку Бувоно запрещал делать это. Пальма и фикус всегда наводили на размышления. Между растениями шла медленная, но упорная борьба. Почти четыре десятка лет пальма отстаивала свое право на солнце, воздух, на жизнь. А кожистые упругие воздушные корни сжимали ее царственный ствол все туже и туже…

«Бесплодная смоковница высосала все соки из древа жизни… — думал Бувоно. — Я не сумел вовремя срубить фикус-удушитель. Корни в конце концов оплели и меня. Кто срубит дерево зла?..»

Теперь, когда все уже осталось позади, Бувоно сожалел, что заранее не выбрал себе достойной кончины: ему хотелось умереть так, как умер его дядя Дипонегоро, — закованным в кандалы, до последнего мгновения непримиримым и опасным. Чтобы враги трепетали… Тигр, подыхая, оставляет шкуру, человек, умирая,

оставляет после себя имя…

— Червяк проглотил дракона… Червяк проглотил дракона… — едва внятно шептал он.

Амангку Бувоно думал о том, что после его смерти корону унаследует сын Сепух. Сепуху уже под пятьдесят, он обзавелся внуками. Сепух зол и раздражителен. Он считает, что отец чересчур уж зажился на этом свете. Сепух спит и видит себя султаном Джокьякарты — Амангку Бувоно II.

Нет, не Сепуху срубить дерево зла: он стар, завистлив, мелочен, слишком любит власть ради власти, жесток с простыми людьми. Он законный наследник. Он уже родился султаном. Но и Сепух когда-нибудь умрет. На престол сядет сын Сепуха принц Адипати Аном. Он тоже законный наследник короны. Адипати Аном — поэт и мечтатель. Он знает сладкозвучные стихи, язык небожителей деванагари, язык поэтов — кави, но ничего не смыслит в государственных делах. Он слишком мягок с людьми. В юности Аном вообразил себя героем повествования о панджи — сыне раджи, странствующем по свету в поисках своей возлюбленной Деви Анггрени. Свою Деви Анггрени он нашел в Пачитане, в семье некоего Бупати. И случилось то, что должно было случиться: девушка незнатного происхождения понесла от принца, будущего наследника престола.

Разразился большой скандал. Сепух решил изгнать сына из Джокьякарты. Вступился Амангку Бувоно. Он приказал привести обесчещенную во дворец. Молодая женщина редкой красоты очень понравилась старому султану.

— Ты любишь ее? — спросил он у внука.

— Да. Я хочу, чтобы она стала моей законной женой.

— Должно быть, твоя Деви обладает волшебным камнем — чинтамани, привораживающим мужчин, — смеясь, отвечал Бувоно. — Пусть родит мне правнука.

Таким образом, хоть злые языки и говорили о жене принца Анома, что она «на огне не была, а уже поджарена», все же по приказу султана придворные и слуги вынуждены были оказывать ей княжеские почести и называть почетным именем Раден Айю.

11 ноября 1785 года родился правнук султана принц Онтовирьо (которому впоследствии суждено прославиться под, другим именем — Дипонегоро II, или же просто Дипонегоро).

Ребенок рос здоровым, веселым и проказливым. Он не понимал, почему взрослые относятся к нему плохо, почему даже с матерью он должен встречаться украдкой. Повсюду он встречал колючие взгляды, вслед ему шипели: «незаконнорожденный». Дед Сепух при появлении Онтовирьо топал ногами и кричал: «Уберите отсюда змееныша!»

Только султан Бувоно любил играть с правнуком. Он позволял Онтовирьо то, чего не разрешал никому: дергать себя за бороду.

Особенно привязалась к правнуку Рату Агенг. Прислушиваясь к звонкому, как серебряная погремушка, голосу Онтовирьо, Амангку Бувоно часто думал, что этому ребенку выпала нелегкая участь. Принц Онтовирьо не имел прав на корону Джокьякарты. Значит, он никогда не будет султаном. Ему никогда не дадут почетных должностей и титулов. Он отверженный, и его участь — всеобщее презрение вельмож и их прислужников. Сепух после смерти Бувоно, конечно же, постарается избавиться от «змееныша». Люди слишком жестоки, чтобы подняться над условностями.

Но будущее человека сокрыто в тумане времени, и наперед нельзя наверное сказать, для чего ты рожден: для короны или для кандалов. Сурапати, в жилах которого не было ни капли царской крови, вырос в неволе, а потом стал властителем обширного государства, потряс Голландскую империю. Дипонегоро родился во дворце, а умер на чужбине, закованный в цепи.

Что ждет Онтовирьо? Об этом он, умирающий султан, не узнает никогда… Не узнает он и другого: станет ли Нусантара, которую он так любит, когда-либо свободной?

Первая торговая фактория, построенная голландцами на берегах Явы, была ничтожным семечком. Из семечка выросло пышное дерево зла. И теперь яванец больше не хозяин на своей земле. Но кому суждено срубить бесплодную смоковницу? Может быть, вот этому ребенку, бездумно играющему под пальмой? «Ты не узнаешь об этом никогда… никогда…» — явственно прозвучал голос где-то в глубине сознания.

На другой день Амангку Бувоно потребовал, чтобы его уложили в паланкин и отнесли на берег Индийского океана, в пещеру Лангсе. Ему почему-то вновь захотелось услышать мерный и бесконечный рокот волн, веселое щебетанье ласточек — саланган, носящихся в радуге брызг, увидеть звездный шлейф над горящими синим огнем водами океана, протянуть холодеющие руки к жаркому костру. Он приказал также взять в эту дальнюю прогулку и своего любимца — попугая Буюнга. Все должно быть так, как в молодости…

Но последнему желанию султана не суждено было осуществиться: в полдень он тихо скончался, даже не произнеся первой заповеди. Последнее, что он услышал, — истошный крик попугая: «Бей мачанов!..»

Своему сыну Сепуху Амангку Бувоно завещал корону Джокьякарты и титул султана — Амангку Бувоно II.

Своему внуку принцу Адипати Аному он завещал титул первого министра султаната.

Своему правнуку Онтовирьо он завещал священный крис из невороненой стали, амулет — санга бунух, оберегающий от смерти на войне, и своего любимца попугая Буюнга.

«Я не потерплю больше змееныша во дворце! Он позорит весь наш род…» — сказал новый султан Амангку Бувоно II. И даже заступничество принца Адипати Анома не помогло. Семилетнего Онтовирьо разлучили с матерью.

Рату Агенг усадила правнука в повозку и вместе с ним навсегда покинула дворец.

В Батавии могли торжествовать: наконец-то компания избавилась от самого давнего и всегда опасного врага. Даже после того, как восстание Мангкубуми было подавлено, в Джокьякарте все равно находили приют мятежные вожди, люди, бежавшие от колониальных властей, морские пираты. Сюда сходились нити всех заговоров против голландского владычества. Амангку Бувоно до конца своих дней враждовал с правителем Суракарты Паку Бувоно, считая последнего голландским прихвостнем.

Известие о смерти султана Джокьякарты генерал-губернатор Вильям Алтинг встретил весьма равнодушно. Имелись заботы и поважнее: недавно прибывший из метрополии в Батавию молодой чинбвник казначейства, некто Гунс, доложил генерал-губернатору, что в Гааге поговаривают о ликвидации Ост-Индской компании вообще, так как дефицит ее перевалил уже за сотню миллионов гульденов. Будто бы в скором времени сюда нагрянет высокая инспекция, назначенная самим штатгальтером Вильгельмом V. Удержится ли Вильям Алтинг на посту генерал-губернатора?.. Впереди мрак и неизвестность…

И когда все тот же Гунс, решив блеснуть остроумием, спросил генерал-губернатора на балу: в «приход» или «расход» занести кончину престарелого султана Джокьякарты, — Вильям Алтинг смерил выскочку презрительным взглядом и без тени иронии сказал: «Попугай покойного султана намного умнее вас. Он, во всяком случае, знает, кого нужно бить…»

Это был беспокойный 1792 год.

II
ОТВЕРЖЕННЫЙ

Мату Агенг поселилась с правнуком Онтовирьо неподалеку от Джокьякарты, в местечке Тегалреджо. Здесь, на левом берегу реки Бинанга, овдовевшая султанша выстроила обширный дом с верандой. В Тегалреджо не было раззолоченных колонн, кафельных полов и ванных комнат, трапезных и опочивален. Не было придворного этикета и пышных церемоний. Тихо шумели бамбуковые и пандановые рощи. Со стороны огромного рисового поля доносились крики крестьян, мычание буйволов, звуки свирелек. По вечерам квакали лягушки. Густо пахло жареными бананами и прелой рисовой соломой.

Вслед за своей благодетельницей перекочевали в Тегалреджо хаджи, имамы, факиры, чатибы, киаи, муфасиры. Пришлось построить для божьих людей молельню и медресе. Заботам имамов и поручила Рату Агенг правнука Онтовирьо. Если ему по древнему закону — адату не суждено занимать высокие должности при дворе, пусть станет богословом.

Онтовирьо был доволен новой жизнью. Ты избавлен от злого деда султана Сепуха. В Тегалреджо никто не бросает на тебя косых, неприязненных взглядов. Не нужно выряжаться в стеснительные тяжелые одежды. Можно целыми днями пропадать вместе с ровесниками из соседней деревни на реке, купаться, играть в прятки или в старинных бахадуров. Можно смастерить свистульку из рисового стебля и пальмового листа, покувыркаться на соломе и наесться до тошноты неспелых фруктов с чужих деревьев.

Имамы приходили в отчаяние: на урок принц Онтовирьо являлся со всей своей ватагой.

— Я хочу слушать «Салават» и грамматику вместе с ними, — говорил он воспитателям. А оробевших мальчишек подбадривал шепотом: — Не бойтесь бородатых — они только притворяются святыми, а сами не очень-то разбираются в премудростях корана. Твердят одно и то же: аллах велик, нет бога, кроме аллаха, и Мухаммад пророк его. А Мухаммад этот, говорят, был просто-напросто купчишкой, наподобие нашего Али…

Когда Онтовирьо исполнилось тринадцать лет, он познакомился с неким Киаем Моджо.

Киай — это не имя. Киай — значит ученый мусульманин, проповедник ислама, толкователь корана. Моджо — название деревни, откуда происходил этот Киай. На Яве титул

произносится наравне с именем. А имя человек меняет здесь по всякому поводу. Как называли Киая Моджо родители в детстве, никто не знал, да и никого это не интересовало. Известно было только, что несколько лет назад Киай Моджо перебрался из своей деревни в Суракарту и числился теперь при одной из мечетей. Как и положено священнослужителю, Моджо никогда не расставался с четками и молитвенным ковриком; коран он знал наизусть. Богослов носил арабскую одежду: белую рубаху, курточку голубого цвета с желтым шелковым воротником и белую накидку до пят. Белая чалма оттеняла его бледное, оливково-зеленое лицо и глубоко запавшие добрые и в то же время немного лукавые глаза. Несмотря на свои двадцать пять лет, Киай Моджо пользовался большой известностью за пределами княжества Соло. Подобно всем божьим людям, он часто разъезжал по Яве, жил в пещерах на берегу Индийского океана и среди простого народа слыл святым. Кому хоть раз доводилось слушать Моджо, те навсегда проникались к нему доверием и уважением. Сведущих молодой богослов поражал глубоким знанием законоведения, логики, риторики, географии и математики, а также иноземных языков. Никто не сомневался, что в недалеком будущем он станет великим ученым.

Вот почему Рату Агенг пригласила Моджо к себе. Ей хотелось, чтобы богослов, слава о святости; и уме коего дошла и до нее, хотя бы на время сделался наставником правнука. Султаны Джокьякарты и Суракарты по-прежнему враждовали между собой. Но Рату Агенг находилась как бы в опале и в Тегалреджо охотно отпускали людей из Соло.

Приезду Киая Моджо Рату Агенг обрадовалась. Она сразу же пожаловалась священнослужителю на правнука. Он совсем отбился от рук, к воспитателям относится насмешливо, гоняется за монахами с деревянным мечом, арабскую грамматику учить не хочет.

Они сидели на веранде и неторопливо пили имбирную воду. Киай Моджо с интересом наблюдал за сценкой, разыгрывавшейся во дворе. Принц Онтовирьо, в окружении деревенских ребятишек, дразнил попугая Буюнга. Принц размахивал перед самой клеткой деревянным мечом — клевангом, а взъерошенный попугай ошалело кричал: «Бей мачанов!»

Рату Агенг позвала правнука. Онтовирьо с удивлением поднял глаза на богослова.

— У тебя нет бороды! — воскликнул он. — Даже усы не настоящие — тоненькие. Ты имам?

Моджо рассмеялся.

— Не всякий, кто с четками, имам. У каждого святого своя

роль. Нужен — тигром сделают. Нужда пройдет — в мышь превратят. Слушай и обезьяну, если она говорит правду, а не только имама. Бахадуру не к лицу обижать стариков и женщин.

— Я никого не обижаю.

— А разве Буюнг не старик? Ему сто пятьдесят лет. Это почетная птица. Попугая подарил твоим предкам славный Хасануддин из Макассара, великий герой — пахлаван.

Онтовирьо изумился: никогда не мог он предполагать, что попугай Буюнг — такая знаменитая, важная птица.

— А почему он всегда кричит: «Бей тигров!»?

— Потому, что пахлаван Хасануддин бил тигров и твой прадед тоже немало уничтожил их.

— Расскажи про Хасануддина! Это интереснее, чем слушать про лафазы и жизнь пророка Мухаммада.

— Хорошо. Только в другой раз. А сейчас умойся. Кроме того, ты где-то изорвал рубашку и расцарапал щеку.

А Рату Агенг Киай Моджо сказал:

— Из этого ребенка никогда не получится богослова.

Он был мудр и умел видеть сквозь туман времени.

И случилось так, что Киай Моджо, пожаловавший в гости на несколько дней, задержался в Тегал-реджо на два года. Здесь, в деревенской тиши, никто не мешал ему писать хронику. Кроме того, принц Онтовирьо очень привязался к новому священноучителю, а Киай Моджо полюбил своего ученика и не желал с ним расставаться. Они всегда были вместе. Все свои знания Моджо стремился передать юному другу, и семена падали на благодатную почву. Онтовирьо обладал исключительной памятью. Он схватывал все на лету. Заморские языки, логика, история Маджапахита и Матарама, Аравии, Испании, Китая к Индии, законы стихосложения, древнеяванский язык кави, индийский эпос, сочинения древнего яванского писателя Прапанга, хроники княжеств «бабад» — все это входило в сознание юного принца, как нож в масло.

Иногда, чтобы рассеяться, они отправлялись на побережье Индийского океана. Отвесной стеной обрывался берег Тысячи гор к вспененной воде. Черные валы с развевающимися седыми гривами выбрасывали на песок морские звезды, колючих ежей и черно-зеленые морские огурцы. Над дымящимися волнами носились ласточки — салангане. Здесь, в известняковой стене, было много пещер и гротов. Друзья неизменно останавливались в пещере Лангсе, где когда-то укрывались прадед Мангкубуми Суварги и Рату Агенг. Иногда в эти края наведывались охотники за съедобными ласточкиными гнездами.

Странные вещи творились с Киаем Моджо и Онтовирьо на

берегу океана. Безграничный водный простор рождал представление о вечности. И богослов и молодой принц погружались в глубокое раздумье. Онтовирьо, будто завороженный, глядел на белые, как соль, коралловые островки, на вздымающиеся валы и сочинял стихи — пантуны. Строчки рождались сами:

На солнечных струнах играет ветер,
Звенит океан — гамелан.
Все проходит. Лишь вечна любовь…

Киай Моджо размышлял о бренности всего земного, об истории, которую любил сильнее всех наук.

Ему казалось, что лишь в истории сокрыты все загадки человеческого бытия. Она важнее любого знания. Кто поймет ее язык, тот заглянет в самое сокровенное. Для него не будет тайн ни прошлого, ни настоящего, ни грядущего. История — душа народа. Хочешь заглянуть в душу — загляни в историю.

«Это только так кажется, что в наше время не происходит ничего значительного, — думал он. — Пройдут века, и, возможно, лишь мои записки расскажут другим обо всем, что творилось здесь, в сумраке джунглей. Почему был так скуп на слова древний грек Птолемей, ничего не написавший о Яве, кроме того, что этот остров очень плодороден и дает много золота? В потоке времени мы тоже станем когда-нибудь древними. Мой долг — записать увиденное и услышанное…»

Да, Киай Моджо любил историю. Его тонкие смуглые руки с жадностью перебирали и сложенные веером плотные, как полированные дощечки, листья лонтаровой пальмы с черными письменами, и древние папирусы, и полустертые индийские сутры, и непривычно пахнущие типографской краской страницы голландских, немецких и английских книг. Он в совершенстве знал несколько заморских языков, и его мозг постоянно пополнялся понятиями, никому не ведомыми здесь, на острове, затерянном среди южных морей.

Его интересовало все, что творится в мире, в далекой Европе, в Китае, в Индии, в Америке. Он мечтал отправиться в Мекку. Но не затем, чтобы поклониться святым местам и стать хаджи, а затем, чтобы лучше узнать Аравию, родину ислама, занесенного сперва в Индию, а затем и на Яву и на другие острова мусульманскими купцами много веков назад. Ему хотелось побывать и в Испании, историю которой он хорошо знал, и в Голландии, и в Португалии, а может быть, даже в Англии и Франции.

Вольные корсары южных морей, побывавшие и в Китае, и в Индии, и у африканских берегов, привозили, тревожные и волнующие вести: в Париже восстание, Людовику XVI отрубили голову. Голландские советники «султана султанов» Паку Бувоно III шептались между собой: Конвент, революция, Робеспьер, Сен-Жюст, Марат… Непривычные слова, неведомые имена… Кто они, эти люди, каковы их цели? Слишком уж глухой отзвук находила Великая Французская революция здесь, за экватором, чтобы Моджо мог разобраться в событиях. Затем все чаще и чаще стали называть имя «генерала революции» Бонапарта. Имя произносили с трепетом, зябко поводя плечами. Бежавшие из Египта на Яву арабские купцы рассказывали всякие ужасы об этом Бонапарте. Он захватил Египет и рвется в Индию. А потом он, конечно же, завоюет Нидерландскую Ост-Индию, Яву… В подобные слухи и верилось и не верилось…

— А правда, что там, за морем, на юге есть другая земля? — спрашивал Онтовирьо.

— Есть. Наши мореходы еще во времена Маджапахита не раз посещали ту землю. Европейцы называют ее Австралией. Они говорят, что Австралию открыл голландец Виллем Янц, а потом ее захватили англичане, — отзывался Моджо.

Онтовирьо топал ногой.

— Почему они открывают нас и захватывают? Мы их никогда не открывали и не захватывали. Откуда взялись они, проклятые беланда?

Киай Моджо печально улыбался.

— До голландцев были португальцы. Потом пришли голландцы и англичане. Если верить старинным сказаниям, то некогда на Яве был рай. Именно здесь бог Батара Гуру сотворил двух первых людей. Потом на Яву нагрянули заморские черти, и дела пошли совсем по-иному.

Ты спрашиваешь, откуда взялись беланда? Их занес к нам недобрый ветер. Еще в 1596 году некий головорез голландец Корнелис де Хоутман со своей эскадрой из четырех кораблей приплыл к берегам Явы. Султан могучего государства Бантам ласково принял непрошеного гостя, одарил его. Встретившись с мирными приветливыми бантамцами, Хоутман вообразил, что нагнал на них страху своими кораблями и пушками. Этот невежественный человек не знал, что яванцы давно знакомы и с огнестрельным оружием и с повадками европейцев. Еще за пятьдесят лет до появления Хоутмана на нашем берегу государство Аче вело ожесточенную войну с португальцами, захватившими Малакку. В осаде Малакки участвовало триста наших кораблей с пятнадцатью тысячами воинов и

четырьмястами артиллеристов. Наши пушки нанесли огромный урон захватчикам. Хоутман никогда не видел наших величественных храмов, ничего не знал о древней высокой культуре наших могущественнейших государств, о том, что издавна мы ведем торговлю с Арабским Востоком, Африкой, Индией, Китаем и другими странами, что Мадагаскар заселили наши люди, говорящие на нашем языке. Голландец и его спутники вообразили, что они попали в страну дикарей. Эти нечистоплотные, пахнущие потом и ромом люди стали бесчинствовать во дворце, отнимать золотые вещи и насиловать женщин. Разгневанный султан приказал бросить Хоутмана в тюрьму. Голландская эскадра обстреляла дворец. Через месяц за Хоутмана уплатили большой выкуп. Его корабли отплыли в Европу.

— А что с ним было, потом?

— Потом? Хоутман ничему не научился и вновь вернулся сюда. Жители княжества Аче схватили его и казнили на самой большой площади. Это было первое знакомство с голландцами.

Позже появился кровавый Ян Питерсон Кун. Тот самый Кун, о котором директор Английской Ост-Индской компании, сам изрядный негодяй, сказал, что «самая высокая виселица в старой Англии недостаточно высока для Куна». Голландец Кун не позволял англичанам грабить яванцев. Он с успехом делал это сам и ни с кем не хотел делиться барышами. Поэтому англичане его ненавидели.

У нас говорят, что беланда подобны ядовитой змее, вползающей ночью в жилище человека. Так вползли в нашу страну чужеземцы. Как-то в Бантам пожаловали голландские купцы. Они смиренно просили у султана и великого канцлера Рамангалла разрешения построить одну-единственную торговую факторию в порту Джаякерта, или Джакарта. О, заморские гости не скупились на обещания! Бантами Джаякерта разбогатеют. Сюда потекут европейские товары: бархат и парча, ружья и порох, изделия из железа и меди, цветное стекло и зеркала. И все это в обмен на Перец, корицу, гвоздику, мускатный орех, имбирь, жемчуг, копру. У султана разгорелись глаза. Великий канцлер Рамангалла сказал: «Белые люди коварны и лживы, они грязны не только телом, но и душой. Разве они когда-нибудь приходили к нам с миром?» Султан сказал: «Чрезмерная мудрость хуже глупости. Какой вред может принести муравей, взобравшись быку на рога? Разве в силах червяк проглотить дракона?»

Среди голландских торговцев был человек, самый ничтожный из ничтожных, писец, некто Ян Питерсон Кун. Ему-то и удалось уговорить султана. Желая покончить со всякого рода

притязаниями португальцев, султан Бантама дал голландским и английским купцам разрешение на постройку двух факторий.

Голландцы пошли на обман: вместо одной фактории они выстроили дюжину факторий. Так Нидерландская Ост-Индская компания утвердилась одной ногой на Яве. Откуда-то появился генерал-губернатор. Кун выдвинулся и стал главным директором факторий, а также членом совета при генерал-губернаторе. Вскоре он забрал в свои цепкие руки все дела компании, Он разрушил английскую факторию и изгнал англичан из пределов княжества. В Джакарте Кун построил военный форт и постепенно превратил его в неприступную крепость. Этот Кун как-то произнес слова: «Туземцы — лживое и проклятое племя, которое, если оно будет сопротивляться компании, нужно уничтожать!» Голландцами овладело безумие, когда они нашли на мелких островах в заливе у Джакарты драгоценные камни. Даже крепостные бастионы теперь назывались: Алмаз, Сапфир, Жемчуг, Рубин.

Правитель княжества Джакарта призвал на помощь англичан. Но Рамангалла, не желавший видеть в крепости ни голландцев, ни англичан, двинул на Джакарту свои войска. Осажденные голландцы уже готовы были подписать договор и навсегда покинуть Яву, когда внезапно появился Кун с мощным флотом и с подкреплением с Молукк.

Корабельные пушки стерли с лица земли Джакарту, имевшую более трех тысяч домов. Все население было вырезано, армия Рамангалла разбита.

На месте древней Джакарты голландцы построили новый город, защищенный стеной и двадцать одной крепостью, и назвали его Батавией. Хорошо вооруженные гарнизоны, насчитывающие несколько тысяч человек, пушки, подъемные мосты и железные решётки, рвы и каналы преграждали доступ яванским войскам в Батавию.

— А кто-нибудь, кроме Рамангалла, пытался потом прогнать голландцев из Батавии?

— Да. Твой предок сусухунан Агунг. Он осадил Батавию. Новый генерал-губернатор Ян Питерсон Кун оказался в ловушке. Вот тогда-то разразилась холера. Кун умер от холеры в осажденной Батавии. Но на смену ему пришли другие, такие же кровавые и алчные…

— Я ненавижу их! — и принц Онтовирьо хватался за рукоятку священного криса.

— Пусть из струйки дыма в твоей груди вырастет вулкан Мерапи.

Голландцы пока еще не сделали ничего плохого принцу

Онтовирьо. Но их ненавидел и воевал с ними прадед Амангку Бувоно, их ненавидел отец Аном, их ненавидел Киай Моджо, их ненавидел даже султан Сепух. Поэтому и Онтовирьо считал беланда врагами яванцев, своими врагами. Ост-Индская компания представлялась ему в виде мифического чудовища Кабандха с огромным ртом и глазами на животе. Онтовирьо хотелось быть таким же сильным, как легендарный Рама, убивший это чудовище.

…Как-то Киай Моджо решил показать своему юному другу «чудесную гору» — храм Боробудур. Храм находился палах в двадцати шести (сорока километрах) от Джокьякарты, в долине Кеду.

Отпустив лошадей, Моджо и Онтовирьо взобрались на зеленый холм и застыли в немом изумлении: перед ними высилась гигантская пирамида, увенчанная ступой; Пирамида покоилась на квадратном основании. Каждая из четырех сторон имела в центре ворота с изображением маски чудовища Кала.

— Там, на верхних террасах, — сказал Моджо, — находятся каменные колокола — дагобы. Внутри каждого колокола восседает будда. Как рассказывают, Боробудур построил Гунадхарма, яванец, живший во времена великой империи Шривиджайя. После смерти Гунадхарма превратился вон в ту гору, что рядом с храмом. Строитель наградил свое творение чудодейственной силой; каждый, кто просунет руку внутрь дагобы и дотронется хотя бы кончиком пальца до каменного будды, станет могучим, как Сери Рама. Исполнится самое заветное желание смельчака.

— Я хочу туда! — воскликнул Онтовирьо.

— А не боишься?

Вместо ответа принц устремился в ворота и помчался по каменному коридору. Богослов едва поспевал за ним. Дорога на вершину храма вилась спиралью. Вскоре Онтовирьо сделалось жутко, и он замедлил шаг. Пустынный, заброшенный много веков назад храм… Гулкие коридоры, рельефные изображения чудовищ и небесных фей на стенах, балюстрады с нишами, в которых сотни статуй будды. Храм, почти засыпанный белым вулканическим пеплом. Давным-давно никто уже не поклоняется его богам, суеверные путники далеко стороной объезжают «чудесную гору». И только смельчаки изредка наведываются сюда. Безлюдье и могильная тишина… И в этой тишине особенно пугают собственные шаги. Как будто бы ты вторгся в царство мертвых.

Онтовирьо шел и шел. А перед глазами развертывались все новые и новые рельефные картины, и этой каменной книге не

было конца. Принц видел на стене изображения парусных кораблей и боевых колесниц, города, деревни, джунгли и море, королей на тронах и работающих в поле крестьян. И постепенно принцу стало казаться, что он слышит голоса этих каменных людей, их смех и песни. Они пели так же заунывно, как поют сейчас крестьяне на заливных полях — савахах. Должно быть, к ногам тех так же присасывались черные пиявки и так же палило тогда солнце. Все было так же. Только не было голландцев и компании. Когда яванцы создавали этот великий храм, голландцы еще пребывали в варварстве.

Яванцы знали приемы окраски тканей батик еще в те времена, когда голландцы рядились в звериные шкуры. С глубокой древности на Яве известны кукольно-теневой театр — вайянг и оркестр особых музыкальных инструментов — гамелан.

В первых веках нашей эры на островах Нусантары уже существовали могущественнейшие индо-яванские рабовладельческие государства Тарума, Калинга, Малайя, Шривиджайя. Ява и Суматра славились художественными ремеслами, мастеровыми — каменщиками, деревообделочниками, медниками, керамистами, ткачами. Изделия из слоновой кости, золота, серебра, хозяйственные орудия из железа и бронзы вывозились отсюда на кораблях в Индию, Китай, на Ближний Восток. Высока была техника ирригационного строительства: так, правитель Тарумы, как о том свидетельствует хроника, всего лишь за двадцать дней смог прорыть канал длиной в пятнадцать километров. А было это в 450 году! Архитектура и искусство достигли таких высот, что могли выдержать сравнение с лучшими образцами архитектуры и искусства других стран мира.

В VIII веке, когда яванские каменотесы возводили этот храм Боробудур, голландские племена, разрозненные, враждующие между собой, находились в рабстве у франков и саксов. Яванцы создали прекрасные величественные храмы Прамбанана и Панатарана; сокровищницей искусств стал остров Бали. В X веке на Яве появились книги, написанные прозой и в ритмизированной форме. Онтовирьо видел в дворцовой библиотеке самую древнюю из них, «Чандакарану», — руководство по стихосложению.

То была могучая культура великих островных империй.

Куда девались эти империи? Почему голландцы, которые на протяжении всей своей истории оказывались в рабстве то у римлян, то у саксов, то у бургундских герцогов, то у испанцев, в конце концов возвысились, обрели силу и даже смогли захватить Нусан-тару? Ведь еще в эпоху огромной империи Маджапахит, в

XIV веке, Голландия была всего лишь графством.

Киай Моджо ответил и на этот вопрос: островные государства погибли потому, что они враждовали между собой. С проникновением в XIII веке ислама на архипелаг вражда нередко носила религиозный характер, так как раджи, принявшие религию ислама, считали своим долгом вести войну против индуистских княжеств.

Голландцы возвысились потому, что совершили революцию, прогнали Габсбургов и создали независимое государство Нидерланды. Теперь они владычествуют над яванцами, а принц Онтовирьо с изумлением взирает на обломки погибших культур, на «чудесную гору» — дело рук его могучих предков.

Почему народ, испытавший на себе чужеземный гнет, сделавший революцию, поработил другой народ? Революция… В этом слове было что-то тревожное, волнующее. Революция — гроза королей, династий.

В истории Нусантары были крестьянские войны. Крестьяне рубили головы раджам, захватывали кра-тоны, устанавливали свою власть.

Но в конце концов почему-то верх одерживали султаны и сусухунаны. Они-то и пустили на острова всех этих беланда.

Неужели так будет продолжаться вечно?.. Принц невольно остановился перед изображением прекрасной яванки, сидящей под ветвистым плодовым деревом. Крестьянка едва приметно улыбалась. Синяя тень падала на ее лицо, и оно казалось почти живым, одухотворенным. Онтовирьо вздрогнул. «Ее глазами на меня, смотрит сама вечность…» — подумал он. И еще он подумал, что, может быть, изображение не выдумка мастера; возможно, много веков назад жила девушка-крестьянка, пела песни, любила и ее любили. И художник, любивший девушку, навеки запечатлел ее образ на каменной стене. Онтовирьо дружелюбно погладил прохладный серый камень и зашагал по выщербленным плитам наверх.

Желтый свет ударил ему в глаза. Он стоял на самой верхней террасе. Вершины окрестных гор были ему по плечо. Внизу в фиолетовой дымке зеленели кроны пальм и канари.

На трех террасах стояло семьдесят два огромных каменных колокола с отверстиями, и внутри каждого колокола виднелась статуя божества. Принц переходил от дагобы к дагобе. Он готовился совершить великий грех и потому сильно волновался.

Киай Моджо с доброй улыбкой наблюдал за юношей. Пусть хоть раз поверит в чудо… Когда вырастет, поймет, что чудес не бывает. Чтобы хоть немножко скрасить свою тяжелую жизнь, люди придумали сказки и легенды…

…Онтовирьо заглянул в ромбовидное отверстие. Бесстрастное лицо каменного истукана. Тяжелые полуопущенные веки, таинственная зовущая улыбка на толстых губах. Онтовирьо протянул руку и дотронулся пальцами до статуи.

— О восседающий на лотосе, — произнес он как заклинание, — я — человек иной веры, мусульманин, и совершаю тяжкий грех, от которого не очистит даже омовение. У меня много желаний. Но важнее их всех одно: уничтожь Ост-Индскую компанию вместе со всеми губернаторами и солдатами. Я не боюсь адского огня, только сделай это доброе дело. Если ты мудрый, то все поймешь…

«Против голландских пушек и кораблей бессилён даже аллах, а чего же тогда ждать от каменного идола, от которого здесь отвернулись люди, — с иронией подумал Моджо. — Восседающий на лотосе не знает тактики современного боя, и как ему справиться с хитрыми, изворотливыми голландцами?..»

— Ты настоящий герой — пахлаван, как твой предок принц Дипонегоро, — сказал Моджо. — Дипонегоро не боялся ни адского огня, ни голландских пушек. А твой прадед любил говорить, что умный грешник скорее попадет в рай, чем праведный дурак. Когда они вернулись в Тегалреджо, то узнали, что Моджо ждет гонец из Суракарты. «Султан султанов» повелевал священнослужителю немедленно прибыть во дворец. Озадаченный столь высоким вниманием к его ничтожной особе, Киай поспешно собрался, простился с Онтовирьо и Рату Агенг и отбыл в Соло.

Здесь его ошеломили вестью: Нидерландской Ост-Индской компании больше не существует! Французские революционные войска заняли Голландию и провозгласили там Батавскую республику. Штатгальтер Вильгельм V бежал в Англию. Долги и имущество Ост-Индской компании Батавская республика принимает на себя…

Богослов не знал, что и подумать.

…Онтовирьо исполнилось двадцать лет. Он овладел всеми науками и мог считаться богословом. Но с тех пор, как Киай Моджо покинул Тегалреджо, принц занимался без особого усердия. Заповеди пророка Мухаммада и афоризмы древних имамов нагоняли на него дикую тоску. Перед Онтовирьо лежали пухлые тома в кожаных переплетах. На страницах книг святые старцы спорили о каких-то мелочах, давали нелепые наставления. Они, конечно, не знали ни астрономии, ни математики: ибо ни один разумный человек не стал бы утверждать, что небо выложено золотом и алмазами. Как всю эту нелепость преподносить верующим? Киай Моджо был намного мудрее всех

этих святых имамов и шейхов. Но Моджо рядом не было, и первые годы Онтовирьо сильно скучал по богослову. Прямая натура Онтовирьо не терпела ни малейшей лжи, если даже эта ложь содержалась в священных книгах.

Он сделался задумчивым, тяготился длинными разговорами, искал уединения. Очень часто крестьяне видели среди дюн и меловых холмов худую длинную фигуру в белом хитоне и чалме. Онтовирьо тянуло в пустынные места, где его никто не мог потревожить. Он усаживался на песчаную вершину и наблюдал, как гаснет солнце. Его рыжевато-черные глаза, посаженные далеко друг от друга, расширялись, губы шевелились: он слагал стихи. Вспыхивало пурпуром небо, словно там, на западе, произошло извержение сотни вулканов, и почти мгновенно все погружалось в звездную тьму. Но принц продолжал сидеть на вершине дюны, застывший словно каменное изваяние. «Наш Сех Нгабдулрахим (такое имя носил теперь принц) разговаривает с богом…» — говорили крестьяне.

Доносился железный шелест пальмовых рощ. Кое-где в поселках вспыхивали огни. Там при свете ламп, в которых чадно горело кокосовое масло, ужинали вернувшиеся с рисового поля. Онтовирьо хорошо знал этих людей, их детей, жен, родственников; даже знал, у кого сколько буйволов и зебу. Правда, во всей округе буйволов можно было пересчитать по пальцам — обычно крестьяне сами впрягались в соху. Крестьяне этих мест были, пожалуй, самыми бедными на всем острове. Тегал — значит неполивное поле. Мелкая река Бинанга была не в силах оросить неплодородные земли. В засушливый период здесь вообще не росло ничего, и люди умирали от голода. Голландские чиновники протянули жадные руки и сюда: они аккуратно взимали с крестьян налоги, указывали, где и что сеять и сажать. Каждая деревня обязана была выполнять принудительные поставки продуктов. Кроме того, крестьянин часть урожая отдавал чиновникам Сепуха, работал на полях султана. На шее труженика сидело также духовенство — все эти имамы, шейхи, чатибы, муджтахиды, мубаллиги, мувалимы, муфасиры.

Однажды Онтовирьо зашел в лачугу, где, как он слышал, у крестьянина умерли от голода жена и дети. Бедняк Абдулла стоял на коленях, а завидев принца, разразился проклятиями в адрес вельмож и самого бога. «Ты гневишь аллаха, — сказал Онтовирьо. — Мухаммад учит смирению и уничижению. Из капель пота Мухаммада вырастали розы. А ты, безумец, своей хулой закрываешь себе путь в рай и открываешь дорогу в ад. Бог милостив, но кара его ужасна».

Глаза Абдуллы вспыхнули. «Убирайся со своим богом в

преисподнюю! — закричал он. — Я не боюсь его и плюю на него. Он всю жизнь мучает меня здесь. Но ему этого мало: пусть кровопийца терзает меня и на том свете… Аллах любит только таких, как ты, а таких, как я, он сбивает с ног да еще волочит по земле…»

Небо не разверзлось и не покарало нечестивого. Иногда странные мысли приходили в голову Онтовирьо. «Я принадлежу к тем, кто проводит время в праздности. Я принц, сын раджи. А предки моей матери — крестьяне, такие же, как эти… — думал он. — Почему один носит золотой меч, а другой ходит в рогоже? И рай и ад существуют в этом мире… Чеад султан Сепух отличается от заморского дьявола генерал-губернатора Альберта Висе?»

Сперва Онтовирьо слагал стихи о пылающих орхидеях на стволах деревьев, о клубящихся в жарком желтом свете ярких, как радуга, бабочках, о бананах с их громадными листьями и гроздьями плодов, о темно-синем море, разбивающемся о белые, как груды соли, коралловые рифы, о тоненьких, как ротан, девушках, выходящих в мокрых саронгах на берег, и о вечно шумящих пальмах с пепельно-серыми гибкими стволами…

Но с годами в строки пантунов стали вплетаться иные образы: умирающий от голода ребенок и мать бессильная ему помочь; наводнение в горах — проклятый поток банджир, сметающий на своем пути и бамбуковые хижины и деревья, банджир, поднимающий свои мутные волны до неба; вулканы, изрыгающие пламя и выжигающие целые деревни; жадный чиновник в черном суконном сюртуке и вонючих сапогах, забирающий у бедняка последнюю горсть риса; вождь восставших Дипонегоро, умирающий в тяжелых кандалах на чужбине.

Онтовирьо отвечал тем, кто пытался представить Яву райским садом, а ее жителей — добродушными, кроткими и покорными, только и мечтающими о том, как бы лучше услужить своему господину. У себя на родине голландцы рассказывали о волшебном крае южных морей с экзотическими островами пряностей, населенными беззаботными, как дети, туземцами, проводящими в полудреме все свое время, ленивыми, увитыми венками из лотосов и орхидей. На островах вечного лета растут хлебные и дынные деревья, кокосовые пальмы и сахарный тростник, и человеку не нужно заботиться о хлебе насущном, о жилище. Кому-то нужны были эти сказки. Онтовирьо видел, как круглый год гнут спину на грядках крестьяне и все же живут впроголодь. Каждая кокосовая пальма имела своего хозяина, и каждый орех был на счету. С каким нетерпением ждал бедняк, когда созреет на его хлебном дереве плод! А банан тут был таким

же лакомством, как и в Европе. В поселения — кампонги вползали злые болезни — оспа, холера, малярия, уносящие тысячи жизней.

И вот в стихи Онтовирьо ворвалось удивительное слово: «Свобода»! Откуда взялось оно? По-видимому, оно, как неугасающий вулкан Мерапи, всегда жило в сердце каждого яванца, но не всякий смел произносить его. Теперь это слово вслух произнес принц, и «пантун о свободе» обрел крылья, полетел из кампонга в кампонг. И когда Онтовирьо появлялся в деревне, его встречали радостными возгласами: «Мердека! Мердека! Свобода!..»

Принц недоумевал: крестьяне понимали это слово слишком прямо — свобода от всех поработителей. И от голландских и от своих. А он в своем пантуне имел в виду прежде всего свободу духа, нечто возвышенное, почти неуловимое. Быть свободным, как птица, парящая в небе…

Отец Аном, как-то пожаловавший в Тегалреджо, сказал Онтовирьо:

— Султан Сепух тобой недоволен. До него дошли слухи, что ты своими стихами вводишь в соблазн мархаэн.

Мархазн — значит простой народ.

— Разве я не вправе слагать пантуны о том; о чем мне хочется? — возмутился Онтовирьо. — По милости Сепуха я вынужден украдкой встречаться с матерью. В кратон дорога мне закрыта. В чем моя Вина перед богом и людьми? Разве в моих жилах течет не твоя кровь? Мне в утешение остаются лишь пантуны, но даже и их султан хочет отнять.

Отец ласково положил ему руку на плечо.

— Я слышал твои стихи, они как зеркала. Но мудрецы говорят, что ошибки умного человека — пыль на полированном зеркале: их нетрудно стереть. Я сам когда-то сочинял пантуны, но те времена прошли: со дна колодца видишь лишь клочок неба. Ты произносишь; «Свобода». Еще совсем недавно французы на весь мир кричали: «Свобода! Равенство! Братство!» Султан боится этих слов: они как факел возле стога соломы. Бойся мархаэна. Мархаэн как поток банджир, — он не щадит никого. Ты принц, и тебе ли уподобляться мужицкому вожаку Кен Ароку из Кедири. Лучше сочиняй пантуны о закатах и райских птицах.

О Кен Ароке, простом крестьянине, еще в древние времена поднявшем восстание против трона, Онтовирьо слышал не раз. Он усмехнулся и сказал:

— Но ведь справедливый король революции Бонапарт тоже произносит эти мятежные слова: Свобода, Равенство, Братство!

Аном сморщился:

— Император Наполеон больше не произносит подобных слов. Большой гром, но малый дождь…

Восемь лет прошло с той поры, как была уничтожена Ост-Индская компания. Все надеялись, что скоро, очень скоро голландцы уберутся домой: ведь их самих теперь захватил Наполеон! А кроме того, французы провозгласили, что свобода и равенство являются неотъемлемыми правами человека.

Но события развивались в ином направлении. Голландцы по-прежнему оставались на старых местах. Правда, коллегия всемогущих директоров компании была упразднена, а вместо нее создали «Комитет по делам ост-индской торговли и владений», находившийся под непосредственным контролем правительства Батавской республики (как стали называть Голландию). Другой комитет выработал «Хартию для азиатских народов». Эта хартия, по мысли ее составителей, должна была обеспечить «насколько можно большее благосостояние жителей Ост-Индии, насколько можно большие преимущества для голландской торговли и насколько можно большие прибыли для финансов голландского государства»,

— Это называется: ломать стену на востоке, чтобы починить стену на западе, — горько шутил Адипати Аном. — Недаром говорится, что где много законов, там много воров.

«Справедливый император» Наполеон не торопился давать свободу Ост-Индии, Даже больше того: он очень скоро превратил Батавскую республику в Голландское королевство, посадив на престол своего третьего брата — Людовика. И все же поговаривали, что старого генерал-губернатора Альберта Висе, отъявленного казнокрада и работорговца, должны отозвать в метрополию, а на смену ему пришлют другого, более милосердного губернатора, друга самого Наполеона. Тогда-то уж кое-кому не поздоровится! Наполеон… Онтовирьо много думал о нем. Кто он, этот удивительный человек, поставивший весь мир на колени? Было только известно, что Бонапарт родился на острове, гораздо меньшем, чем Ява, служил простым капралом, затем стал генералом революции, консулом и, наконец, императором. Может быть, Наполеону все недосуг обратить свой взор на Ост-Индию, и он не знает, что творят здесь его слуги?..

Новые события нарушили однообразное течение жизни. Однажды утром, сидя на берегу реки в тростниковых зарослях, Онтовирьо заметил девушку, выходящую из воды. Ее бедра были стянуты золотисто-желтым саронгом. Мокрые волосы лежали на открытых плечах, блестящих, как полированное дерево. Она повернула голову в ту сторону, где затаив дыхание сидел принц, и он увидел большие черные глаза, по-детски пухлые, чуть

воспаленные губы. Онтовирьо узнал ее: это была Ратнанингсих, дочь небогатого раджи из соседнего кратона.

Ратнанннгснх засмеялась, позвала подруг. И пока подруги плескались в воде, она лежала на берегу, пересыпая с ладони на ладонь тонкие золотые струйки песка.

Ее негромкий смех еще долго потом звенел в ушах Онтовирьо. Он бродил в сумерках по пустынным холмам, пытался думать о вечности и звездах, а перед глазами блестели обнаженные девичьи плечи. Это было как наваждение.

Чтобы обмануть лукавого, принц вновь переменил имя и стал теперь называться Сех Нгабдулхамид. Он ушел на берег Индийского океана в пещеру Лангсе, питался кореньями и ласточкиными гнездами.

Гремели волны. А в ушах принца их шум сливался в единый звук: «Ратнанингсих… Ратнанингсих…» Еще больше похудевший и почерневший вернулся Онтовирьо в Тегалреджо.

— Я хочу взять в жены путри Ратнанингсих! — сказал он прабабушке. Рату Агенг улыбнулась: она давно ждала этих слов и давно уже приготовила идах теранг — подарок, предназначенный невесте.

И вот Онтовирьо и Ратнанингсих сидят рядом на почетных местах. Они — жених и невеста. На голове у жениха кулук из белого шелка. Гирлянды цветов свешиваются на обнаженную грудь, обсыпанную желтой пудрой. Длинная юбка — каин стянута желтым шарфом. За поясом торчит крис.

Невеста, тонкая, как стрела, боится шевельнуться. Шелковые одежды, бархат, золотые украшения стесняют ее. Запах душистых масел и благовоний кружит голову. Она раскраснелась и от избытка счастья, от говора и смеха гостей, от звона гамелана близка к обмороку. Онтовирьо ободряет ее улыбкой, незаметно прикасается к ее тонкой смуглой руке.

Гостей много. Приехали отец Аном и мать. Мать все такая же молодая и красивая, хрупкая, как цветок. Даже султан Сепух прислал богатые подарки. Эти подарки преподнесли новобрачным самые именитые вельможи дяди Онтовирьо: принц Беи и принц Мангкубуми.

А за оградой дома теснятся толпы крестьян. Они тоже принесли подарки «незаконнорожденному принцу», в жилах которого течет также и кровь простолюдина. Мелькают яркие шелковые халаты и тюрбаны священнослужителей. Но среди них нет дорогого друга и учителя Киая Моджо…

Через год Ратнанингсих родила сына, и это опять было большим событием, большим праздником. Онтовирьо стал отцом, а Рату Агенг прапрабабушкой. Сына назвали Аномом, в честь

принца Адипати Анома. А еще через два года появился на свет второй сын — Дипокесума. Онтовирьо мог считать себя самым счастливым человеком на Яве. Но радость его была омрачена непоправимой утратой: неожиданно умерла Рату Агенг. И сразу померкло Солнце. Даже самые важные события стали казаться пустячными. Несколько дней неподвижно сиделкой на могиле прабабушки. Он вспоминал ее ласковые руки, кроткие глаза, тихий голос. Для чего родится человек, почему его краткая жизнь переполнена страданиями и печалью?..

Не успел Онтовирьо как следует оправиться от горя, как в Тегалреджо пожаловал гонец из Джокьякарты. Султан Сепух повелевал принцу немедленно прибыть во дворец. Онтовирьо был озабочен: если уж Сепух вспомнил о нем, то случилось нечто необыкновенное. Он вскочил на коня и помчался в Джокьякарту.

III
«ГРОХОЧУЩИЙ МАРШАЛ» И ФЛАГИ НАД БАТАВИЕЙ

Во дворце Онтовирьо встретили приветливо. Адипати Аиом укоризненно покачал головой:

— Ты изнурил себя постом и молитвами. Истинное благочестие перед богом — покорность. Недаром само слово «ислам» в переводе на наш язык значит «покорность». Рату Агенг была святой, как Хадиджа, и аллах призвал ее на небо. Для людей нет свободного выбора. Ныне по воле аллаха тяжко занемог наш повелитель султан Сепух, и на нас с тобой он возложил почетную обязанность: приветствовать в Батавии нового генерал-губернатора, близкого друга великого Наполеона маршала Дандельса. Предстоящая поездка укрепит тебя.

Онтовирьо был поражен: значит, наконец-то прибыл новый генерал-губернатор, посланец Наполеона Бонапарта!.. Приезд такого человека сулил большие перемены.

Султан Сепух «занемог» в тот самый день, когда получил письменный приказ Дандельса: всем правителям султанатов и княжеств вместе с принцами и вельможами всех рангов к определенному сроку быть в Батавии.

Сепух пришел в великое негодование:

— Какой-то адвокатишка, примчавшийся из-за океана, ничтожный слуга самозванного императора, смеет нам в нашем собственном государстве, повелевать! Пусть верный голландский пес сусухунан Паку Бувоно III гнет спину перед этим бумажным маршалом. Ноги моей не будет в богомерзкой Батавии!..

Тщетно пытались придворные и принц Аиом образумить султана.

— Вот вы все и поедете! — вскипел Сепух. — В придачу возьмите змееныша Онтовирьо, хорошая компания для беглого адвокатишки Дандельса.

Сепух закрылся во внутренних покоях, а знахари объявили голландскому резиденту, что султан сильно болен.

Как ни был удручен горем Онтовирьо, весть о поездке в неведомую Батавию обрадовала его. Слишком уж много страшного и непонятного говорили об этом городе, где все не так, как в Джокьякарте.

Началось путешествие по равнинам и болотам, через порожистые реки и ущелья. Конный отряд двигался на северо-

запад. Посланцам султана предстояло пересечь всю Центральную Яву — Кеду, Баньюмас, а также приангерские области Западной Явы.

Онтовирьо ехал впереди. Ни рычание потревоженного тигра, ни переползающие тропу гигантские сетчатые питоны, ни сопение носорога в зарослях не пугали его. Джунгли кишели змеями. На берегах озер дремали крокодилы. В ветвях гигантских деревьев рассамала прыгали гиббоны. Это был тропический лес, влажный, сырой, опутанный лианами, воздушными корнями пандануса, расцвеченный яркими, словно тлеющие угли, цветами. По ночам дико кричала птица-носорог. Утром на солнцепеке важно разгуливали павлины. Особенно много было бабочек: радужное облако всегда танцевало перед глазами.

Земля Явы… Из кратеров вулканов с шипением вырывался пар. Белая пыль тяжелым слоем оседала на каменных глыбах. По склонам гор лепились жалкие лачуги бедняков. У каждого крестьянина — поле, маленькое, как ладонь ребенка. Это земля, которую бедняк «одолжил» у хозяина голландца за большую долю урожая. На заливных полях — савахах свирепствовала малярия. Здесь из тысячи умирало больше половины. В хижинах на циновках лежали старики, женщины, дети с раздутыми синими животами. Под мохнатыми пальмами были свалены трупы.

Кавалькада вступила в Приангер, край горцев сунданцев. Потянулись чайные и кофейные плантации. Там и сям виднелись аккуратные голландские домики под острыми, крытыми черепицей крышами, огороженные высокими кустами мальвы.

Когда отряд остановился на отдых неподалеку от; одного селения, из красного с белыми полосами домика выскочил фермер с топором. Его сопровождала свора свирепых псов. Фермер был рыжий, с воспаленными от беспрестанного пьянства глазами.

— Эй вы, коричневые дьяволы, убирайтесь отсюда! — закричал он. — Это моя земля, и я не позволю, чтобы ваши лошади вытаптывали траву…

Онтовирьо огрел плетью здоровенного пса, а потом схватил подбежавшего голландца за ворот рубашки. Фрисландское полотно расползлось.

— Твоя земля, вонючий мачан?! А плети не хочешь? На колени, вонючая тварь, перед посланцами великого султана!

Фермер взвыл, выронил топор.

— Разбойник! Желтоглазые… Я буду жаловаться генерал-губернатору…

— Отпусти его, — сказал принц Аном. — Им овладел амок от солнца и рома.

— Их надо уничтожать! — вырвалось у Онтовирьо. Он дрожал от злости. Крестьяне наблюдали! за этой сценой с угрюмым безразличием. «Если этот беланда бросается с топором на посланцев султана, то как же тогда он обращается со своими, крестьянами! — думал Онтовирьо. — Почему они так равнодушны к своим страданиям? Почему ни один из них не всадит крис в жирную волосатую грудь негодяя?»

Теперь на каждом шагу попадались военные форты. Высокое посольство часто останавливали, проверяли грамоты и лишь после этого, будто делая великое одолжение, пропускали дальше.

Маршал Дандельс решил принять туземных правителей не в своей резиденции в Бейтензорге, а в самой Батавии, Должен был состояться военный парад голландских и французских войск, намечалась церемония поднятия государственного флага наполеоновской империи.

Султан Сепух оказался хорошо осведомленным, когда говорил о прошлом нового генерал-губернатора. Беглый голландский адвокат Херман Дандельс поступил на службу во французскую армию. Вернувшись во главе так называемой «северной армии» в Голландию, он столь ревностно расправлялся с соотечественниками, что Наполеон, умилившись, присвоил ему звание маршала, а Голландию объявил «Необходимым дополнением» к своей империи. Теперь, в 1808 году, Дандельс очутился на Яве, облеченный Людовиком Бонапартом особыми полномочиями и диктаторской властью.

В одном ошибался Сепух: Дандельс не был «бумажным маршалом». Его называли «железным маршалом». Прежде всего Дандельс изорвал в клочья «Хартию для азиатских народов», разогнал все комитеты и потребовал полной отчетности.

— Доктрины свободы и равенства не могут быть применены к цветным, — заявил он. Я отозвал губернатора провинции Северо-Восточного побережья и посадил его в тюрьму за ущерб, нанесенный государству. (Губернатор слыл казнокрадом.)

Когда принц Аном в учтивой форме передал генерал-губернатору о том, что султан Сепух по состоянию здоровья не смог прибыть на церемонию, Дандельс стукнул кулаком по столу:

— Этот старый смутьян еще поплатится за свои фокусы! Он здоров как буйвол. Резидент мне доложил.

Парад состоялся на огромном пустыре, получившем наименование «Поля виселиц». Маршировали стрелки, гренадеры, гарцевали гусары, драгуны, кирасиры, угрожающе щерились жерла пушек и мортир. Престарелый сусухунан Суракарты Паку Бувоно III зябко поводил плечами. Он решил сразу же завоевать расположение «железного маршала» и пожаловался ему на

султана Сепуха. Правитель Джо-кьякарты собирает армию, хочет объявить войну Суракарте, а возможно, и европейским властям. Сепух — сын покойного мятежного самозванного султана Суварги. Он ненавидит голландцев.

— Я сам нанесу ему визит! — пообещал Дандельс.

Выступление маршала перед туземными правителями было коротким, но выразительным:

— Хозяин здесь я! За неповиновение — виселица. Вот тут, на «Поле виселиц». Яву я разделил на девять округов. Каждый ландрост подчиняется непосредственно мне. Все туземные царьки отныне будут именоваться репентами. С сего дня все вы становитесь чиновниками голландского правительства. Каждому присваивается воинское звание. Каждому назначается жалованье. Будем готовиться к войне с Англией. Все!..

Ну, а что касается церемониала и этикета, то он значительно упрощается: голландским должностным лицам запрещается оказывать знаки почтения туземным правителям. Головные уборы в их присутствии не снимать. Цветные должны знать свое место. Все яванцы — отныне нидерландские подданные. Налоги с подданных поступают в нидерландское казначейство. Во всех дворцах в обязательном порядке вывесить портреты великого самодержца Наполеона.

В свите сусухунана Онтовирьо увидел давнего друга Киая Моджо. Богослов отпустил бородку, глаза его по-прежнему лукаво щурились.

— Аллах акбар! — приветствовал его принц.

— Аллах алваси… — отозвался богослов. — Вот человек, который из ребенка превратился в мужа. Старый обманщик будда надул тебя: компанию разогнали, а порядки хуже прежних. То-то говорится, что бивень слова невозможно выпрямить. Ушли от тигра, а попали к дракону.

Встреча с Моджо ободрила Онтовирьо, наполнила сердце радостью. Опять они вместе, и сколько нужно сказать друг другу!.. Только не здесь и не сейчас…

Когда над Батавией взвилось трехцветное французское знамя, принц спросил:

— Что означают три цвета этого флага?

— Свобода, Равенство, Братство! — ответил богослов и горько улыбнулся.

…Онтовирьо и Киай Моджо ехали по Батавии. Голландцы построили столицу — «Королеву Востока» — по образцу нидерландских городов, с их тенистыми вязевыми парками, готическими зданиями, широкими каналами. Странно здесь, среди роскошной тропической растительности, выглядели

массивные каменные дома с высокими черепичными крышами, окнами с гранеными стеклами и распахивающимися ставнями, с колоннами и галереями. Вонючие каналы прорезали весь город; по ним плыли бамбуковые плоты и лодки, груженные кофе, сахаром, копрой. Плескались в воде белокурые юфроу и мефроу, бесстыдно обнажая ослепительно белое тело. Да и кого им было стесняться? Не этих ли двух коричневых в высоких тюрбанах?

Деревянные здания контор, пахнущие ананасной гнилью склады, церкви, выбеленные известью, магазины, таверны, тюрьмы, шумные пасариканы — рыбные базары… И всюду — солдаты, солдаты… Голландцы, французы. Чиновники в голубых суконных фраках с галунами, офицеры в камзолах, при шпагах, на сильных фламандских лошадях.

Лихие гусары и карабинеры в касках цвета красной синели уже освоились и галантно, но бесцеремонно ухаживают за пышнотелыми мефроу, бросают им в пролетки только что сорванные за оградой полыхающие тюльпаны. Французы чувствуют себя здесь как дома. Они — хозяева положения! Вот бредут, обнявшись, два солдата — низкорослый француз и громадный голландец. Каждый поет что-то на своем языке. Француз выкрикивает давно понятные слова: «Свобода, Равенство, Братство» — и хохочет.

У «Амстердамских ворот» целая шайка проституток — их вывезли из Европы. Они зазывают подгулявших вояк в публичный дом, который разместился неподалеку от городской ратуши.

И с каким презрением посматривает весь этот заморский сброд на принца Онтовирьо и Киая Моджо! В их глазах эти двое — дикари, прирожденные рабы, слуги белого человека.

Во дворце султана Сепуха говорят на трех языках: на кромо — со знатью, с остальными на обыкновенном малайском, со слугами — языком жестов и приказов. «С нами беланда разговаривают языком жестов и приказов…» — подумал Онтовирьо. А вслух сказал:

— Этот город как язва на теле Явы. Почему аллах не обрушит гнев на гнездо наших врагов?

— Там, где аллах бессилен, должны действовать люди, — серьезно сказал Моджо. — Здесь пышно расцвело сказочное дерево зла — закуум, каждый цветок его — голова демона…

Особенно раздражали Онтовирьо трехцветные флаги — символы свободы. Они болтались на ветру, как нахальные языки, дразнили. Оказывается, доктрины свободы и равенства применимы только к белым…

Словно угадывая мысли принца, Моджо сказал: — Вообрази себя на миг могущественным правителем. Тебе все подвластно,

ты можешь устроить вселенную в согласии со своими желаниями. Как бы ты поступил?

Кончики губ Онтовирьо тронула насмешливая улыбка.

— Равенство, Братство, Свобода… Эти слова невозможно вытравить из сердца. Я сделал бы их законом своего великого государства. Я призвал бы всех великих и малых и повел на чужеземцев, лживых мачанов. Я сам скакал бы впереди всех и метал копье за копьем. Я накормил бы наш голодный народ, роздал земли, освободил от бремени налогов.

— Но ты ни разу не помянул бога?

— Когда руки не достают до вершины холма, незачем протягивать их до солнца. Будь Моджо чудотворцем, он превратил бы меня в правителя всей Нусалтары, справедливого и милосердного. Я восседал бы на простой циновке, в самой убогой лачуге и ел бы пищу вместе с бедняками. Ибо где богатство, там и лукавство. На знаменах моего государства — слова древнего писателя Тантуллара: «Единство в многообразии». Я не вижу разницы между желтыми, черными, коричневыми и белыми. Я не преследую балийцев за то, что они поклоняются своим богам. Пусть жители Минахасы молятся своему Христу, Правитель великого государства должен быть терпим. Я уподобляюсь мудрому Сулайману, решающему все споры. Но что мне делать с неким человеком по имени Пангеран? Он не хочет равенства и братства со знакомым мне бедняком Мархаэном, у которого от голода умер ребенок. Пангеран привык жить во дворце, и ему нет дела до Мархаэна, работающего на него. Эти двое вносят раздор в мое государство справедливости.

— Пока общий враг не изгнан из пределов Нусантары, их должен объединить символ веры, — сказал Моджо.

— Мархаэн дерзок, он хочет есть, он бросает вызов даже небу. Я говорю ему: «Знайте, что жизнь в земном мире есть обманчивая утеха, обольщение, суетный наряд, тщеславие между вами, желание отличиться множеством имуществ и детей. Счастье наступает после смерти». Он отвечает: «Мои дети хотят есть. У меня много детей, но нет имуществ. Почему Пангеран присвоил мое имущество, мою землю, мой труд? Мне не нужны небесные девы бидадари, золотые блюда и кубки в раю. Я хочу здесь, на земле, накормить своих детей и свою высохшую жену, которую не заменят мне никакие черноокие бидадари. Пусть Пангеран отдаст мое…».

Пангеран — мой родственник, у нас в жилах одна кровь. Мархаэн также мне сродни — есть частица его крови и во мне.

Как бы ты поступил на моем месте, мудрый учитель, как рассудить этих двоих?..

Богослова даже пот прошиб.

— Ты уже созрел для великого дела! — произнес он. — Кто думает о Мархаэне, тот всегда прочно стоит на земле.

— Заблуждение! Мне просто хочется по справедливости рассудить двоих — и ничего больше. Мне чужды небо и земля. Я не люблю много есть и пить, мне не нужна удобная мебель и успехи, о которых говорится в коране. Аллах слушает только того, кто воздает ему хвалу. Почему он так падок на хвалу и опутывает меня всяческими запретами? Я не люблю меда, молока и вина, которые ждут меня в загробной жизни. Мелочность пророков вызывает у меня презрение. Я хочу быть свободным от всяких пут. Какой смысл в моем существовании, если все уже заранее предопределено и записано в книге судеб? Что бы я ни делал, что бы ни говорил — все это по воле аллаха.

— Люди верят в аллаха и не знают о твоих намерениях, — задумчиво произнес Моджо. — Если ты будешь говорить с ними от имени аллаха, они скорее поймут тебя. Если все в воле аллаха, то ты, пытающийся рассудить и примирить непримиримых, пророк его. Должно же быть что-то, что объединило бы всех для борьбы с чужеземцами. Ты сам сказал, что слова о равенстве и братстве не по вкусу Пангерану. Но эти слова сплотили французов, принесли им невиданные победы. Мы отстали от Европы, наши люди неграмотны, темны. Только символ веры может поднять их на священную войну.

Как бы ты ни поступил, я всегда буду рядом с тобой…

…Онтовирьо вернулся к себе в Тегалреджо. Встреча с «железным маршалом» Дандельсом, человеком с воинственно закрученными усами и белыми, как молоко, глазами, оставила тягостное впечатление. Наполеону нет никакого дела до народа Нусантары, если он послал сюда жестокого деспота. Он хуже всех бывших ранее губернаторов… Он хочет превратить яванцев в своих солдат, а правителей — в чиновников. Кому нужны его лживые флаги и портреты Наполеона, этого гнусного обманщика?..

Но Онтовирьо еще не видел «железного маршала» во всем его «блеске». Дандельс был активной силой и яе бросал слов на ветер.

Задолго до приезда в Батавию он вынашивал грандиозный план: превратить Яву в неприступную для англичан крепость, в огромный военный лагерь, установить военные порядки, жесточайшую диктатуру. Власть должна находиться в одних руках. Он и без советов и помощи всесильного Наполеона и его брата Людовика знает, что делать. Он сумеет сколотить могущественную империю здесь, в Юго-Восточной Азии. Связи с

метрополией прерваны — и, по-видимому, надолго. Англичане утвердились в проливах, блокировали морские пути. Тем лучше. Никто из инспекторов короля Людовика Бонапарта не доберется сюда. К черту инструкции, хартии; к черту маленького жирного капрала, доморощенного гения, и его не в меру возомнившего о себе слабохарактерного братца, женившегося по приказу Наполеона на Гортензии Богарнэ!

Отныне Дандельс никому не подчиняется, ни перед кем не отчитывается.

Маршал ван ден Г. Г. Х. В. Дандельс!.. Правитель Ост-Индии, полновластный хозяин на всем Малайском архипелаге…

Из ничтожества по трупам поднялся он на алмазный трон, на века прославился военными подвигами, стал государственным деятелем огромного масштаба. С каким упорством приходилось пробиваться сквозь плотную стену завистников, клеветников, карьеристов, бездарных людишек, чей удел — забвение! Он нажил врагов в Голландии. «Оранжисты», сторонники жалкого беглеца штатгальтера Вильгельма V, жаждут его крови. Приближенные Наполеона, «Их Высокие Могущества», и сам Людовик, коннетабль империи, прониклись враждебностью к «железному маршалу». Для них Дандельс — «грязная, сомнительная фигура», от которой лучше всего избавиться. Он, видите ли, «компрометирует» эту сволочь, этих выскочек, чудом оказавшихся у власти. Людовик, который, по словам Наполеона, «царствует, как капуцинский монах», не стал возражать, когда император посоветовал послать Дандельса генерал-губернатором на Яву. Хитрый корсиканец подготавливает почву: ему нужно во что бы то ни стало лишить Англию колоний. Когда будет покорена Россия, распахнутся ворота в Индию. А здесь, в тылу, неприступным барьером протянется Малайский архипелаг, владения «железного маршала» Дандельса. Отсюда он бросит в Индию резервы, свежие, хорошо обученные полки. Наполеону нельзя отказать в изворотливости и проницательности. Он знал, кого послать сюда!..

Да, Наполеон сознательно направил «железного маршала» в Юго-Восточную Азию. В глубоком тылу, если можно так назвать Ост-Индию, нужен твердый, решительный человек. Железная воля Дандельса вошла в поговорку… А голландские колонисты на Яве представляют пеструю смесь: тут и «оранжисты», и республиканцы, и бонапартисты. Нужно всех их сделать бонапартистами.

Но ни Наполеон, ни его всевидящий министр Фуше не догадывались, да и не могли догадываться, кому вручили судьбы Малайского архипелага.

Херман Биллем Дандельс был тяжело болен. Неизлечимая и неуклонно прогрессирующая болезнь его носила греческое название «паранойя», что в переводе на все языки значит «сумасшествие».

Мания величия, мания преследования, крайняя неуравновешенность характера, «логиконепроницаемость», нетерпимость к чужим мнениям и чрезмерная самоуверенность, гигантомания, склонность к увлечению грандиозными бредовыми идеями, доходящая до фанатизма, — всеми этими признаками страшной болезни обладал «железный маршал» в высшей степени. Параноиков называют людьми с «кривой» логикой. Их бредовые идеи связаны в стройную систему. Сознание при этом заболевании остается ясным, мышление вне пункта помешательства вполне упорядоченное. Параноики логичны и рассудительны, любят говорить и писать, с энергией и чувством отстаивают свои убеждения. Болезнь трудно распознать, о ней не подозревает даже сам свихнувшийся.

Таким человеком с «кривой» логикой и был Дандельс. Пунктом помешательства стала идея централизации власти в одних руках. Мир казался «железному маршалу» слишком некомпактным. Вот почему на первых порах он стал горячим поклонником Наполеона, вынашивавшего мысль о мировом господстве. Люди, слишком инертны, равнодушны ко всему, кроме собственного благополучия, им нужен погонщик, неподкупный вождь, аскет, обладающий несгибаемой волей, неукротимый, не способный на компромиссы, нетерпимый к слабостям других…

Вскоре Дандельс убедился, что Наполеон далеко не отвечает этому идеалу: император был гением лишь на поле боя, но в остальном он напоминал заурядного обывателя — любил власть ради власти, ради возвеличения собственной персоны; не стремился облагодетельствовать государство и охотно присваивал величайшие ценности; устроил родных и близких на тепленькие места; смотрел сквозь пальцы на проделки взяточников-министров, терпимо относился к ним. Любимым выражением его было: «Когда говорят о короле, что он хороший человек, то это — неудачное царствование».

После сорока лет «железный маршал» пришел к выводу, что признаки гениальности заложены в нем от рождения. Всем он обязан только своему уму, своей воле. Окружающее не имело значения. Цель жизни — дело. Власть нужна не ради самой власти, а лишь для того, чтобы другие беспрекословно выполняли твою волю, двигали дело вперед; ибо никто, кроме Дандельса, даже сам Наполеон, не в состоянии понять, в чем истинная польза

для государства. Люди — лишь строительный материал для великого государства. Особые качества разума поставили Дандельса над миром; все должны подчиниться, внимать и беспрекословно выполнять приказы!

Сомневающиеся, колеблющиеся — враги государства, личные враги «железного маршала». Все люди — потенциальные враги. Мелочность идеалов, погоня за наживой, непонимание пользы жестокой централизации делают их противниками великого человека. Нет смысла убеждать их, они преклоняются только перед силой. Единственная форма управления этим стадом — диктатура одной личности. Демократизм приводит к развязыванию низменных инстинктов черни.

Человек с «кривой» логикой стал диктатором на Яве. Конечно же, дальновидный государственный деятель всегда опирается на армию. Без армии он подобен королю в изгнании. Нужно прежде всего увеличить армию, установить жестокую дисциплину, скрутить туземных царьков, нагнать страх на цветных, сформировать туземные полки против самих же туземцев и их владык, ввести принудительный труд…

Со всех княжеств и округов Явы были согнаны люди. Остров покрылся казармами и военными госпиталями. В Семаранге появилась мастерская для, литья пушек, в Сурабае — оружейный завод. Вокруг Батавии и других городов сооружались новые форты. Армия увеличилась с четырех тысяч до восемнадцати тысяч солдат.

Даидельс начал строительство военно-почтового тракта от Аньёра до Панарукана протяженностью свыше тысячи километров. Как управлять страной, перебрасывать войска без хороших дорог?.. Чтобы проехать с запада на восток Явы по джунглям, нужно сорок дней; теперь тот же путь покрывался за неделю.

Это было невиданное по размаху строительство подобные деяния, конечно же, входят в историю веков. Сотни тысяч согнанных на стройку яванцев нашли могилу в непроходимых болотах и джунглях.

Когда султан Бантама отказался поставлять рабочую силу, Дандельс, ослепленный яростью, бросил армию на Бантам, стер с лица земли город, казнил главного министра, сослал непокорного султана на Амбоину, а его государство объявил владением Голландии.

Не менее жестоко расправился «железный маршал» с регентом Мадиуна принцем Ронго. Принц Ронго поднял восстание в своем маленьком княжестве. Восточная и Центральная Ява пришла в движение. Ронго созвал крестьян, сформировал из них

боеспособные отряды, вооруженные не только копьями, но и бамбуковыми пушками. К нему примкнул со своим отрядом беглый крестьянин Абдулла. Ронго установил связь с несговорчивым султаном Джокьякарты Сепухом, получил от него подкрепление.

В войсках Ронго появился таинственный пангеран Дипонегоро — умелый, хитрый вождь. Он доставлял много неприятностей голландцам: совершал смелые налеты на голландские форты, вырезал солдат и офицеров, захватывал обозы с продовольствием и оружием. Крестьяне называли его «принцем Свободы». Выяснить личность Дипонегоро шпионам так и не удалось: он был неуловим, как ветер.

Пришлось бросить дивизию против Ронго. Началось поголовное истребление туземцев. Им отрубали головы, привязывали их к заряженным пушкам, расстреливали.

Ронго, когда его привязали к пушке, вел себя мужественно. Не просил пощады, стоял с гордо поднятой головой и плотно сжатыми губами. Лишь на мгновение на его лицо легла печаль, когда офицер разрешил подвести к нему годовалого сына — Сентота.

— Не забывай это! — сказал Ронго сыну громко. В толпе крестьян стояли два человека: Онтовирьо и Киай Моджо. В глазах богослова стояли слезы. Принц сжал ему руку.

— Не плачь, мой брат. Мы отомстим за все…

Крестьяне знали, что под именем Дипонегоро скрывался в эти бурные дни не кто иной, как Онтовирьо. Это он нанес войскам Дандельса большой урон. Каждый из крестьян мог подбежать к офицеру и указать на принца. Но в огромной толпе не нашлось ни одного предателя. Принц Свободы должен быть на свободе!

Онтовирьо взял Сентота на руки и унес подальше от места казни.

— Когда научишься владеть копьем, приходи в Тегалреджо, — сказал принц ребенку. (Он знал, что эти слова передадут Сентоту потом.)

Дандельс ради дела не щадил никого, даже главных чиновников Совета Индии. Раньше Совет Индии управлял Нидерландской Ост-Индией; теперь «железный маршал» управлял Советом Индии. К каждому чиновнику он приставил негласного соглядатая. Разветвленная сеть доносчиков, шпионов опутала страну. Шпионы таились и во дворцах султанов, и в голландских конторах, и в военных фортах. На доносчиков Дандельс не жалел денег. Они разоблачали заговоры, оберегали генерал-губернатора от покушений. Дандельс не считался с юридической процедурой: вешал и туземцев, и голландцев, и французов. Просыпаясь утром,

человек не знал, чем закончится для него вечер.

«Железный маршал» не терпел инакомыслящих, возражающих. Их доводы казались ему вздорными. Он не признавал разумных доводов, ибо исход всего зависел лишь от его желаний, его воли. По примеру Наполеона он создал трехступенчатую полицию. Вскоре провокаторы, шпионы, доносчики стали подлинными правителями Явы: даже высоких должностных лиц они держали в вечном страхе.

Особенно легко жилось льстецам и подхалимам. «Железный маршал», абсолютно лишенный чувства юмора, за чистую монету принимал славословия льстецов, повышал им жалованье, раздавал чины, премии. Это были, по его мнению, надежные, понимающие люди. А так как льстецов становилось все больше и больше, то Дандельс, или «господин грохочущий маршал» (как стали называть его в насмешку яванцы), задыхался от нехватки средств.

Необходимо содержать огромную армию, флот, который он создал из, мелких быстроходных судов, сооружать новые форты, прокладывать дороги, выплачивать жалованье чиновникам, щедро снабжать деньгами полицию!..

В инструкциях, полученных Дандельсом еще в Европе, ему поручалось для смягчения обстановки в Ост-Индии отменить принудительное выращивание кофе яванцами и принудительные поставки сельскохозяйственных продуктов.

Но поступки Дандельса обуславливались кажущейся необходимостью. Он сделал все как раз наоборот: приказал увеличить число кофейных деревьев с 27 миллионов до 72 миллионов. Он плохо знал реальную жизнь, а быт крестьянства в особенности, и надеялся, что его затея принесет небывалый доход. Цены за принудительные поставки он снизил до предела. По сути, крестьяне поставляли кофе государству почти бесплатно. Так как водные пути контролировались англичанами, вывозить кофе для продажи в Европу не представлялось возможным. Все склады ломились от запасов кофе. Вороха кофе гнили под тропическими ливнями, кофе выбрасывали в море… Но Дандельсом овладела навязчивая идея — увеличить доходы. Он ввел монополию на рис. Крестьяне обязаны были сдавать весь урожай государству. Затем этот же рис государство продавало населению по высоким ценам. Разразился самый великий за всю Историю острова голод. Вымирали целые провинции. Казна по-прежнему пустовала.

«Грохочущий маршал» приказал выпустить бумажные, ничем не обеспеченные деньги. «Грохочущие» банкноты отказывались принимать. Маршал пообещал расстреливать каждого, кто

посмеет игнорировать новую валюту. Но валюту игнорировали… Тогда генерал-губернатор заставил банки отдавать звонкую монету в обмен на бумажные деньги. Всех, кто сопротивлялся, бросал в тюрьму, расстреливал. Чиновник Гунс, назначенный «министром финансов», дрожал, как мышь, зажатая в кулаке. «Деяния» диктатора наводили на него ужас. Ему чудился час грозной расплаты.

Если Наполеон, умеющий трезво оценивать обстановку, иногда склонялся перед обстоятельствами, то Дандельс — никогда! Он был логиконепроницаем, а следовательно, несгибаем. Недаром чиновники присвоили ему кличку «Каменное ухо».

— У вас прокисшие мозги, Гунс! — ярился он. — Великий финансист должен уметь изыскивать средства на государственные нужды. Придумайте новые пошлины и налоги: крестьянин обязан платить налог за усадьбу, за двери в своей хижине, за право переезда, за право выхода в поле. Если яванка идет по улице с ребенком, берите пошлину с младенца, берите пошлину за каждое плодовое дерево, за каждого буйвола, за право молиться аллаху. Мы выпустим принудительные займы. И пусть кто-нибудь попробует отказаться от подписки!..

Принудительные займы получили широкое распространение. Всякий уклоняющийся от подписки на заем объявлялся врагом государства.

И все же касса пустовала. «Грохочущий маршал» занялся распродажей яванских — земель китайским ростовщикам. Так, одному купцу он продал за два с половиной миллиона гульденов земли Пробалинги. Не гнушался генерал-губернатор и более мелкими сделками — он сдавал в аренду китайским ростовщикам опиумные притоны.

Пришлось пойти на крайние меры: не выплачивать жалованье армии. Назревал бунт. Недовольных хватали и расстреливали. «Грохочущий маршал» не знал, что такое милосердие. Он даже не старался вникнуть в суть дела, установить истину. Ему повсюду мерещились заговоры, покушения на его драгоценную для государства жизнь. Все вокруг были заговорщиками, а высшие должностные лица из Совета Индии в особенности. Все противились его начинаниям. Он хотел облагодетельствовать эту кучку подлецов и казнокрадов, старался для государства, не щадил себя ради великой централизации, а они платили черной неблагодарностью, требовали денег, тайно посылали в Европу своих агентов с доносами. А этот негодяй французский полковник Филц без боя сдался англичанам! Дандельс послал его на Амбоину с гарнизоном в полторы тысячи туземных солдат.

Правда, генерал-губернатор забыл отправить вместе с солдатами продовольствие и жалованье. Когда подошли англичане, туземцы не оказали сопротивления, разбежались. Филц очутился в плену. Однако французский полковник не нужен был англичанам, и его отпустили с миром. Полковник Филц поспешил в Батавию, дабы доложить обстоятельства дела. Он, Филц, предпринял необходимые меры, однако… Но полковник Филц плохо знал маршала «Каменное ухо». Дандельс, даже не выслушав француза, приказал расстрелять его.

Не забыл «грохочущий маршал» и мятежного султана Джокьякарты Сепуха. Царек не явился на церемонию в Батавию и тем самым выказал пренебрежение к новому генерал-губернатору. Он отказался послать своих подданных на строительство дороги, помогал мятежному Ронго, изгнал голландца-резидента, запретил принцам брать облигации займа.

Дандельс двинул отборную дивизию во владения Сепуха. У стен дворца произошел бой.

…В бою рубил голландцев и французов молодой принц Онтовирьо.

Войска яванцев представляли довольно-таки живописное зрелище. В глазах рябило от полосатых и желтых рубашек, пестрых коротких и длинных саронгов, красных копий и сверкающих мечей. На голове у каждого всадника был кулук из белого шелка. Предводители отрядов носили пурпурные бархатные перевязи, расшитые золотом, шафранного цвета тюрбаны с павлиньими перьями, темные куртки с высокими стоячими воротниками. Горели на солнце золотые крисы, усыпанные брильянтами.

Командовал войском принц Дану Реджо. На левом фланге дрался небольшой конный отряд Онтовирьо. Побледневший рот Онтовирьо был перекошен. Принц находился во власти чего-то мучительного и сладкого. Рубить, уничтожать, пронзать грудь врага копьями… Впервые ощутил он яростное упоение. Конечно же, пророчество Киая Моджо оправдалось: принц не родился проповедником обомшелых заветов Мухаммада… Он мужчина, воин…

Побуждаемый непреодолимым порывом, Онтовирьо пустил своего тонконогого арабского жеребца в галоп. Конь врезался в первые ряды французов. Сильным ударом копья принц вышиб из седла офицера в желто-зеленом жилете и белых рейтузах. Поверженный офицер напоминал раскоряченную лягушку, лежащую на спине. Рядом валялась треуголка.

Принца окружили. Теперь он отбивался длинным мечом, и рука не чувствовала усталости. Он презирал этих людей,

французов, которые пытались ввести его в заблуждение своей «Марсельезой», красивыми словами о равенстве. Их головы скатывались на землю, как вонючие плоды дурьяна. Он видел металлические кирасы, доломаны, обезумевшие глаза, раздутые ноздри, оскаленные зубы, темную кровь на пыльных листьях пальмы — нипа. А в голове, расколотой грохотом мортир и гранат, басовито гудело:

Так трепещите же, тираны,
И вы, предатели страны…

Где же помощь, которую обещал принц Дану Реджо? Гибли яванцы, изрубленные саблями, исколотые штыками французских гвардейцев. Люди лежали на поле боя, как снопы риса, крест-накрест, один на другом. Дымилось красное марево над разбитыми ядрами дворцовыми воротами. Кто остался в живых из отряда Онтовирьо? Почему медлит Дану Реджо?.. Маленький отряд был смят, прижат к стене кратона, растерзан на куски. Французы не жалели пуль и ядер. Они подбирали даже копья и дротики и швыряли их в яванцев. Онтовирьо видел рослого полуобнаженного воина, который силился вытащить копье из своей ребристой коричневой груди. Вот он извлек копье, со всего маху швырнул его во французского солдата и упал, обливаясь кровью.

Арабский жеребец под Онтовирьо рухнул. Принц соскочил с седла и, прижавшись спиной к стене, стал наносить удары мечом направо и налево. Окровавленная одежда свисала клочьями, тюрбан слетел с головы,

Неожиданно перед Онтовирьо возникла фигуру всадника: она показалась гигантской, как железная статуя. Всадник протянул негнущийся палец, указал на принца и спокойно, негромко сказал:

— Оставьте его!..

Это был маршал Дандельс.

Солдаты отхлынули от стены и устремились в каменные ворота. Над кратоном затрепетал трехцветный флаг.

Сепуха нашли в аудиенц-зале, так называемом золотом балее. Здесь стоял трон из слоновой кости, отделанный золотом и обитый красным бархатом. Султан не оказал никакого сопротивления. Гордый и надменный, сидел он на своем троне среди чужеземных солдат, словно не замечая их.

Острая бровь владыки изломилась, когда в зал вошел «железный маршал». Его сопровождал согнувшийся в подобострастном поклоне и прижавший ладони к груди принц

Дану Реджо, командующий яванскими войсками. Сюда же ввели Олтовирьо и Адипати Анома.

— Теперь ты понял, зачем мне нужны займы? — спросил Дандельс султана.

Сепух плюнул в лицо Дану Реджо. Но Дандельс не «загрохотал». В исторические минуты следует проявлять выдержку, быть великодушным к врагу, чтобы потом сказали…

Сделав величественный жест, он произнес:

— Я милостив. Отныне ты, старый орангутанг, низложен. На трон сядет твой сын принц Аном.

Главным визирем назначаю преданного чиновника голландского государства Дану Реджо. Он оказал нам услуги.

Онтовирьо рванул крис из-за пояса: ему хотелось тут же прикончить предателя. Дандельс заметил движение, повернулся к принцу.

— Ты хорошо дрался, — проскрипел он. — Смелые люди нужны голландскому государству…

Он приказал внести портреты. Это были портреты Наполеона и самого Дандельса.

Не спуская глаз с Онтовирьо, «железный маршал» спросил:

— Кто, по-твоему, здесь изображен?

Онтовирьо метнул в маршала взгляд, полный презрения.

— Великий полководец и великий обманщик! — твердо выговорил, он по-голландски.

Дандельс рассмеялся и поднял массивный кулак:

— Это твой император. Он тебе заменит аллаха и Магомета.

Слова «великий обманщик» генерал-губернатор отнес на счет Наполеона.

Опасаясь, как бы Дандельс не присоединил султанат к своим владениям, Адипати Аном не стал отказываться от власти. Его провозгласили принцем-регентом. Низложенного Седуха голландец оставил в покое и даже разрешил ему жить во дворцовых комнатах: высылать старого султана было просто некуда.

Прошло три года с тех пор, как после длительного и полного приключений путешествия через Лиссабон и Марокко Дандельс ступил на берег Явы. По его мнению, за этот короткий срок он сделал все возможное и невозможное, чтобы превратить остров в неприступную твердыню. Он трудился, не щадя себя и других, вел походный образ жизни, страдал от малярии и других болезней, старался для государства, колонизации и цивилизации. Но почему его великолепные планы не вызывали ни у кого, кроме льстецов, восторга? Замечательная дорога, в которую вложен основной капитал, заброшена, опутана буйной тропической

растительностью: лианами, бананами, варингинами и еще черт знает чем!

Почти двадцатитысячная армия терпела поражение за поражением. Пришлось покинуть Борнео, сократить гарнизоны на Суматре и Целебесе.

На Тернате вспыхнул мятеж среди туземных войск. Французских и голландских офицеров перебили. Англичане без боя завладели островом. Султаны, раджи, пангераны не скрывали своей ненависти к «грохочущему маршалу». Постепенно все голландские форты во «внешних владениях» пали. Оставалась только Ява. Но «неприступный бастион» оказался карточным домиком на песке. Крестьяне были разорены, голодали, отказывались платить налоги и пошлины. Никого больше не страшило «Поле виселиц». Отряд некоего Абдуллы, беглого крестьянина, совершал смелые налеты на голландские поселения. Правители областей вынашивали планы восстания. В великой армии началось брожение. Государственные чиновники готовили большой заговор. «Трехступенчатая» полиция объединилась в крупную шайку грабителей. Не хватало тюрем, чтобы засадить всех недовольных. Казни стали обычным явлением.

Дандельс занялся строительством тюрем. Требовалось срочно изыскать средства на это важное государственное дело.

Но, как на грех, самым таинственным образом исчез «министр финансов» Гунс. Оказывается, в штормовую ночь он отплыл на туземной лодке — прау «в неизвестном направлении». Он бежал, как крыса с тонущего корабля, оставив финансовые дела в самом запутанном состоянии.

А корабль тонул… Даже те, кого Дандельс вначале приблизил, обласкал, отвернулись от него, превратились во «врагов государства».

Во дворце в Бейтензорге у генерал-губернатора имелась потайная комната. Никто не знал, куда временами исчезает маршал. А он сидел в полном одиночестве и созерцал в большое венское зеркало свое лицо, суровые морщины на лбу, раздутую шею, лихо закрученные усы, белые неподвижные глаза. «Железный маршал» разыгрывал целые пантомимы перед зеркалом, стремясь придать физиономии наиболее величественное и суровое выражение. Кое-чему он научился у Наполеона и любил некую театральность. Людей нужно испепелять взглядом. Даже под тропическим солнцем он не снимал маршальского мундира и тяжелых сапог. Ордена, ленты, эполеты, погоны, позумент — все должно ослеплять окружающих, внушать им трепет. Стремясь возвеличить себя, он милостиво возвеличивал Наполеона, непрозрачно намекая, что является

самым близким другом и учеником императора. Ведь Наполеон — сын адвоката, а Дандельс сам был адвокатом…

Однажды, когда Дандельс сидел в потайной комнате и разглядывал свое мужественное лицо, секретная дверь внезапно распахнулась, и на пороге показался французский генерал ئه в сопровождении гвардейцев и незнакомого человека в треуголке, безрукавке и белых рейтузах.

Незнакомец переступил порог, громовым голосом произнес:

— Я генерал Янсенс, новый генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индии. Приказом императора вы смещены с поста.

Дандельс схватился за пистолет, но чья-то цепкая рука сжала маршалу запястье, и оружие упало. Это был чиновник финансов Гунс! Нет, он не погиб во время шторма! Он вез секретный донос Совета Индии на распоясавшегося генерал-губернатора. Наполеон прочитал письмо и спокойно сместил «железного маршала» с должности.

— Вы безумец! — говорил в гневе генерал Янсенс маршалу «Каменное ухо». — Вы разорили Нидерланды. Вас будут, судить за растрату государственных, средств. Сегодня же вы под конвоем покинете Яву…

С диктатурой «железного, грохочущего маршала» «Каменное ухо» было покончено. Гунс подсчитал убытки: они исчислялись астрономической цифрой. Дандельс оказался самым дорогостоящим из всех тридцати пяти генерал-губернаторов, правивших до этого.

Янсенсу надлежало начинать все с самого начала. Но он прибыл слишком поздно…

IV
ФЛАГИ МЕНЯЮТСЯ

В Джокьякарте разместился французский гарнизон. К принцу-регенту Аному приставили резидента голландца. По сути, не только Сепух, но и Адипати Аном и все пангераны — принцы находились в плену. В чести у захватчиков был только предатель Дану Реджо, назначенный главным визирем.

Очень часто Онтовирьо останавливался возле портрета Наполеона и размышлял. Какие тайны знал этот лысоватый человек с брюшком? Как удалось ему в тридцать лет стать властителем величайшей державы? Онтовирьо исполнилось двадцать шесть, но деяния его — не больше рисового зернышка…

Раньше он считал, что твердость духа важнее, чем твердость ребер. Оказывается, твердости духа мало. Нужны знания. Самое важное, самое интересное в жизни — знания. Они крылись не только в толстых мудрых книгах. Жизнь учила на каждом шагу. Дану Реджо предал своих — как ни горек этот опыт, но и он имеет значение. Онтовирьо и его люди дрались, не щадя крови; но победили все же французы. Почему они побеждают всех даже здесь, вдали от своего Наполеона?

Французские офицеры и солдаты с уважением относились к Онтовирьо: они видели его в бою, имели с ним дело. Он показал себя достойным противником. Вначале принц дичился французов, сторонился их. Но жажда знания была сильнее всего. Ему хотелось разгадать секрет наполеоновской армии, выведать у врага самое важное, самое ценное. Не познав высокого военного искусства противника, как разобьешь его в бою? История искусства войн прошлых веков, которую так хорошо знал принц, не давала ответа на самый главный вопрос: как побеждать?

Разве могли научить чему-нибудь мелкие, по сути разбойные, набеги пророка Мухаммада на купеческие караваны мекканцев, на арабские племена Заиорданья? Коран гласил: «Пророк! Поощряй верующих к битве: если будет у вас двадцать человек стойких, они победят двести». А где тайна крепости духа?.. Неужели только в вере в бога? Французы не признают аллаха, а он бессилен против них.

…Онтовирьо сидел в тени пудинга — дерева с широкими разноцветными листьями. Подошел седоусый французский сержант, опустился рядом. Некоторое время они молчали. Наконец принц спросил:

— Кто такой Наполеон?

Сержант точно так же, как в свое время Дандельс, поднял кулак:

— Вот — Наполеон!

Сержант четвертый год был оторван от жены, детей и тяготился службой в колонии. Прозябание здесь, в джунглях, казалось ему бессмысленным, никому не нужным. Оно хуже ссылки. Ссыльному хоть не угрожают каждую минуту отравленные стрелы и холодные лезвия малайских крисов. Некогда сержант преклонялся перед Наполеоном, обожествлял его, считал самым великим полководцем. Сержант был свидетелем и участником многих событий: разрушал киркой Бастилию, видел и слышал Робеспьера и Марата, вступил добровольцем в революционную армию, участвовал почти во всех походах Наполеона. Мощь и доблесть армии революции привела в изумление весь мир. Затем Наполеон предал революцию, обманул: народ, тот самый народ, которому он был обязан всеми победами. «Гнусная чернь» требовалась ему до поры до времени. Сержант, в прошлом ремесленник, считал в числе обманутых и себя. Он проклял Наполеона. Зачем Наполеону Ява и эти умирающие от голода коричневые люди? Или они не правы????? своей ненависти к французам и голландцам?..

Сержант вспоминал прошлое: надежды, победы, триумфальные марши. Он говорил о революции, и щёки, его багровели, а глаза блестели. Принц пригласил сержанта в Тегалреджо. Ратнанингсих была испугана, но Онтовирьо ее успокоил. Сняв свой мундир, кивер и тяжелые башмаки, сержант превратился в добродушного старика с морщинистыми щеками и вислыми усами. Он играл с детьми, пел «Марсельезу», и его веки краснели от влаги. Запас французских слов у Онтовирьо был невелик, еще меньше знал по-малайски сержант. Но он хорошо понял, чего хочет принц. Принц — воин, а воинов интересует война.

Сержант чертил на песке боевые порядки наполеоновских войск, раскладывал тростинки, апельсины, папайя. Огромный колючий дурьян обозначал командующего. Француз то и дело сжимал свою жилистую руку в кулак.

Онтовирьо понял: кулаком, сосредоточением сил в нужном месте, в пункте главного удара пробивал Наполеон брешь в рбороне противника. Он признавал не только линию, как другие полководцы, но и колонну и стрелковую цепь. Постепенно принц усвоил многое. Наполеон считал кавалерию главной ударной силой, сводил ее в крупные соединения. Он ценил артиллерию и пехоту. Он стремился ударить во фланг противника, отрезать пути отхода и снабжения его. Он придавал большое значение

резерву и разведке, и многое еще узнал Онтовирьо от старого сержанта.

С некоторых пор французы стали проявлять беспокойство. Совсем неожиданно Адипати Аному предложили сформировать отряды из яванцев. Во главе одного из отрядов Аном поставил Онтовирьо. Общее руководство яванскими войсками было возложено на принца Беи. Штабом управлял принц Мангкубуми.

Вскоре и в Джокьякарте узнали, что в августе 1811 года к северному побережью Явы подошла английская эскадра, насчитывавшая до сотни судов. Двенадцатитысячный корпус генерала Охмати высадился неподалеку от Батавии. Батавия пала. Янсенс бежал в Бейтензорг.

Англичане ничуть не лучше голландцев и французов. Сепух, ненавидевший в равной степени всех чужеземцев, посоветовал своему преемнику не медлить с походом. Яванские отряды выступили на Батавию. В пути к ним присоединились войска сусухунана Суракарты.

И здесь Онтовирьо снова встретился с богословом Киаем Моджо. Оба порадовались, что судьба свела их вместе в трудный для родины час. Богослов был вооружен бамбуковым копьем и коротким мечом — клевангом.

— Если бы наши правители не враждовали между собой по всякому поводу, никто не смог бы нас одолеть, — сказал он. — Взгляни на этих бахадуров!..

В долине Кеду скопилось не менее пяти тысяч конных и пеших воинов. Быки тащили повозки с рисом, кокосовыми орехами. Крестьяне несли запасные копья, луки с колчанами стрел, дротики и мечи.

Войсками сусухунана командовал принц Мангкунегоро.

— Наши бахадуры не знают европейской тактики, — задумчиво отозвался Онтовирьо. — У нас нет пушек, гранат, ружей со штыками, Наполеону так и не удалось одержать верх над ингелан. Теперь они высадились близ Батавии… Я слышал, многие раджи и панераны рады их приходу: лучше ингелан, чем Дандельс!

Онтовирьо был озабочен. Последовательно и настойчиво англичане вытесняли голландцев и французов со всех островов Нусантары. Недовольное произволом Дандельса, население не оказывало им никакого сопротивления. Еще в 1806-году прямо на рейде Батавии англичане разбили голландскую эскадру. Тайный посланец некоего Рафлса проник даже в Джокьякарту и пытался склонить Адипати Анома на сторону англичан. Регент отверг сделку.

Беи и Маагкунегоро решили выслать вперед разведку.

Вызвались Онтовирьо и Киай Моджо. С небольшим отрядом они поскакали на запад. На скорую встречу с англичанами они не надеялись: не могли же Янсенс и генерал Жюмель сдать Яву без боя: это обозначало бы конец голландского и французского владычества в Ост-Индии!

Откуда было знать принцу и богослову, что дивизии Янсенса и Жюмеля разбиты наголову, сам Янсенс удрал на восток, в Семаранг, надеясь получить подкрепление от яванских правителей. Но его никто не поддержал. Остатки голландских и французских войск, охваченные паникой, перебили офицеров и поспешно грузились на корабли, чтобы навсегда покинуть «проклятый остров». Опасаясь гнева солдат, Янсенс бежал в Тунанг и здесь 17 сентября выкинул белый флаг, согласился сдать англичанам Яву, Палембанг, Тимор и Макассар.

А отряды Онтовирьо и Моджо двигались вперед. На западе вздымался пепельно-серый вулкан Сламет, изборожденный промоинами и потоками лавы. Хрустел под копытами лошадей пористый, белый, как сахар, камень. Из-под земли вырывались клубы пара и фонтаны кипящей воды, пахнущей серой. Жгучие серные газы разъедали глаза.

Стычка произошла у озера Телага Менджер. В первую минуту и англичане и яванцы растерялись — встреча явилась полной неожиданностью для обеих сторон. Но Онтовирьо быстро пришел в себя и устремился за противником, Озеро Телага Менджер зажато вертикальными скалами из застывшей лавы. Англичане побежали вдоль берега порожистой бурной речки. Однако вскоре они опомнились и повернули назад. Бой был коротким, но жестоким. Разгоряченный Онтовирьо не щадил врагов. Вся теснина покрылась трупами. От отрядов принца и Моджо тоже осталось не больше двух десятков воинов.

— Нам нужно вернуться к своим, — посоветовал Моджо.

— Лейтенант ушел. Его следует догнать и взять в плен. Должны же мы выяснить, сколько сил у ингелан! — и принц решительно направил коня на северо-запад. Лейтенант в белом шлеме не мог уйти далеко. Он потерял лошадь и скрывался где-то в скалах.

Приветливо журчала вода, перекатываясь с камня на камень. Молчал низкорослый казуариновый лесок. Не колыхалась отливающая металлом слоновая трава.

Сухо треснул выстрел. Затем выстрелы загрохотали со всех сторон: из-за каждого камня, из зарослей слоновой травы, из казуариновых кустов. Засада…

Онтовирьо покачнулся. Плечо сразу же онемело. Из разжатых рук выпало копье, воткнулось в буро-желтую землю и задрожало.

«Я ранен!..» — хотел крикнуть принц и не мог. Теряя сознание, он припал головой к холке коня.

…Лицо Ратнанингсих. Ее золотисто-карие глаза, полные скорби. Тяжелые волосы, рассыпавшиеся по плечам… И снова забвение… Онтовирьо грезилось, будто гигантская радужная бабочка перепархивает с одной огнедышащей вершины вулкана на другую.

Выздоравливал он медленно, а когда поправился, узнал о переменах на Яве, Англичане захватили остров. Сепух казнил предателя главного визиря Дану Реджо и вновь завладел короной, отстранив от управления Адипати Анома. Сенух собирает силы, чтобы двинуть их против англичан.

— Я должен ехать в Джокьякарту! — воскликнул Онтовирьо. — Борьба не закончилась… Я знаю деда. Он опять задумал что-то.

А Сепух замыслил заключить дружественный договор со своим давним и непримиримым врагом сусухунаном Суракарты Паку Бувоно III. Интересы дела требовали объединения. Киай Моджо, ставший влиятельным человеком при дворе сусухунана, со своей стороны, убеждал Паку Бувоно вступить в этот союз. Наконец сусухунан дал согласие.

Теперь на Яве правил некто Томас Стамфорд Рафлс, английский генерал-лейтенант. Новому губернатору недавно исполнилось тридцать. Несмотря на молодость, Рафлс был умудрен жизнью, обладал незаурядным умом и изворотливостью ужа. Он в совершенстве знал малайский язык, так как долгое время служил помощником секретаря в Пенанге. Себя он считал востоковедом, знатоком истории и культуры малайцев. Обосновавшись в Малакке, Рафлс начал строить планы присоединения Явы к британской восточной империи.

На Яве он сразу же пообещал населению отменить принудительные поставки и бумажные деньги Дандельса. «Мы будем делать все доброе, что в наших силах», — заявил он. Так как войска Джокьякарты и Суракарты были разбиты, Рафлс направил к побежденным правителям своих резидентов. Вскоре резидент при Сепухе Джон Кроуфорд сообщил в Батавию о том, что и султан и сусухунан хотят поднять восстание.

— Эти коричневые не понимают своей пользы! — воскликнул раздосадованный Рафлс. — Я обращаюсь с ними мягко, а они мягкость джентльмена принимают за слабость правителя. Пусть генерал Джиллеспи образумит их… А я лично постараюсь уломать сусухунана, верну ему земли, захваченные Дандельсом. Ну, а если он станет упираться…

Генерал Джиллеспи с войском в тысячу двести человек

обрушился на Джокьякарту. Еще не поправившийся как следует от ранения Онтовирьо вновь дрался с англичанами. Но артиллерия генерала Джиллеспи сделала свое дело: остатки яванских отрядов вынуждены были отступить, укрыться в стенах дворца — кратона.

…В кассе султана Сепуха бережно хранились золотые испанские пиастры на сумму в два миллиона гульденов. Сепух очень дорожил монетами и боялся, как бы они не достались кому-нибудь другому. Никто не должен был знать, даже самые преданные слуги, где хранится золото. Адипати Аном совершенно случайно натолкнулся на тайную кассу отца.

— Деньги нужны нашему войску, — сказал он.

Но Сепух ничего знать не хотел: он не желал расставаться с капиталом, который принадлежал лично ему. Он озлобился против сына.

Недаром султана именовали «сепухом», то есть «темным». Больше всего на свете он любил богатство и власть. Власть, пожалуй, даже больше, чем богатство. Дандельс сместил Сепуха и посадил на трон Адипати Анома. Рафлс возьмет Джокьякарту, он, конечно же, ничего не простит Сепуху. И вновь корону наденет Аном.

И сейчас, когда стены дворца гудели от ударов пушечных ядер, Сепух замыслил кровавое дело: убить собственного сына. Тогда не будет претендента на престол, и Сепух останется у власти… Сепух вызвал личную охрану.

— Разыщите принца Адипати Анома и убейте его! — приказал он.

Когда солдаты Джиллеспи ворвались в дворцовые покои, Онтовирьо… и Адипати Аном находились в аудиенц-зале: они решили драться до последнего. Но вместо англичан в золотой балей вбежали дворцовые стражники.

— Султан приказал убить тебя! — крикнул Аному начальник стражи и взмахнул клевангом. Однако начальник стражи тут же рухнул на пол: Онтовирьо глубоко вонзил ему крис в грудь. Схватив оброненный клеванг, пьяный от одного вида крови, принц стал колоть стражников. Прикрывая отца, он наносил и наносил удары, выбивал оружие, отрубал кисти рук, сшибал головы.

— Что здесь происходит?! — властный окрик прозвучал на малайском языке так неожиданно, что Онтовирьо невольно опустил клеванг.

Принца с интересом разглядывали синие насмешливые глаза. Молодой англичанин среднего роста, коренастый, плотный, в белом шлеме, белой легкой рубашке и белых шортах, с бичом в

руке, ничем не напоминал грозного губернатора Явы, не внушал своим видом страха, и все-таки это был он, Томас Стамфорд Рафлс.

Уяснив суть дела, Рафлс велел привести Сепуха. Разговор с султаном носил лаконичный характер: на Сепуха надели кандалы и в тот же день отправили в ссылку на остров Пинанг возле Сингапура. Испанское золото конфисковали и передали английским войскам как добычу.

— Вы, Раджа, провозглашаетесь регентом, — сказал губернатор Адипати Аному, — если мне не изменяет память, султаном Амангку Бувоно III. После вашей смерти корону наследует ваш сын принц Онтовирьо. Он храбр и сумеет постоять против рабства…

Рафлс не лишен был либерализма. «Дикарей нужно приручать. Ну, а если они не понимают собственной пользы, тогда…» — изрекал он в кругу чиновников и офицеров. Сусухунан оказался не из тех, кого легко приручить, потому Рафлс повел войска на Суракарту. Паку Бувоно капитулировал. Рафлс забрал у него целую округу, распустил туземное войско и по собственному выбору назначил главного министра Суракарты.

Адипати Аном, он же султан Раджа или же Амангку Бувоно III, вновь стал управлять Джокьякартой. В жизни Онтовирьо ничего не изменилось. Ему оставалось только наблюдать за действиями нового губернатора. Сдержит ли Рафлс свое обещание «делать все доброе»? Сперва походило на то: Рафлс отменил принудительные поставки и ввел так называемый общий налог на землю. То есть отныне все жители Явы становились арендаторами, вносящими британскому правительству арендную плату за обрабатываемую ими землю. Арендная плата взималась не с отдельного крестьянина, а с общины. С лучшей земли надлежало уплачивать половину урожая, с худшей — только четверть. Были отменены пытки. Лица, содержащие рабов, облагались дополнительным налогом. Торговля рабами запрещалась. Рафлс даже основал благотворительный институт для ведения пропаганды против рабства.

Рафлс мечтал превратить Батавию в центр новой британской островной империи. Но он был поэтом с бичом колонизатора в руках, и его постигла та же участь, что и Дандельса, также мечтавшего о великой островной империи.

Рафлс запутался в финансах.

Никто еще не отдавал власть и свободу добровольно, даром. Султан Бантама передал свои владения Батавии за крупную пожизненную ренту. Султан Палембанга заявил, что он изгнал голландцев еще до прихода англичан, а потому вовсе не

собирается сажать себе на шею новых грабителей. Пришлось организовать против несговорчивого султана дорогостоящую экспедицию. Султан сбежал, а его преемник потребовал с англичан кругленькую сумму за острова Банка и Биллитон.

Введение аренды на землю не дало доходов. В день вступления на пост Рафлс неосмотрительно пообещал выкупить все бумажные деньги, выпущенные еще голландцами. Это разорило казну.

Разозленный неудачами своей «филантропической политики», Рафлс круто повернул руль. Он, как и Дандельс, занялся распродажей государственных земель частным лицам, восстановил принудительные поставки кофе, ввел принудительный труд в тиковых лесах, государственную монополию на соль, новые пошлины, сохранил феодальное земельное право, разделил Яву на шестнадцать резидентств и подчинил регентов своим резидентам и, наконец, вернулся к индивидуальному обложению поземельным налогом.

Все это вызвало крестьянские волнения в районах Бантена, Черибона и Джокьякарты. Рафлс понял, что и его корабль начинает идти ко дну. Директора Ост-Индской компании обвинили его в том, что он превратил оккупацию Явы в «источник финансовых затруднений для британского правительства».

Как ни странно, но Рафлс оставил на прежних местах многих голландских чиновников, а с некоторыми даже подружился.

Гунс по-прежнему заворачивал финансами. В совещательный совет, помимо генерала Джиллеспи, входили также два голландца — Кранссен и Мунтинге. Мунтинге отличился на службе еще при Дандельсе, à теперь стал любимцем и главным советчиком Рафлса. Это бесило генерала Джиллеспи. Он, Джиллеспи, разбил Жюмеля и Янсенса, захватил Яву, Палембанг, Мадуру, Банджермасин и западный Борнео, сломил султанов Джокьякарты и Суракарты, дрался, как и подобает честному солдату. Он рассчитывал на повышение по службе, а вместо этого попал в подчинение к бывшему клерку Ост-Индской компании, этому мальчишке Рафлсу, сумевшему втереться в доверие к генерал-губернатору Ост-Индии лорду Минто. Почему клерки, адвокатишки и всякие ничтожества становятся губернаторами? Джиллеспи на каждом шагу подвергал свою жизнь опасности, а плоды пожинает выскочка с манерами заурядного миссионера… Что он смыслит в государственных делах? Потому и заигрывает с голландцами. Ну, хорошо же, Джиллеспи не из тех, кто терпит унижения…

У генерала Джиллеспи появился союзник — казначей Гунс. Гунс был маленьким человеком. Ему почти чудом удалось

уцелеть при англичанах. Рафлс оставил его вначале для того, чтобы распутаться в тяжелом финансовом наследии Дандельса, а убедившись, что голландский чиновник весьма расторопный, услужливый, оставил его на службе. Гунс умел преподнести молодой, тяжелобольной жене Рафлса букет самых редких орхидей, ловил для ее коллекции необычайно ярких махаонов и жуков, обладал острог умием, льстил губернатору тонко, едва приметно, хорошо знал обычаи туземцев и был незаменим как консультант (Рафлс задумал написать двухтомную «Историю Явы»).

Но Гунс обладал почти собачьим нюхом на губернаторов. В секретную приходо-расходную книгу, служившую чем-то вроде дневника финансиста, он записал: «Ява — дефицитный остров. Рафлс — неплатежеспособен».

Гунс с болезненным интересом следил, как его новый шеф катится в пропасть. Когда поднялся бунт против продажи земель частным лицам, Рафлс вновь совершил глупость: пообещал выкупить разбазаренные земли. На казначейство было возложено непосильное бремя. Приближался крах. Тогда-то Гунс переметнулся к генералу Джиллеспи. Стоило уже подумать о себе, о своем будущем!

В дождливую штормовую ночь на туземной лодке — прау Гунс тайно покинул батавский рейд. В непромокаемом пакете он вез в Бенгалию письменный донос генерала Джиллеспи на губернатора Рафлса генерал-губернатору Ост-Индии лорду Минто.

…Принц Онтовирьо встречался с губернатором несколько раз. Рафлс запросто приезжал в Джокьякарту, заглянул как-то в Тегалреджо. Принц сразу понял, что имеет дело с высокообразованным человеком. Губернатор разбирался в искусстве стихосложения, записывал пантуны, превосходно рисовал, любил говорить о политике. Он все недоумевал, почему яванцы недовольны его правлением.

— Я стараюсь делать добро, — говорил он. — Моя система в конечном счете окупится.

— Яванцам не нужна ни английская, ни голландская, ни французская система, — отведал Онтовирьо. — Корда бог Вишну поднял из воды сушу, злой демон Ранджак потребовал ее себе во владение. Вишну возмутился: «Я поднял землю, почему она должна принадлежать сыну зла?» — «Потому что я сильный!» — воскликнул демон. «Ты не смог поднять сушу из океана, а называешь себя сильным, — сказал Вишну. — Ты силен своим коварством — и только». А так как Ранджак стал яриться, Вишну прихлопнул его, словно муху.

— Мне не нравится ваша легенда, — сказал Рафлс, — от нее пахнет смутой.

В другой раз Онтовирьо спросил:

— Наполеона считают великим полководцем. У англичан нет таких мортир и пушек, как у французов. Я видел их драгун, гусар, кирасиров, улан, пеших стрелков и гренадеров; их доломаны, оранжевые кирасы, белые с синим мундиры, ордена Почетного легиона. Это было внушительное зрелище. В самую последнюю минуту на помощь Янсенсу был подброшен отборный французский полк. И все же вы их прогнали. Как вам удалось подобное дело?

— У них ружья очень часто дают осечку, — рассмеялся Рафлс. — Капсюль не терпит тропического дождя. У Бонапарта тоже бывают осечки.

А потом ошеломил принца новостью:

— Великой французской империи Наполеона больше не существует, мой дорогой, пангеран! Бонапарт увяз в русских снегах. Поход на Москву стал для него непоправимой катастрофой. Его звезда закатилась. Будем надеяться, навсегда. Войска союзников вошли в Париж, а императора сослали.

Было отчего прийти в изумление!

Все так же посмеиваясь, Рафлс рассказал, что в злосчастном походе на Россию принял участие и небезызвестный маршал Дандельс. Наполеон простил яванские грехи своему любимцу. Какова дальнейшая участь «железного маршала», никому не известно.

Разумеется, губернатор Рафлс (не в пример грубому солдафону Дандельсу) мог считаться образцом утонченности. Он понимал красоту во всем. Его приводили в восхищение и цветок редкой окраски, и летающие лягушки, и величественные храмы Прамбанана, и грация балийских танцовщиц. Он хотел знать все о культуре народов Малайского архипелага, не гнушался заходить в лачуги бедняков, брал на руки их детей, щедро одаривал каждого разными европейскими безделушками.

Но синие, как воды океана, глаза Рафлса не могли обмануть Онтовирьо. Он понимал губернатора: Рафлс хотел войти в жизнь чужого ему народа, узнать его обычаи, чтобы с большим умением, чем его предшественники-губернаторы, закабалить этот народ, скрутить его по рукам и ногам,

Рафлс в существе своем ничем не отличался от беспощадного Дандельса. Англичанин, такой же захватчик, как и другие, только хотел казаться добрым. С непокорными Рафлс расправлялся просто: он привязывал их к дулам пушек и хладнокровно говорил генералу Джиллеспи: «Прикажите, сэр, открыть огонь…»

В последний раз Онтовирьо встретился с губернатором при весьма тяжких обстоятельствах: в 1814 году внезапно умер Адипати Аном — султан Раджа, он же Амангку Бувоно III. Смерть отца повергла Онтовирьо в глубокую скорбь. Он любил отца, человека хоть и слабохарактерного, но доброго и справедливого.

В Джокьякарту на похороны не замедлил прибыть Рафлс.

— Мое сердце также переполнено болью, — сказал он принцу, — совсем недавно умерла моя молодая жена. Поэтому ваше горе понятно мне…

Да, Рафлс был отзывчивым. Но все же с чисто английской деловитостью он заявил после похорон Анома:

— Мой дорогой сэр пангеран Онтовирьо, к сожалению, я не смогу сдержать свое давнее обещание: посадить вас на престол и объявить Амангку Бувоно Четвертым. Обстоятельства складываются не в мою пользу. По существующему яванскому праву — адату, как вам известно, вы лишены от рождения права на корону. Мать принца Джарота имеет более высокий ранг, чем ваша мать. Я не могу в данное время обострять отношения с раджами, а потому Бувоно Четвертым будет объявлен ваш тринадцатилетний сводный брат принц Джарот. Вот если и Джарот умрет, то даю слово джентльмена — вы станете султаном Джокьякарты. Претендентов на корону, кроме вас, больше не будет.

Онтовирьо подивился коварству джентльмена, но ничего не ответил: он был слишком угнетен непоправимой утратой.

После похорон отца Онтовирьо на долгие годы уединился в Тегалреджо.

Менялись события. Они шли, как облака над головой, не задевали «отверженного». Он по-прежнему сочинял пантуны, но в стихах все слабее и слабее звучали призывы к свободе. Все подавлено, раздавалено…

В 1816 году сместили с поста Рафлса, и он навсегда покинул Яву. Через год он выпустил в свет двухтомную «Историю Явы» с картинками. А натуралисты в честь просвещенного губернатора Явы Рафлса назвали раффлезией самый большой в мире мясисто-красный цветок-паразит, пахнущий падалью.

Генералу Джиллеспи не удалось попользоваться плодами своих интриг: вскоре и он должен был выехать из Батавии. Дело, в том, что после крушения империи Наполеона, по лондонской конвенции, подписанной в августе 1814 года, Англия обязалась возвратить голландскому королевству Яву и другие острова.

Для того чтобы принять управление островами, голландский король Вильгельм I, сын умершего в изгнании штатгальтера Вильгельма V, назначил трех верховных комиссаров, в их числе

некоего барона ван дер Дапеллена, который и стал генерал-губернатором Явы и остальных островов Нусантары.

Гунс, конечно же, был тут как тут, он взял на себя управление финансами. Ява по-прежнему оставалась «дефицитным островом». Казна пустовала. Сперва голландцев обобрали французы. Теперь за «добрые услуги» англичане взяли у Нидерландов Цейлон, Капскую колонию, мыс Доброй Надежды и другие земли.

Возвращение голландцев Нусантара встретила восстаниями: заволновались Молуккские острова, Целебес, Борнео, Палембанг, Западная Суматра. Чтобы подавить восстания, нужны были деньги, флот, солдаты.

Онтовирьо ожил. Он сразу же помчался в Джокьякарту к султану Джароту, своему сводному брату. Джароту было уже двадцать лет, и он самостоятельно управлял султанатом.

— Мы должны воспользоваться слабостью голландцев и прогнать их… — стал убеждать Онтовирьо султана. Джарот крепко задумался. Он побаивался Онтовирьо, не доверял ему и в то же время считал, что настало самое удобное время разделаться с презренными беланда, Капеллен повел себя хуже Дандельса. При англичанах Джарот сдал часть земель Джокьякарты в аренду европейцам и получил аванс. Капеллен издал декрет, согласно которому все контракты на аренду земли признавалась недействительными. Джарот обязан был вернуть аванс. Но как вернешь истраченные деньги? Джарот решил, что декрет признавать не следует, а его автора лучше всего вышвырнуть вон за пределы Явы. И делу конец.

— Я готов объявить голландцам священную войну, — сказал Джарот. — Лучше, однако, будет, если мы станем действовать сообща с братом нашим сусухунаном Суракарты. Нужно договориться с ним… Если он заключит с нами союз…

Онтовирьо погнал коня в Суракарту. Он не ожидал столь быстрой сговорчивости от султана Джарота. Неужели осуществится давно задуманное, затаенное? Голландцы сейчас слабы, как никогда. Они давно утратили прежний престиж, их угрозы никого больше не пугают. У них нет денег, нет флота, у них нет даже настоящей боевой армии.

Удастся ли склонить на свою сторону престарелого сусухунана?..

От Джокьякарты до Суракарты не больше пятидесяти километров. Сердце Онтовирьо болезненно сжалось, когда он завидел белые стены дворца сусухунана Паку Буввно III. Паку Бувоно был заклятым врагом прадеда Суварги. Станет ли он выслушивать правнука да еще к тому же «отверженного»?

Из сторожевых будок выскочили босые солдаты в синих

мундирах, скрестили копья. Принц назвал себя. Копья поднялись. Его знали здесь, в Соло.

Моджо вызвался доложить сусухунану о посланце султана Джокьякарты. Богослов пришёл в великий восторг, когда узнал, что Джарот готов объявить священную войну голландцам.

— Время настало! — воскликнул он. — Пусть герой Арджуно — наш народ вступит в последнюю борьбу с титаном зла Раксасой. Мои руки еще в состоянии держать копье войны…

Как быстро летит время!.. Киаю Моджо уже пятьдесят. Он не стал великим ученым, ничем пока не прославился. Правда, его повысили в ранге — разрешили служить в главной мечети. Он вхож к самому сусухунану. Но разве об этом мечтал в молодые годы Моджо? Видно, имя его после смерти будет предано вечному забвению.

Он с любовью смотрел на Онтовирьо. У этого еще все впереди: тридцать пять — не возраст! О его храбрости слагают легенды. В Тегалреджо стекаются толпы лишь для того, чтобы взглянуть на пахлавана. Он дрался с голландцами, дрался с французами, дрался с англичанами и едва выжил от раны. Он спас отца от злодея Сепуха. Даже вельможи прониклись к нему глубочайшим уважением. В знак особого почтения его называют иногда именем старинного пахлавана Дипонегоро.

— Зови его скорей, — приказал сусухунан Киаю. — Я хочу видеть истинного героя…

Паку Бувоно III был очень стар, но держался бодро. Ему хотелось во что бы то ни стало дожить до девяноста девяти лет. Свыше семидесяти лет носил он на своей голове корону Суракарты. Чужеземцы утомили его.

Онтовирьо, как и положено по этикету, сидел на низкой скамеечке у трона. Сусухунан внимательно разглядывал его.

— Я хорошо помню твоего прадеда Амангку Бувоно I, — наконец негромко произнес сусухунан. — Он был великим пахлаваном, и имя его навсегда сохранится в памяти народа. Мы считались врагами, но каждый из нас — орудие аллаха и каждый по-своему прав. Я пережил Амангку Бувоно. Я пережил многих правителей. Может, быть, переживу и тебя. Только твой попугай Буюнг переживет всех нас. Мне хотелось бы, чтобы он пережил последнего иноземного губернатора на Яве. Я принимаю союз моего младшего брата Джарота и отдал распоряжение двинуть войско на Батавию. Пусть и мое имя останется в памяти людей… Пусть солнечный орел Гаруда, вестник свободы, вцепится когтями в спины неверных.

И сусухунан в самом деле вызвал командующего войсками Суракарты принца Мангкунегоро, сказал ему:

— Повелеваю в союзе с братом нашим Джаротом изгнать беланда с яванской земли…

Мангкунегоро распростерся на мраморном полу. Он весь был покорность.

Онтовирьо казалось, что все происходит во сне. Ему даже не пришлось убеждать Паку Бувоно III. Принц едва не загнал коня — так торопился в Джокьякарту с великой вестью.

— Я отдал принцам Беи и Мангкубуми приказ привести отряды в готовность, — сказал Джарот. — Ты, брат мой, займешь свое место в главном штабе рядом с достойнейшими. Тебя любят воины и пойдут за тобой… Гаруда расправляет крылья…

Онтовирьо все еще не мог поверить в реальность происходящего. «Уж не грезится ли мне все это?!» — думал он.

Но сон быстро рассеялся. На второй день в Джокьякарте появился Киай Моджо. Он был бледен. Известковая пыль покрывала шелковые одежды. Четки богослов потерял где-то по дороге. Конь его выбился из сил.

— Измена! — крикнул он, завидев Онтовирьо. — Сусухунан отравлен. Это дело рук голландского резидента и подлого предателя Мангкунегоро…

Выслушав трагическую весть, Джарот склонил голову.

— Враги убили мудрейшего из мудрейших, султана султанов, — сказал он окружавшим его принцам. — Мы потеряли могучего союзника. Но решение наше неизменно. Кровь требует крови. Будем готовиться к битве. Пора раздавить голландского питона!..

Глаза его блеснули, рука потянулась к крису.

«Он молод, но носит в груди сердце бантенга!..» — с невольным восхищением подумал Онтовирьо. В эти минуты он любил Джарота. Так ли уж важно, что корона Джокьякарты на голове Джарота, а не на голове Онтовирьо? Нужен решительный вождь, и им будет брат… Онтовирьо согласен драться как рядовой воин. Лишь бы драться, а не сидеть сложа руки и глядеть, как алчные иноземцы рвут Яву на куски… Пусть крылья солнечного орла Гаруда накроют многострадальную Нусантару…

Все становилось на свое место. Как будто спала с глаз вязкая паутина.

V
КЛОКОЧУЩИЙ АРХИПЕЛАГ

Исконный житель острова Сапаруа выборный староста Томас Матулесси, прозванный крестьянами капитаном Паттимурой, справлял свадьбу. Гости □èىëêè يà берегу моря в тени раскидистых саговых пальм, курили сигаретки из панданусового листа и жевали бетель. В небольших сундучках находились листья бетеля, разбитые орехи арековой пальмы, табак, известь. Каждый запускал руку в сундучок, брал лист бетеля, клал туда разных приправ и, скатав порядочный комок, отправлял его в рот. Для выплевывания красной слюны стояли особые тазики. Вино здесь на свадьбах не пьют. Угощение скромное: желе из оболочки мускатного ореха, мацис — ярко-красная мякоть мускатного ореха, ядро мускатного ореха, залитое известью, саговые лепешки, разные блюда из ствола саговой пальмы. Ведь главное богатство острова — плантации саговой пальмы и мускатника. Саговая пальма дает до пятисот килограммов саго. Эта пальма заменяет обитателям Сапаруа и рис и бамбук; из твердых и длинных черешков ее листьев строятся стены и полы хижин, а крыши покрываются листовыми пластинками.

Сапаруа — совсем крошечный островок. Он находится в самом отдаленном, в самом глухом углу Малайского архипелага. Это Молукки — сказочный край пряностей. На востоке, совсем рядом, — Новая Гвинея. С юга беспрестанно набегают прозрачные синие волны моря Банда. Узкие проливы отделяют Сапаруа от других островов: Харуку, Серама, Амбоины — главного пункта Мрлукк.

В жилах островитян течёт смешанная кровь: малайская, альфурская, китайская, арабская, голландская, португальская. Говорят здесь на смеси языков, исповедуют ислам, христиано-протестантскую религию и католичество: ведь начиная с XVI века тут перебывали миссионеры всех мастей. Правда, большинство жителей продолжает тайно придерживаться и древних обычаев и прежней религии. Здесь еще сохранились обрядовые танцы маро и чекале.

Капитан Паттимура и его невеста Кристина Марта Тиахоху сидели на циновке и прислушивались к мелодичному перезвону гамелана. Жених по случаю торжества вырядился в белую полотняную блузу без воротника, с красочной оторочкой и цветастый саронг; сзади за поясом торчал неизменный крис. Его лицо с небольшими черными усиками сверкало теплым

бронзовым блеском, темные веселые глаза ласкали каждого: и невесту, и крестьян из соседних деревень, и курчавых темно-коричневых альфуров, пришедших на праздник. Он был молод и полон сил. Под саговыми пальмами собрались друзья, связанные страшной клятвой: мстить голландским пришельцам до последнего вздоха. Паттимура стал вождем негласного союза деревень Сапаруа.

Голландцы засели за толстыми стенами крепости; Они высадились недавно и сразу же стали «хозяйничать»: отобрали у крестьян земельные наделы, запасы саго и мускатного ореха; в каждой деревне посадили своего гуру — священника, своего старосту; запретили собрания; пострадали и ловцы жемчуга альфуры — весь жемчуг перекочевал в карманы голландских солдат. Это были все те же беланда, которые и раньше говорили, что «один мускатный орех дороже головы темнокожего».

Паттимура объединил крестьян в отряды и загнал незваных пришельцев в крепость. Голландцы не предпринимали вылазок, они ждали помощи с Амбоины. Верткие лодки островитян контролировали все выходы в проливы. Паттимура также выжидал: должны были подойти новые отряды с самодельными палашами и бамбуковыми копьями.

В эти тревожные для Сапаруа дни капитан Паттимура и Кристина Марта решили вступить в брак. Любовь не считается даже с войнами. В ближайших тамариндовых рощах расположились крестьянские отряды.

Паттимура слушал гамелан, а сам подсчитывал в уме количество воинов и оружия в своих отрядах. Бездействие уже начинает томить людей. Они предлагают напасть на крепость, истребить ее гарнизон. Но Паттимура знает, что время еще не наступило… А кроме того, он не желает ненужного пролития крови.

Однако события развивались так, что вождь восставших вынужден был в эту же ночь перейти к решительным действиям…

Среди приглашенных находился один молодой альфур, ловец жемчуга. Ему только что исполнилось восемнадцать лет. У альфуров издавна существует странный обычай: человек, достигший зрелости, обязан принести в деревню голову своего врага; в противном случае его не будут считать взрослым, равноправным членом общины.

Альфур — ловец жемчуга — понимал, что, ï□èﻡëà□èâ ﻫﻡî на свадьбу, капитан Паттимура пошел наперекор установившемуся закону — ведь молодой альфур еще не совершил никаких подвигов и каждый мог с ним обращаться, как с мальчишкой. Он сидел, низко опустив курчавую голову; стыд жег щеки. Если бы

можно было незаметно пробраться в крепость, заколоть первого же попавшегося солдата! Неосуществимые мечты: крепость надежно охраняется…

Появилась танцовщица альфурка, закутанная в цветной батик, спускающийся от груди до щиколоток. Лоб девушки украшала татуировка. Горели два красных цветка в черных волосах. Розовый и голубой прозрачные шарфы обвивали тонкую шею.

Она насмешливо посмотрела на ловца жемчуга, подошла к нему и бросила на колени голубой шарф: это обозначало приглашение танцевать. Ее красные губы задрожали, она сказала громко:

— Я хочу, чтобы мы с тобой были хати-пане. Сегодня ночью в доме собраний мы станем танцевать маро…

Гости рассмеялись: исполнившие танец маро становятся мужем и женой. Танцовщица издевалась над юношей.

Ловец жемчуга побледнел, отчего его щеки и нос приобрели голубоватый оттенок, вскочил, отбросил шарф и убежал. Подобного унижения он не смог перенести: его публично назвали мальчишкой!

Вернулся он поздно ночью и швырнул к ногам танцовщицы окровавленную голову голландского офицера.

— Ты зарезал помощника коменданта крепости! — вскричал Паттимура. — Безрассудный поступок, достойный сожаления…

— Они гнались за мной по пятам… — прохрипел альфур.

Капитан Паттимура понимал, что сейчас медлить нельзя: нужно опередить голландцев. Он приказал собрать отряды и, даже не сняв свадебного одеяния, повел их к крепости. Рядом с ним, вооруженная широким клевангом, шла невеста Кристина Марта Тиахоху.

Осада фортов продолжалась до утра.

15 мая 1817 года крестьяне ворвались в крепость и перебили весь гарнизон. Остров оказался в руках повстанцев.

С вестью о победе Паттимура послал к соседним островам лодки — кора-кора.

…Произошло именно то, чего он ожидал: сразу же поднялись крестьяне огромного острова Серама. Были уничтожены голландские гарнизоны на Тидоре, Харуку, Нуса Лауте. Пламя восстания перекинулось на Амбоину.

За короткий срок Паттимура установил на архипелаге справедливые законы. Земля стала общей и принадлежала отныне всему роду. Каждый член рода имел право пользоваться землей, но не мог продать ее. Если плантации не обрабатывались, они переходили во владение родовой общины. Верховная власть

перешла к союзу, куда вошли выборные главы «местных собраний» островов. Решению союза под страхом смерти не смел противиться даже вождь рода, фактически в деревне всем распоряжался выборный председатель собрания.

Голландцам пришлось бросить на подавление восстания значительные силы. Крестьяне, вооруженные лишь самодельными палашами и бамбуковыми пиками, семь месяцев сдерживали натиск карательного корпуса. Особенно жестоко обстреливала корабельная артиллерия Сапаруа. Словно гигантские факелы, трескуче горели саговые пальмы и хижины. Островок превратился в пепелище.

Очень часто впереди крестьянских отрядов шла, размахивая клевангом, молодая женщина в черном — подруга Паттимуры Кристина Марта Тиахоху. Ее называли «цветком Свободы». Тонкая, смуглая, с развевающимися волосами, с пылающим взором, она появлялась на самых трудных участках, рубилась наравне с мужчинами. Иногда ее видели на узкой лодке с балансирами из саговых черешков, Стремящейся через пролив к соседнему острову.

Экспедиционный карательный корпус раздавил восстание. Паттимура был схвачен и казнен. Кристину Марту приговорили к пожизненному тюремному заключению на Яве. Ее заковали в кандалы и бросили в трюм корабля. Гордая Кристина Марта покончила с собой.

Но зарево над архипелагом продолжало пылать. Зажглось восстание на Борнео, на Целебесе, в Бантаме, в Палембанге на Суматре. Снова поднялся Серам. Появились новые вожди. И среди них все чаще и чаще называли имя некоего Имама из Бонджола, вождя решительного и отважного, объявившего на Суматре войну не только голландцам, но и собственным раджам и всем владетельным князьям.

Генерал-губернатор Капеллен растерялся. Его карательный корпус распылился, неповоротливая эскадра адмирала Буйскеса не поспевала бывать во всех уголках архипелага, где назревали грозные события. Сам себе Капеллен порой напоминал гнома, стремящегося прикрыть ладонью проснувшийся вулкан. Особенно много беспокойств доставлял этот Имам Бонджол.

На западном берегу Суматры среди племен минангкабау возникло движение, ставшее известным под названием «Пидари» (от порта Пидари, через который ежегодно направлялось паломничество в Мекку). Отсюда, из Пидари, начало распространяться учение Имама Бонджола. Он призывал народ навсегда покончить с несправедливостью, изгнать всех угнетателей — и местных и пришлых. «Берите землю, она

ваша, — говорил он крестьянам, — она полита вашей кровью и потом. Человек рождается свободным и должен умереть свободным. Мы, вахабиты, хотим возвратить землю тем, кто обрабатывает ее своим трудом, передать богатство бедным. Люди не должны делиться на богатых и бедных, на рабовладельцев и рабов. Уничтожайте всех, кто противится справедливости…»

Конечно же, такой призыв поднял на ноги всех, кто способен носить оружие. Жители гор минангкабау объединились в народную армию. Они расправлялись, и с голландцами и с раджами, и с вождями племен, предъявляющими права на собственность.

Имам Бонджол оказался не только тонким политическим руководителем, но и талантливым полководцем. Он легко разгадывал все планы голландского командования и неизменно наносил удары по самым уязвимым местам. Огнестрельное оружие вахабиты раздобывали на поле боя.

Войска голландцев терпели поражение за поражением. Впервые они столкнулись с умом могучим, изощренным и загадочным: воля Имама Бонджола, его непреклонность нагоняли страх даже на ван дер Капеллена, отсиживающегося в Батавии.

Сюда пожаловали с Западной Суматры вожди племен. Они умоляли генерал-губернатора любой ценой покончить с вахабитами; схватить ненавистного Имама, объявившего себя пророком голытьбы. Арабы, китайцы и даже англичане продают ему оружие.

Капеллен заставил вождей племен подписать договор, по которому они безоговорочно признавали власть Голландии над Западной Суматрой.

— Имама Бонджола и его единомышленников нужно убрать, — сказал генерал-губернатор. — Все средства хороши… Это дело поручаю вам!

Восстание на Борнео началось с повсеместного убийства голландских чиновников и солдат.

Великий остров, заросший железным деревом и ротаном… В его непостижимых лесных глубинах из иноземцев не бывал никто. Там водятся слоны и двурогие носороги, лениво перебирается с ветки на ветку сумрачный, злой орангутанг. Там груды алмазов и золота. Это алмазный остров. Хребет Мератуе и массив Бабарис скрывают неисчислимые сокровища.

На Борнео текут полноводные глубокие реки Барито, Махакам, Капуас. В его обширных зеленых болотах могли бы без следа утонуть такие государства, как Голландия и Англия. Во время сезона дождей со склонов гор стекают стремительные потоки, затопляют равнины и превращают болота в настоящее

море. Борнео, или Калимантан, — третий по величине остров мира. Только местные???ли даяки знают тайные тропы, ведущие в непроходимые лесные дебри.

Вожди повстанцев скрывались в горах, голландские солдаты гибли в джунглях, куда заманивали их калимантанцы, умирали от отравленных стрел. Яд, которым были смазаны стрелы, действовал настолько сильно, что даже малейшая царапина приносила почти мгновенную смерть.

Если бы барон ван дер Капеллен мог наперед знать, что восстание на Алмазном острове затянется на целых тридцать лет, он, может быть, не стал бы посылать в гибельные джунгли отряд за отрядом. Отряды исчезали, словно их засасывали безбрежные смрадные болота.

С тайным страхом наблюдал Капеллен за тем, как с каждым днем все стремительнее и стремительнее развертываются кровавые события.

Архипелаг бурлил, клокотал. Только Ява молчала. Но генерал-губернатор понимал, что это затишье перед невиданной грозой. Вот почему он спешно перебрасывал из «внешних владений» войска на Яву. Он ждал. И не удивился, когда получил конную депешу от резидента Джокьякарты Смиссерта: князья, раджи и сам султан Джарот готовят восстание. Во все кампонги и кратоны султан послал своих гонцов. Генерал-губернатор хорошо знал Смиссерта. Недаром яванцы прозвали его «человеком с собачьими зубами». Беспринципный делец Смиссерт привык полагаться лишь на самого себя и на свой пистолет. А главным оружием в борьбе за власть считал интригу. За короткий срок он успел привлечь на свою сторону многих влиятельных и невлиятельных из пятнадцатитысячного населения кратона султана Джокии. Он всегда знал, откуда грозит опасность. Больше всего забот прилагал он к тому, чтобы укрепить военный форт Вреденбург, расположенный неподалеку от дворцовых стен. Форт был окружен рвом с водой. Сюда Смиссерт стянул большое количество пушек. Сам резидент, для безопасности, поселился не во дворце, а в отдельном, хорошо защищенном от внезапного нападения доме. Здесь же квартировал и его помощник Шевалье.

Если уж Смиссерт решил потревожить генерал-губернатора донесением, то события в самом деле назревали не пустячные.

«Во всем полагаюсь на вашу находчивость», — ответил Капеллен резиденту.

Получив депешу, Смиссерт облегченно вздохнул. Руки были развязаны. Он мог поступать так, как подскажет изобретательный ум. Во всем полагаться лишь на самого себя!..

…Конь богослова Киая Моджо пробирался по белым от пыли

и цветущего сахарного тростники равнинам, по склонам вулканов и джунглям.

Девственный лес — римба непроходимой темно-зеленой стеной встал перед Моджо на пятый день пути. Болота, речки, водопады, заросли колючих ротангов… — без ножа не пробиться в душную лесную глушь… Носились над зеленой водой пурпуровые цапли, марабу и пеликаны. Их громкие крики будили сумеречную тишину. По ночам трещали цикады, рычали в зарослях тигры, бесшумно проскальзывали мимо пантеры. Словно каменные изваяния, стояли в тростниковых зарослях серые носороги. Это был римба… Ночью он горел холодными фосфорическими огнями.

Спутник Моджо, полуголый крестьянин с цветным платком на голове, по каким-то одному ему известным приметам находил дорогу. Питались они дикими бананами и плоскими яванскими желудями. Поговаривали, что в этих лесах и болотах скрывается со своими людьми страшный разбойник Абдулла, в прошлом крестьянин одного из кампонгов Джокьякарты. Много неприятностей причинил Абдулла голландцам. Не щадил он и важных адипати, бупати, теменггунгов, плохо обращающихся со своими крестьянами. Всякое вооруженное выступление крестьян голландцы считали делом рук Абдуллы и назначили высокое вознаграждение за его голову. Абдулла был неуловим. Он появлялся то в Багелене, то в Кеду, то на склонах вулкана Мерапи.

С этим-то Абдуллой и пришлось повстречать богослову Моджо. Из чащи вышел на тропу невысокий крупноголовый человек, обнаженный до пояса. Его темное бугристое тело напоминало кору тикового дерева. Подрагивала седая бородка. Из-под низко надвинутого на лоб платка насмешливо поглядывали суженные глаза с синеватыми зрачками. Сухонький старикашка с тонкой жилистой шеей и ребристой, будто из бамбуковых палок, грудью…

— Мир тебе, святой отец, Дулла рад тебя видеть, — приветствовал он Моджо, приложив сложенные ладони ко лбу. — Вот уж справедливо сказано, что неисповедимы пути аллаха. Но здесь ему, кажется, делать нечего…

— Я не собираюсь возвращать тебя на путь истины, — сухо ответил богослов. — Пусть каждый молится своему богу. Мы проголодались и хотим есть. Прибыл я от известного пангерана Дипонегоро по важному делу. Он велел передать тебе два слова: «бамбу рунчинг»…

«Бамбу рунчинг» — значит «бамбуковое копье» — древний девиз повстанцев. Еще со времен Дипонегоро Первого им

обменивались при встрече восставшие крестьяне. «Бамбу рунчинг» — это «война захватчикам!».

Услышав знакомые слова, Абдулла просветлел. На его черных от бетеля губах появилась мягкая улыбка.

— Вы желанный гость. Я готов вас выслушать, — проговорил он уже серьезно и взял коня под уздцы. — Бамбу рунчинг!..

…Онтовирьо, только что вернувшегося из поездки в Селаронг, схватили голландские солдаты. Допрашивай его сам Смиссерт:

— Вы обвиняетесь в государственном преступлении — подстрекательстве раджей и старшин кампонгов к мятежу. Вы послали некоего муллу Моджо для связи с разбойником Абдуллой…

Онтовирьо бросил на резидента брезгливый взгляд.

— Вы забываетесь, Смиссерт. Я — на своей земле и отчитываюсь только перед своим султаном и аллахом. Вы для меня — только чиновник, плохо выполняющий инструкцию. Я буду жаловаться Совету и генерал-губернатору…

— Напрасно вы задираете нос: ваш султан Джарот сегодня утром умер! Я заставлю вас отчитываться…

Онтовирьо побледнел, покачнулся.

— Это вы, вы отравили его!

Смиссерт недобро сощурился.

— Уведите его!..

Кратон султана Джокии представлял собой огромный четырехугольник, — обнесенный высокими стенами, внутри которого помещались меньшие квадраты со своими стенами и воротами; в центре стоял дворец султана.

Онтовирьо, принцев Мангкубуми и Беи поместили не во дворце, а в одном из «квадратов». «Человек с собачьими зубами» оцепил кратон войсками. По главной улице Джокьякарты — Тамариндовой аллее гарцевали кавалеристы. Дороги на Семаранг, Соло, Черибон были перерезаны. Во все кратоны раджей и в деревни расторопный Смиссерт послал своих гонцов с фальшивым воззванием якобы от имени Онтовирьо, Мангкубуми и Беи: ввиду того что султан Джарот скончался, выступление против голландцев откладывается на неопределенное время. Приказ умершего султана отныне силы не имеет…

Онтовирьо тяжело переживал утрату брата Джарота. Еще тяжелее было от сознания, что великое дело загублено.

Дядя Мангкубуми утешал:

— Терпение — прекрасное качество. Визирь персидского царя Хосрова Первого как-то сказал: «Лучше временно унизиться, чтобы в конце концов победить, чем победить таким образом, что

в конечном счете эта победа привела бы к постоянным унижениям».

Онтовирьо горько улыбался:

— Тот же визирь Бузурджмир также произнес: «Терпение — прекрасное качество, но жизнь слишком коротка, чтобы долго терпеть…»

Дядя не сдавался:

— У одного шута спросили: «Почему петух, просыпаясь по утрам, поднимает одну ногу?» Он ответил: «Потому что петух упал бы, если бы поднял сразу обе ноги».

Будь подобен этому мудрому петуху, дитя мое: не поднимай обе ноги сразу. Сюда, на похороны Джарота, едет генерал-губернатор ван дер Капеллен. Рафлс обещал сделать тебя султаном после смерти Джарота. Станешь правителем — легче осуществится наше дело.

Капеллен рассеянно выслушал Онтовирьо.

— Рафлс — закоренелый враг Нидерландов! — прорычал он. — Этот джентльмен до сих пор считает, что Англия совершила глупость, вернув нам Ост-Индию. Это он поставляет оружие мятежнику Бонджолу на Суматру. Это он заигрывает с неподвластным нам султаном Аче. Это по его вине до сих пор не выполняется лондонское соглашение четырнадцатого года. Англия и сейчас предъявляет свои права на Суматру и другие острова. Это Рафлс отправил в ссылку на Амбоину вашего дядю принца Мангкубуми, и он находился в изгнании до тех пор, пока мы не вернули его. Рафлс негодяй!..

— Ваш резидент арестовал нас…

— Досадная ошибка. Я проверил факты. Вы были всего лишь исполнителями воли ныне покойного султана. Вы, Мангкубуми и Беи храбро дрались с англичанами. Данное обстоятельство снимает половину вины. И все же вы состояли в заговоре…

«Платите за зло справедливостью», — говорил Конфуций. Я хочу быть справедливым правителем. И вы должны правильно понять меня. Туземные правители требуют от нас, чтобы мы соблюдали адат. Могу ли я противиться подобному желанию, наживать врагов? По адату вы не можете наследовать корону, так как имеется законный наследник трехлетний сын Джарота Мас Менол. Чтобы рассеять глупые слухи о якобы насильственной смерти Джарота, мы должны провозгласить новым султаном его сына. Если бы Нидерланды передали корону вам, что подумали бы раджи о вас и о нас? Мас Менол до совершеннолетия будет находиться под опекой голландского визиря. Кроме того, Совет утвердил опекунами вас, принца Мангкубуми, мать Мас Менола Рату Кентьоно и его бабушку. Вот если Мас Менол умрет, тогда…

Султан Джарот скончался при загадочных обстоятельствах. Его нашли в опочивальне уже похолодевшим. Рядом, на арабском ковре, валялась золотая чаша. Доступ в покои в позднее время имела лишь одна молодая красивая рабыня. Но она таинственным образом исчезла после роковой ночи…

Погребение султана было пышным. Его хоронили со всеми почестями. Капеллен и Смиссерт сказали много возвышенных слов о добродетелях Джарота. Онтовирьо только сжимал рукоятку криса. Он видел насквозь этих лживых людей. Покойному Джароту надели на шею золотую голландскую цепь. Большего надругательства трудно было придумать.

Решение генерал-губернатора об опеке глубоко задело резидента Смиссерта и его помощника Шевалье. Оба считали, что место мятежникам не у трона, а в тюрьме. В опекуны они предлагали своих, надежных людей. Но Капеллен остался непреклонен:

— Разве вы не знаете, что в Кеду и Багелене восстание? И возглавляет его небезызвестный Абдулла? Мятежники обвиняют в смерти султана Джокии вас, Смиссерт, и вас, Шевалье. Они требуют немедленно освободить Онтовирьо, Беи и Мангкубуми, дабы их не постигла подобная же участь. Можно разогнать мятежников — я уже бросил в Кеду дивизию. Но как вы рассчитываете доказать раджам, что смерть султана — не ваших рук дело? Вы должны бдительно следить за этими тремя. Сейчас главное — успокоить Яву. Бантам опять поднимает голову… Доводы Капеллена не убедили резидента и его помощника.

— Я знаю коричневых, — раздраженно говорил Смиссерт помощнику. — Таких, как Онтовирьо, нельзя подкупить. Капеллен — осел и дорого заплатит за свое легкомыслие. Сегодня же напишу королю донос…

Смиссерт несколько запоздал: донос на генерал-губернатора еще раньше отправил финансовый чиновник Гунс. В его дневнике появилась новая запись: «Ява по-прежнему остается дефицитным островом. Плюс Молукки, Борнео, Суматра. Капеллену не дают покоя лавры Дандельса. Непробиваем, как барабан! Мятежи обошлись уже в семь миллионов гульденов».

Ван дер Капеллен считал себя мудрым политиком. Рафлс — враг. Следовательно, нужно делать все не так, как делал Рафлс. Необходимо развенчать Рафлса в глазах туземных правителей, убедить раджей и пангеранов, что только он, Капеллен, истинный борец за права туземцев, только он может изменить все к лучшему. Он, подобно Дандельсу, затеял великое дорожное строительство. Он стал насильственно внедрять систему выращивания кофе. Он был недоволен тем фактом, что все

большее число европейцев и китайцев, минуя его, основывало плантации на Яве. Он приказал уничтожить, отобрать эти плантации, закрыл все порты для иностранцев.

Ван дер Капеллен решил, что все яванские земли должны принадлежать Голландии. Сам король предложил создать новую Нидерландскую торговую компанию вместо пресловутой Нидерландской Ост-Индской компании и стал ее главным акционером.

Капеллен, закусив удила, помчался, не разбирая дороги. Он издал жестокий указ, запрещающий яванским князьям сдавать земли в аренду под плантации европейским и китайским частным предпринимателям. Этот закон грубо попирал древнее яванское право, по которому земля принадлежала князьям и они по собственному усмотрению могли сдавать ее в аренду. Он объявил все старые арендные договоры недействительными, конфисковал частные землевладения, созданные еще Дандельсом и Рафлсом.

Это постановление было грубой политической ошибкой. Больше того: Капеллен протянул руки к владениям султана Джркьякарты и сусухунана Суракарты:

— Приказываю сдать земли княжеств в аренду голландскому правительству. Мы будем платить…

Все сразу разгадали тайный смысл заявления генерал-губернатора: Капеллен, по примеру Дандельса, решил раз навсегда покончить с Джокьякартой и Суракартой, подкупить их султанов, согнать принцев с земли, полностью лишить их доходов, самостоятельности, превратить в голландских чиновников.

Голландцы отравили сусухунана, султана Джарота, а теперь решили разделаться с принцами!..

Все пятнадцатитысячное население кратона Джо-кии вновь пришло в волнение.

Фактическими правителями султаната стали Онтовирьо и Мангкубуми. У них искали защиты. Трехлетний султан Мас Менол с погремушкой на ноге бегал по дворцовому саду под присмотром нянек, за него все государственные дела пытались решать Смиссерт и Шевалье.

Но всякий раз они наталкивались на железную волю принца Онтовирьо.

— Я опекун несовершеннолетнего султана, — заявил он резиденту, — и не позволю, чтобы голландцы обворовывали ребенка, который по своему неразумению не в состоянии защитить себя. Мы не признаем и не желаем признавать ваше постановление!

Смиссерт выходил из себя. Если бы не строжайший приказ

Капеллена «не дразнить желтоглазых», он давно бы схватил ненавистного принца и сослал куда-нибудь в джунгли. Он решил медленно и неуклонно изводить Онтовирьо всякого рода мелкими придирками, доносами, слежкой за ним.

Онтовирьо и Мангкубуми почти открыто готовили восстание. Они вновь разослали преданных людей во все районы султаната.

На площадях кампонгов и городов собирался народ. Всадник, не слезая с коня, объявлял указ принца Дипонегоро — всем подданным по первому же сигналу быть в готовности зажечь перанг сабил. Таким сигналом послужат события в самой Джокин. Представители власти деревень и кратонов обязаны заготовить продовольствие, фураж, оружие, обучить людей военным приемам.

И повсюду посланцам Дитюнегоро говорили:

— Мы уже готовы! Давно готовы. Мы помним «Пантун о свободе». Мердека! Мердека!..

Крестьяне вместе с семьями уходили в леса и горы, и там творилась неведомая грозная работа.

…Онтовирьо исполнилось сорок лет. Выросли сыновья. Сколько событий прошло перед глазами! Сменялись генерал-губернаторы, султаны, революции в Европе вытряхивали королей, войны потрясали государства. На его памяти взошла и закатилась яркая лживая звезда Наполеона.

Нет, Онтовирьо не постарел! Красная земля, зашитая в мешочке, — талисман, подарок прадеда Суварги, — жжет грудь. Пора, пора… Или теперь, или никогда!

Беспримерный подвиг капитана Паттимуры и его подруги Кристины Марты, как бенгальская вспышка, осветил непроглядную ночь. Там, на краю Нусантары, расцвел гордый цветок Свободы. Бьет врагов пророк Свободы могучий Имам Бояджол. Кипит буйный зеленый Калимантан… Солнечный орел Гаруда расправил крылья.

Обожженный солнцем, прямой, словно копье, скачет Онтовирьо по белым полям Джокйи. Его неизменно сопровождает Шевалье. Чтобы досадить опекуну, резидент приставил к нему соглядатаем своего помощника. Шевалье груб и глуп. Зной сводит его с ума. Шевалье в своем голубом суконном фраке с вышитыми на воротнике и обшлагах дубовыми и померанцевыми листьями обливается потом, проклинает все на свете.

— Поворачивай назад, дьявол! — кричит он. — Ты задумал меня изжарить. Проклятое племя…

— Стремитесь, Шевалье, к сенангу, — подбадривает его принц. — Сенанг — это душевное спокойствие, высшее качество характера.

Онтовирьо ревностно исполняет все религиозные обряды, а Шевалье должен в это время стоять в сторонке, париться, как картошка в котле, терпеть, «выполнять инструкцию».

Крестьяне криками приветствуют своего принца Свободы,

— Что он им говорит? Что они ему говорят? — допытывается Шевалье у переводчика.

Переводчик, пряча саркастическую улыбку, поясняет:

— Он их приветствует по случаю пятницы. Они его приветствуют по случаю пятницы.

— Дьяволы, — ворчит Шевалье. — Они даже своих быков приучили бросаться на белого.

Странно, يٍ факт: яванские домашние буйволы, завидев голландца, поднимали хвосты и, наклонив лобастые головы, с воинственным ревом устремлялись навстречу. В таких случаях помощник резидента прятался за Онтовирьо.

Шевалье панически боялся тропических болезней и потому всегда был пьян. Онгговирьо относился к нему с брезгливой снисходительностью. И Шевалье платил за это оскорблениями. Но принц не оставался в долгу. Его поддерживали все придворные — каждый тренировал свою изобретательность, изощрялся в тонких издевательствах над резидентом и его помощником. Однажды Шевалье публично обвинил принца в непочтительности.

— Ты обязан приветствовать меня! — заявил он.

— Вся моя семья отныне будет преисполнена почтения, — невозмутимо ответил Онтовирьо.

Он научил попугая Буюнга в присутствии голландских чиновников кричать на голландском языке: «Моя семья приветствует Шевалье!»

Помощник резидента поклялся свернуть попугаю голову.

Инцидент произошел на торжестве по случаю рождения дочери у Онтовирьо.

Смиссерт в это время находился в Батавии. «Человек с собачьими зубами» срочно выехал в столицу, получив секретное письмо финансиста Гувса. Новости были потрясающие: король Голландии Вильгельм рассмотрел все доносы и решил немедленно сместить ван дер Капеллена «в связи с его неспособностью управлять финансами». Капеллен разорил казну. В Европе разразился кризис, цены на кофе и сахар упали, а ван дер Капеллен вместо того, чтобы приносить государству доход, требовал все новых и новых средств на строительство дорог и подавление мятежей. Вильгельм рассвирепел и решил прибегнуть к особым мерам: ван дер Капеллена отозвать, на его место назначить дю Бюс де Гисиньи в ранге специального комиссара с

особыми полномочиями проводить любые реформы, какие он сочтет необходимыми.

Воспользовавшись отсутствием резидента, Шевалье задумал покуражиться над принцем Онтовирьо. Торжество было в разгаре. Сменялись серимпи — танцовщицы, взвивались в небо бенгальские огни.

От Шевалье несло ромом. Он горящими глазами смотрел на Онтовирьо, который беззаботно веселился. Тут же были и его сыновья и красавица жена Ратнанингсих, еще слабая, бледная, но приветливо улыбающаяся всем. Коран не чтит женщину, и рождение девочки — не слишком большое событие. Но когда рождается дочь у столь знатного человека, как опекун султана, — это уже праздник.

Вельможи, облаченные в богатые одежды, окружали Онтовирьо, сидящего у трона на обитой бархатом скамейке.

Сочтя момент удобным, Шевалье подошел к Онтовирьо и громко сказал:

— Ты забыл пригласить меня и доблестных офицеров на свой праздник. Мы пожаловали сами. Кто разрешил тебе устраивать торжество во дворце султана? Или ты вообразил, что я здесь больше не хозяин? Сейчас же убирайся отсюда со своим выводком, иначе я выброшу тебя вон…

Алкогольное безумие овладело Шевалье, и он уже не отдавал себе отчета в том, что говорит. Его душила злоба, злоба мелкого чиновника, ненавидящего этих важных коричневых вельмож, не желающих считаться с ним.

Неизвестно, кто выпустил из клетки попугая Буюнга. Попугай сел на раззолоченный трон и закричал:

«Моя семья приветствует Шевалье! Бей мачанов…»

Огромный зал притих. Офицеры кинулись ловить птицу, но Буюнг улетел.

Онтовирьо поднялся и молча вышел из зала. Он сразу же уехал в Тегалреджо. Шевалье неправильно расценил этот поступок: он вообразил, что принц испугался очередного доноса.

Помощник резидента решил во что бы то ни стало доконать принца, вывести его из состояния сенанга, устроить скандальчик, о котором потом можно будет со смехом рассказывать собутыльникам: «Я проучил одного желтоглазого… Он умер где-то не то на Тидоре, не то на Тернате…»

На другой день Шевалье отправил в Тегалреджо отряд солдат с приказом проложить дорогу через владения Онтовирьо. Дорога должна обязательно пройти через могилу прабабушки принца Рату Агенг. Здесь, на могиле, очень часто в вечерние часы сидел Онтовирьо и предавался размышлениям. Первый бамбуковый кол

солдаты вбили в могилу Рату Агенг. Мангкубуми, зная неукротимый нрав племянника, поспешил в Тегалреджо.

Помощнику резидента хотелось спровоцировать Онтовирьо на «маленький мятеж». Тогда можно будет схватить его как бунтовщика и раз навсегда разделаться с ним. Смиссерт возражать не станет. Капеллену сейчас не до разбирательств.

Рассчитывая на полную безнаказанность, Шевалье действовал грубо, прямолинейно.

Мангкубуми запоздал. «Маленький мятеж» уже разразился. В Тегалреджо со всех сторон стекались крестьяне с дубьем и самодельными канджарами — большими кривыми кинжалами с обоюдоострым лезвием. Вместо кольев повсюду торчали бамбуковые копья — символ войны.

Онтовирьо объявил войну голландцам. Этого только и желал Шевалье. Но он явно перестарался.

Прибывший из Батавии Смиссерт принялся бешено трясти пьяного помощника:

— Подлый негодяй, что вы здесь натворили? Я пристрелю вас, как бешеного пса…

Резидент отправил с белым флагом в Тегалреджо своего парламентера. Онтовирьо и Мангкубуми предписывалось немедленно явиться в кратон. В случае неповиновения оба принца будут арестованы предстанут перед судом.

— Передай своему господину, что мачан никогда не был судьей бантенгу. Настало наше время судить, — сказал парламентеру Онтовирьо.

— Адженг, — обратился он к жене, — готова ли ты к испытаниям? Война уже началась…

Ратнанингсих прижалась лицом к его руке.

— Возьми бриллианты, золота и серебро и поезжай с сыновьями и дочерью в Селаронт. Драгоценности передай народу — пусть крестьяне закупают оружие. У нас больше нет дома…

19 июня 1825 года Смиссерт послал в Тегалреджо стражу для ареста Онтовирьо и Мангкубуми.

Старый Мангкубуми хладнокровно поднял тяжелый пистолет и выстрелил: лейтенант упал. Крестьяне набросились на солдат. Через несколько минут с врагами было покончено.

— А теперь в Калисоко, в Селаронг!.. Разъяренный Шевалье сам вскочил на коня и с большим отрядом поскакал в Тегалреджо. Но Онтовирьо и Мангкубуми уже и след простыл.

Скрежеща зубами от бессильной злости, помощник резидента приказал поджечь пустующий дом принца. Языки пламени высоко взметнулись над пальмами и рисовыми полями.

…Онтовирьо больше не существовало. На равнинах

Центральной Явы появился руководитель невиданного в истории Малайского архипелага восстания Дипонегоро!

VI
СОЛНЕЧНЫЙ ОРЕЛ ЛЕТИТ НАД ЯВОЙ

Смиссерт и Шевалье струсили не на шутку. Проходили дни, недели, а резидент все не осмеливался послать сообщение об «инциденте» в Богор, генерал-губернатору ван дер Капеллену. Они отсиживались за каменными стенами форта Вреденбург и надеялись, что все как-нибудь образуется.

— Вы скотина, Шевалье, — неистовствовал резидент. — Рано или поздно вся эта история всплывет наружу, и нам несдобровать…

— Чепуха! — успокаивал помощник. — Голова коричневого принца не стоит обломка голландской сабли. Мы крепко проучили зазнайку. Опекуны удрали, и господин резидент полный хозяин в Джокьякарте.

А Дипонегоро и Мангкубуми готовились к серьезным боям. Селаронг находился всего лишь в десяти километрах от Джокьякарты. Следовало со дня на день ждать голландцев. Но враг почему-то не проявлял активности.

Свой штаб Дипонегоро разместил не в самом Селаронге, а в двух километрах от него, в Калисоко. Здесь имелась небольшая, но удобная пещера Сенчанг. В ней-то и обосновался вождь восставших.

Сидя на ковре, при свете лампы с кокосовым маслом он писал воззвание: «Письмо это от принца Дипонегоро и принца Мангкубуми ко всем друзьям в Джокьякарту и Кеду. Мы подняли знамя священной войны против голландского владычества. Это обстоятельство должны знать все мужчины и женщины, большие и малые. Приказываем: весь народ должен вооружиться. Захватывайте земли, уничтожайте врагов, восстанавливайте истинную веру!»

В Селаронг привели свои отряды семьдесят семь принцев и раджей, потомки всех прежних султанов Джокьякарты. В долине Калисоко скопилось не менее тридцати тысяч повстанцев. Вооружены они были копьями, дротиками, крисами, клевангами, дубинами, камнями, голландскими и английскими ружьями и пистолетами.

Примчался из Джокьякарты принц Беи.

— Мне удалось купить у голландских солдат несколько ружей и пистолетов. Смиссерт и Шевалье все еще думают, что вы

с горсткой преданных людей скрываетесь в горах. Они намерены отправиться со своим отрядом в Писанг: кто-то им сказал, что вы находитесь там. Шевалье настроен очень воинственно: грозится привязать мятежников к пушкам.

— Дурак всегда считает себя выше неба, — усмехнулся Дипонегоро. — Встретим их в Писанге. Пангерана Джойодининграта и бупати Караганьяра с отрядами отправим в это время во Вреденбург — пусть захватят склады с оружием.

Дипонегоро окружали преданные люди. Беи был закаленным в боях воином. Пожалуй, в Голландии да и во всей Европе не нашлось бы стратега и тактика, равного ему по уму. В свои шестьдесят лет он сохранил завидную подвижность, неприхотливость его вошла в поговорку: горсть риса, банан — вот его завтрак, обед, ужин. Беи, уподобясь простолюдину, носил цветной платок — уденг, одежду из простого батика. Обувь его стесняла, и он предпочитал ходить босым. Только по оружию можно было определить, что перед вами вельможа: дорогие пистолеты тонкой заморской работы, крис, усыпанный сверкающими камнями, ружье с инкрустированной слоновой костью ложей. Оружие Беи любил — так привязан ребенок к своим игрушкам.

Во дворце мало кто обращал внимание на маленького жилистого человека с большим гладким, будто отполированным, лбом. Он всегда держался в тени, под всякими предлогами уклонялся от приемов, аудиенций и торжеств.

Сын султана Сепуха, он мог бы претендовать на высокое положение при дворе. Но Беи отличался редким равнодушием к житейским благам, к титулам и должностям.

Холодным взглядом окидывал он великолепное убранство дворца, напыщенных вельмож и голландских чиновников, слушал их пустые условные речи, и ему казалось, что где-то он уже видел все это. Потом вспоминал: кукольный театр — вайянг! Там тоже все условно. Каждый играет свою жалкую роль. Большую часть досуга Беи проводил в дворцовой библиотеке, где были собраны редчайшие рукописи и книги, хроники всех войн, какие когда-либо вело человечество.

Если Рафлс рассматривал историю Явы как историю ее колонизации, то у Беи сложилась совершенно иная точка зрения: история его родины — это хроника освободительных войн, которые вел народ против захватчиков. Султаны и раджи искали в каждой такой войне свою выгоду, но народ хотел только одного: избавиться от иноземцев, самостоятельно решать свою судьбу.

Бен давно отрешился от мелких и больших предрассудков. Неверие в аллаха и его благие дела накрепко укоренилось в

сердце. По характеру он чем-то напоминал мятежного деда Суварги.

Без колебаний примкнул принц Беи к племяннику Онтовирьо — Дипонегоро.

Принд Мангкубуми был несколько иного склада: мягкий, доброжелательный, он больше всего на свете любил своего сына Натадинингрaта. Сын давно стал мужчиной, но Мангкубуми по-прежнему считал его ребенком. Любил он и своих дочерей, которых в один день с Ратнанингсих заботливо отправил в Селаронг. К племяннику Онтовирьо он проникся безграничным уважением еще во времена боев с англичанами.

Тогда именно Мангкубуми организовал сопротивление войскам Джиллеспи. Низложив Сепуха, Рафлс сослал в 1815 году Мангкубуми на далекую Амбоину. Целый год принц провел в изгнании. Голландцы вернули его в Джокьякарту, назначили опекуном малолетнего султана. Однако Мангкубуми насмешливо отнесся ко всем этим «милостям».

— Нам не нужны их золотые цепи, их гульдены, их резиденты и надсмотрщики, — говорил он Онтовирьо. — Пусть наши женщины никогда не плачут на полях индиго. Или мы превратились в жалких трусов и разучились держать в руках крис? Годы проходят в уничижении. Я хочу пустить кровь грязным мачанам. Я роздал имущество беднякам. Но разве накормишь всех голодных детей Явы?

…Жители Селаронга всполошились: по пыльной дороге из Соло двигался большой конный отряд. Мигом повстанцы рассыпались по долине, залегли за каждым кустом, за каждым деревом. Дипонегоро с подзорной трубой стоял на холме и пытался разглядеть, кто это среди бела дня в полном вооружении едет среди рисовых полей.

Всадник в желтом халате и белом тюрбане остановил коня и пронзительным голосом, которому мог бы позавидовать любой арабский муэдзин, закричал:

— Эй, вы! Во имя аллаха вездесущего не стреляйте. Это я, Киай Моджо с подкреплением… Бамбу рунчинг!

Дипонегоро устремился навстречу другу. От радости в нем проснулось что-то мальчишеское, захотелось схватить Моджо, стащить с коня. Но священнослужитель на виду у всех был неприступен и холоден, как скала.

— Ваше высокопревосходительство Канджeнг Густи пангеран Дипонегоро! Принцы и раджи кратона Соло направили меня с отрядом к вам. Они на вашей стороне, — доложил он.

— А сусухунан?

— Паку Бувоно Пятый в растерянности и нерешительности.

Он боится и колеблется.

— Хорошо. Я сам напишу ему письмо.

Появление Киая Моджо с отрядом было настоящим праздником. Священнослужитель пользовался широкой известностью на Яве, его знали и любили крестьяне, к его голосу прислушивались правители кратонов и кампонгов. Ему удалось установить связь даже со страшным крестьянским вожаком Абдуллой.

— Теперь я знаю, что мы победим… — сказал Дипонегоро.

В этот же день Главный штаб, куда вошли Дипонегоро, Мангкубуми, Беи и Киай Моджо, устроил совещание.

Всю армию разбили на отряды, по пятьсот-тысяча человек в каждом. В личное распоряжение Дипонегоро выделялись два отряда по восемьсот воинов: один из них предполагалось использовать как резерв штаба; другой — для разведки и авангардных боев.

Командовать отдельными отрядами поручалось бупати Караганьяру, принцам Джойодининграту, Нотопроджо, Джойонегоро, Мангкувиджайя (внуку Сепуха), Пурбакусуме и другим.

Никто не колебался. Над Сёларонгом подняли красно-белое знамя Санг Мерах-Путих. На главной площади били в нобат — большой لّلي. Сим объявлялось, что отныне Ява вступает на путь перанг сабила — священной войны с захватчиками.

21 июня во главе отряда Дипонегоро двинулся на Писанг. Отряды Беи, Мангкубуми и Киая Моджо должны были обойти противника с флангов.

Пангерану Джойодининграту и бупати Караганьяру Дипонегоро приказал захватить оружейные склады голландского форта.

Не имеющие ни малейшего представления о численности войск повстанцев, Смиссерт и Шевалье оказались в плотном кольце. Яванцы в этой схватке не произвели ни единого выстрела. Под завесой разразившегося тропического дождя они напали на ландцев врасплох и всех до единого вырезали. Бесшумный бой длился не больше часа. На равнине близ Писанга остались горы трупов. Победители подобрали кремневки и пистолеты. Разумеется, с таким оружием воевать во время тропического дождя бессмысленно…

Смиссерту и Шевалье все же удалось улизнуть. Оба во весь опор помчались во Вреденбург. Здесь их встретили новостью: повстанцы захватили склады, увезли все оружие, зарядные ящики и даже одну пушку. Нужно же случиться такому: пангераны кратона Джокии, преданные голландцам, бабушка и мать

несовершеннолетнего султана собрали пятьдесят тысяч гульденов и направили их во Вреденбург. Но золото не дошло по назначению: оно также захвачено повстанцами у самых ворот кратона.

Смиссерт обессиленно опустился на подушки, набитые капоком.

— И всё это из-за вашего тупоумия, Шевалье, — произнес он хрипло. — Мы погибли…

Первая победа воодушевила повстанцев. Дипонегоро распорядился передать захваченные деньги беднякам.

Потерпев поражение, голландцы не осмеливались больше вылезать из Вреденбурга. Смиссерт впал в безразличие. Карьера была кончена. В утешение оставался ром. Но даже сейчас он не отважился послать генерал-губернатору донесение обо всем случившемся.

…Все последние дни ван дер Капеллен занимался довольно прозаическим делом: упаковкой вещей. Он покидал Ост-Индию, Яву, богорский дворец, в, котором скоро должен поселиться другой — дю Бюс де Гисиньи. Варварская страна… Его здесь так и не поняли. Не поняли его и в метрополии. Гунс строил соболезнующие рожи и вздыхал: еще один генерал-губернатор не справился с финансами и его вышвырнули… Каким-то окажется дю Бюс де Гисиньи?.. Впрочем, как бы ни обернулись дела, не страшно: Гунс за эти беспокойные годы успел перевести на родину солидный капиталец. Пусть генерал-губернаторы занимаются реформами — самый верный способ сломить шею! Пикантнее всего было при великом безумце Дандельсе…

Размышления Гунса прервал вошедший адъютант.

— Какой-то полуголый туземец добивается аудиенции, — обратился он к Капеллену. — Неслыханная дерзость. Он утверждает, что его направили с секретным сообщением мать и бабушка султана

Джокии.

— Пусть убирается ко всем чертям! Дела черномазых меня больше не интересуют. Всыпьте ему положенное количество палок.

Адъютант откланялся. Однако вскоре вернулся и, задыхаясь, выговорил:

— В Джокьякарте мятеж! Вот письмо принцев, сохранивших преданность королю. Смиссерт разбит, обезоружен…

Капеллен читал бумагу, и не верил своим глазам: 21 июля Дипонегоро наголову разбил Смиссерта! А сегодня уже 24 июля… И этот мерзавец Смиссерт до сих пор молчит, боится возмездия… И Смиссерт и Шевалье — подлецы! Арестовать, судить…

И уже спокойно адъютанту:

— Заготовьте от моего имени приказ генерал-лейтенанту де Коку: все войска, предназначенные для подавления мятежей на Борнео и Целебесе, повернуть на Джокьякарту. Пленных не брать. Дипонегоро, Мангкубуми и Беи доставить в Батавию… Кстати, Смиссерт и Шевалье смещаются с должносте! Я сам допрошу их.

Выпроводив назойливого Гунса, Капеллен задумался: он уже смирился с отставкой, и вот сюрприз. Из-за мелких интриг негодяя Смиссерта он вынужден отменить отъезд, опять по уши влезть в надоевшие яванские дела. Де Кок — энергичный человек. Он сумеет раздавить всю эту сволочь…

…Дипонегоро в спешном порядке укреплял Селаронг. На подступах к кратону воины вколачивали в землю острые бамбуковые колья, рыли ловушки, устилали их сверху рубленым бамбуком и пальмовыми листьями. На холме установили пушку, захваченную у голландцев. Появились бамбуковые пушки. Штаб под руководством Мангкубуми и Беи разработал подробный план обороны города.

К оборонительной тактике Дипонегоро перешел неспроста. Он написал письмо сусухунану Соло, призывая его присоединиться к восставшим. Но Паку Бувоно отмалчивался. Неопределенные ответы слали правители других городов. Нужна была хотя бы одна значительная победа. Тогда все поверят в силу восстания и примкнут к нему.

Предвиденье Дипонегоро подтвердилось. Такую победу принесли оборонительные бои под Селаронгом.

Генерал-лейтенант де Кок, командующий голландской армией, не придавал большого значения событиям в султанате Джокьякарта. Он слыл опытным душителем восстаний на всем архипелаге, мастером ведения так называемых «малых войн» против слабо вооруженных колониальных народов.

Это были всего лишь «неурядицы», «волнения», и стоило ли Капеллену поднимать шум из-за того, что кучка туземных принцев ушла в горы!

Но приказ есть приказ. Де Кок перебросил войска из Семаранга в Соло. Здесь все было спокойно. Сусухунан с радостью встретил генерала, предложил свои услуги. Мангкунегоро, Натакусума, Суменеп и другие пангераны уже собрали войско и готовы помочь старшим братьям — голландцам. Паку Бувоно явно преувеличивал силы восставших. Де Кок счел для себя зазорным охотиться за «кучкой беглых принцев» и направил в Джокьякарту генерала ван Геена.

Генерал ван Геен успокоился, когда на всем пути до Джокьякарты его разведка не встретила ни одного отряда

повстанцев. Джокьякарту окружили.

30 сентября 1825 года ван Геен подошел к Села-ронгу. И тут случилось нечто страшное: бывалый вояка ван Геен оказался зажатым со всех сторон. Лошади проваливались в ямы, напарывались на бамбуковые колья. Из-за холмов, из пальмовых рощ и зарослей сахарного тростника вырывались всадники и длинными мечами крошили солдат. От снарядов артиллерии Дипонегоро в рядах голландцев образовалась огромная брешь. Крестьяне с лопатами, дубинами, бамбуковыми копьями выскакивали из засад и с яростным ожесточением набрасывались на голландских солдат. Перед их натиском не могла устоять никакая сила.

От полного разгрома ван Геена спасла ночь. Он бежал в Джокию, бросив на поле боя раненых и убитых и две пушки.

Весть о неслыханном поражении генерала ван Геена очень быстро распространилась по Яве и дошла до Богора.

Генерал-губернатор Капеллен распорядился распаковать вещи: скорого отъезда не предвиделось.

— Я сгною в тюрьме этих интриганов Смиссерта и Шевалье! — воскликнул он.

— Если вы не возьмете Селаронг, я отдам вас под суд военного трибунала! — пообещал де Кок генералу ван Геену. — Большей бездарности еще не встречал…

Собрав силы, получив подкрепление от сусухунана, ван Геен 4 октября вновь подошел к Селаронгу.

Наученный горьким опытом, голландец тщательно обследовал местность. Отсутствие бамбуковых кольев его озадачило. Какую шутку на этот раз выкинет Дипонегоро?..

На одном из участков солдаты пришли в большое возбуждение, когда заметили вдалеке облако пыли. Оказалось, что пыль подняло огромное стадо домашних буйволов — кербау.

Кербау, заметив голландцев, не свернули, а, наоборот, убыстрили бег. Их словно подгоняли тысячи тигров. Солдаты с ужасом и недоумением смотрел на ревущих, стремительно приближающихся буйволов. Никому не хотелось попасть на острые длинные рога.

За стадом, оказывается, бежали люди с ружьями и копьями. Завязалась перепалка. Напуганные стрельбой, буйволы набрасывались на солдат, поддевали их рогами, топтали.

Но это было лишь маленькое представление. Основные силы Дипонегоро неожиданно ударили с тыла.

Повторилось то же, что и 30 сентября. Ван Геен вынужден был отойти. Но уже через несколько часов передышки он снова перешел в наступление, пустив в ход резервы. Он поклялся или

погибнуть, или победить. Однако не случилось ни того, ни другого.

Восемь дней сдерживала армия Дипонегоро натиск голландцев. В конце концов ван Геену удалось окружить Селаронг. Но каково же было его изумление, когда утром ни в городе, ни в его окрестностях не оказалось ни одного повстанца. Дипонегоро со своей огромной армией исчез.

Обессиленные, понесшие большие потери голландские войска откатились в Джокьякарту,

…На побережье Индийского океана, в устье реки Прого, растут высокие мангровые деревья с оранжево-желтыми цветами и длинными копьевидными плодами.

Подует ветер, плод сорвется, зароется в голубовато-серый ил, а через несколько часов на этом месте появляется зеленеющее деревцо. Мангры ведут извечную борьбу с морем и болотом. Многочисленные воздушные корни их, широко раскинувшись вокруг ствола, связывают ил, молодые побеги с удивительной быстротой захватывают все новые и новые пространства, и таким образом берег поднимается, твердеет, болото исчезает. Рождается новая плодородная суша.

Прого разрезает Центральную Яву почти пополам. Свое начало она берет далеко на севере, на склонах вулканов. Это естественный труднопреодолимый рубеж.

Сюда, в край бурной реки Прого, и ушел Дйпонёгоро со своей армией. Разбив противника в коротких, но жестоких боях близ Джуменанга и Мангира, он 9 ноября занял Дексо. Обосновался здесь надолго, почти на год. Поход на запад, в Дексо, не был отступлением.

Воззвания принца Свободы, подобно плодам мангрового дерева, упали на благодатную почву: зашумела буйная поросль, перед которой шаг за шагом отступало зловонное болото, — в провинциях Кеду и Демак поднялся народ. Руководил восставшими крестьянами Абдулла.

Дйпонёгоро мог облегченно вздохнуть: его призыв услышан. Следовало немедленно объединиться с партизанами Абдуллы, сделать постоянной базой повстанческого движения район, труднодоступный для врага. Селаронг с его открытой местностью был слишком уязвим.

Разбитые, деморализованные войска ван Геена больше не представляли опасности. Теперь голландцы начнут подбрасывать силы из Семаранга, Батавии. Нужно перерезать пути на Джокьякарту и Соло, обложить вражеские опорные пункты в Магеланге, Паракане и Бавене. Нужно обучить свою армию, состоящую из воинов-поселян, подготовить ее к решающим боям,

а затем захватить Магеланг и Паракан.

Абдулла привел в распоряжение Дипонегоро еще тридцать пять тысяч человек.

А семена перанг сабила давали все новые и новые всходы. В короткое время восстание охватило всю Центральную Яву: земли Пекалонган, Семаранг, Баньюмас, Багелен, Ледок, Кеду, Демак. Поднял на крайнем западе острова непокорную голову Бантам.

Река Прого стала артерией, соединяющей повстанческие районы. По ней день и ночь плыли плоты с оружием, продовольствием, людским пополнением.

Движение вышло из рамок султаната Джокьякарта, оно стало всенародным. И в центре его находился Дипонегоро со своим боевым штабом. Теперь вождь восставших мог осуществить самые дерзновенные свои планы. Он занялся укреплением народной армии.

Джокьякарта находилась совсем близко — в двадцати пяти километрах. Небольшие отряды повстанцев — пикеты и разъезды — контролировали все дороги, ведущие в столицу, совершали дерзкие налеты на обозы противника.

Однажды в Кеду появились два мальчика. Каждому из них было не больше шестнадцати лет. Они привели большой конный отряд. Одного юнца, по имени Правиракусума, сына Беи, Дипонегоро знал хорошо. Лицо другого было незнакомым: дерзкие, веселые, круглые, как монетки, глаза, толстые сочные губы, по-мужски твердые скулы с плотно натянутой золотистой кожей, высокий лоб с намотанной чалмой… Мальчик стоял, гордо подбоченясь, иногда трогал кривую рукоятку криса.

— Мне нужно принца Дипонегоро и никого другого! — заявил он окружившим его воинам.

— Кто ты, юный пахлаван? — спросил Дипонегоро.

Завидев принца, юноша степенно подошел к нему и поклонился:

— Вы не узнаете меня? Я Али Баса Сентот Правиродирджо, сын бупати Мадиуна Ронго, казненного Дандельсом. Вы сказали тогда: когда научишься владеть копьем, приходи ко мне. Я пришел…

Дипонегоро прижал юношу к груди.

— С такими храбрецами, как ты и твой друг Правиракусума, мы обязательно разобьем голландцев.

Может быть, в этих словах и была легкая снисходительность, но мальчик принял слова Дипонегоро всерьез.

— Я отомщу им за смерть отца! — горячо воскликнул он. — Мы обязательно разобьем мачанов. Я буду драться, как бантенг…

И столько было страсти в его словах, что никто не посмел

улыбнуться.

Мог ли предполагать Дипонегоро, что сейчас к нему пришел талантливый полководец, слава его армии, и что многими победами он будет обязан именно Сентоту!..

Сентота и Правиракусуму определили в отряд Нотопроджо.

Принц Нотопроджо, правнук султана Сепуха, встретил Сентота холодно:

— Скоро мне поручат командовать младенцами… Этот принц Свободы всех решил сделать солдатами. Даже собственную жену и дочь Мангкубуми обучает стрельбе из ружья.

— Это еще не главная беда, — отозвался его отец Мангкувиджайя. — Я должен вежливо обращаться с разбойником Дуллой, как равный с равным, терпеть нахальные мужицкие рожи, питаться скверной пищей и кричать: Свобода, Равенство, Братство.

Он зло рассмеялся и гнусаво запел на французском языке:

Вперед, вперед, сыны отечества,
Для нас день славы настает!..

И все же Нотопроджо вскоре вынужден был признать, что его отряд в лице Сентота приобрел отважного, смекалистого воина.

В январе 1826 года Дипонегоро решил очистить от голландцев округ Плерет, непосредственно прилегающий к Джокьякарте. Сюда входят город Пасар-Геде, кратоны Керто, Плерет, кампонги Керто Пенгаласан и Танджунг Тирто.

Де Кок разгадал планы повстанцев и на этот раз, уже отрешившись от идеи «малой войны», двинул в Плерет огромные силы. Впереди шли отряды сусухунана под командованием предателя Мангкунегоро. Операцией руководил сам командующий генерал-лейтенант де Кок.

— Только жестокость и непреклонность могут вести панику на туземцев, — сказал де Кок генералу ван Геену. — Мы должны лишить Дипонегоро базы. Выжигайте все на пути, вешайте, расстреливайте, не щадите ни женщин, ни стариков, ни детей. Пусть зараженный мятежом район превратится в пустыню…

И солдаты старались. Они загоняли мирных жителей в хижины и со всех сторон поджигали деревню. Того, кто пытался выскочить из огня, беспощадно расстреливали. Дорога до Плерета была густо усеяна трупами яванцев.

Дипонегоро, узнав о зверствах голландцев, приказал пропустить противника в Плерет, а потом уже обложить кратон со всех сторон.

— Ни один из них не должен уйти! Никакой пощады

взбесившимся мачанам. Кровь за кровь…

Весь свой талант стратега и тактика вложил Беи в план разгрома противника под Плеретом. Победа должна стать поворотным моментом во всей войне. Дипонегоро, Мангкубуми и Киай Моджо занялись распределением сил. Командование невиданным по размаху боем Дипонегоро взял на себя.

Он спокойно разъезжал от бивака к биваку, заговаривал с воинами, проверял боевое охранение и караульную службу, вникал в, казалось бы, несущественные мелочи.

Сейчас это был уже не тот Дипонегоро, каким его знали в первые дни восстания. Тогда он искал поддержки у пангеранов, раджей, бупати. Без их участия в движении успех дела не мыслился. Теперь он главным образом опирался на народ и только ему доверял целиком. Он слишком хорошо знал изменчивую природу вельмож, чтобы полагаться на них во всем. Народ признал его своим вождем — и это главное. С принцами, потомками султанов, дело обстояло сложнее. Каждый из них стремился занять главенствующую роль, стать руководителем. В их среде существовала иерархия, каждый хвастал своей родовитостью и выполнять приказы какого-то «выскочки» Онтовирьо не считал нужным.

Дипонегоро стремился создать регулярную армию по типу европейских, хотя и понимал невыполнимость подобной задачи. Слишком уж примитивным вооружением располагала народная армия, ее пешие воины. Огнестрельное оружие имелось только у дворян. Несколько бамбуковых пушек не могли сравниться с голландской артиллерией. Бамбуковое копье, конечно же, не летит так далеко, как пуля из голландского штуцера.

И все ж даже в плохо вооруженной армии должно существовать беспрекословное подчинение младших старшим, нужна крепкая дисциплина. Дисциплина необходима и для того, чтобы вельможи, наподобие Мангкувиджайя, не действовали самочинно, не отменяли приказов главнокомандующего, не глумились над воинами-крестьянами.

Мангкувиджайя не отличался скромностью. Он требовал, чтобы его ввели в Главный штаб, окружил себя комфортом, плел интриги и, как поговаривали, поддерживал тайную связь с сусухунаном. Он по-прежнему признавал законным султаном Джокии малолетнего Мас Менола. Но так как Мас Менол находился в руках голландцев, то следовало подыскать нового султана. Мангкувиджайя предлагал на трон султана «Земли Свободы» свою кандидатуру. Пусть другие воюют, а он будет управлять. Он даже, пожалуй, согласен оставить на посту главнокомандующего этого «мужицкого принца» Дипонегоро.

Конечно, с тем условием, если в штаб введут сына Мангкувиджайя принца Нотопроджо. Разумеется, простолюдину Киаю Моджо в штабе делать нечего. Мархаэн должен трепетать перед родовитой знатью, иначе начнется то же самое, к чему призывает Имам Бонджол на Суматре… Нашлись вельможи, которые разделяли точку зрения Мангкувиджайя.

— В словах этого индюка есть доля истины, — сказал мудрый Киай Моджо. — Вельможи привыкли повиноваться тому, кто выше их по титулу. Иначе они никогда не утихомирятся и будут претендовать на корону. Нам нужен султан. Султан Свободы, избранный самими принцами и народом, человек с железной рукой и яростной ненавистью к голландцам. Что может объединить и простолюдинов и вельмож? Вера! Наш султан должен стать также руководителем правоверных и главой ислама. Пусть вся власть, и духовная и светская, сосредоточится в одних руках. Только таким образом мы сможем подчинить всех общему делу восстания, создать Государство Свободы.

Я хорошо знаю историю. Так поступал великий Бабек, вождь персов и азербайджанцев. Он правил двадцать два года. Его армия насчитывала двести тысяч человек. У него не было даже конницы, не было осадных орудий, но он побеждал арабских халифов…

Историю вождя крестьянского восстания Бабека знал и Дипонегоро. В свое время он очень внимательно прочитал арабскую хронику о Бабеке.

Вождь крестьян — хуремитов Бабек, выросший среди нищеты, невежества и угнетения, в IX веке поднял восстание. На территории иранского Азербайджана он создал государство, в котором было уничтожено право собственности, землей владели те, кто ее обрабатывает, богатство перешло к бедным, женщина считалась равноправной с мужчиной.

«Между богатыми и бедными могут быть только меч и борьба», — говорил Бабек в первые годы правления. Его погубил предатель-феодал.

Когда семьдесят потомков всех султанов Джокии, возглавляемые Мангкубуми, Беи и Киаем Моджо, пришли в хижину, где отдыхал Дипонегоро, и объявили волю народа, принц Свободы нахмурился.

— Вы предлагаете мне короны всех княжеств — и древних и современных, хотите провозгласить меня заместителем аллаха на земле, маленьким богом.

Справедливо говорил Киай Моджо о Бабеке. Бабек объявил себя богом и требовал поклонения от крестьян и окружающих. Я думаю, что Бабека погубило не предательство: он еще раньше сам

погубил себя, потребовав божеских почестей. Зачем человеку титулы и почет, если его родину терзают враги? Будем готовиться к битве за Плерет…

Кокосовый орех достигает своей полной величины спустя двести пятьдесят дней после цветения пальмы, а полной зрелости — после четырехсот пятидесяти дней.

Еще не поспели те орехи, что в прошлом году гроздьями висели на тонких стволах пальм Селаронга, а народная армия Дипонегоро уже превратилась в могучую силу, созрела для серьезных боев. И не помогут де Коку подкрепления, которые подбрасывает ему генерал-губернатор из Богора, Семаранга и Мадуры…

Борьба за Плерет началась 16 апреля 1826 года и закончилась только 9 июня. Почти два месяца сдерживал де Кок натиск повстанцев. Очень скоро генерал понял, что его заманили в ловушку.

Дипонегоро очень бережно расходовал силы. Его отряды лишь изредка совершали смелые налеты на позиции врага. Этими конными отрядами руководили Киай Моджо, юный Сентот и сын Беи Правиракусума.

Тут, под Плеретом, Дипонегоро и смог впервые по-настоящему оценить полководческий талант Сентота.

Кто научил ребенка всем премудростям страшного дела — битвы? Он не бросался на врага сломя голову, хотя и прослыл в короткое время удальцом. Он действовал очень расчетливо, умел сосредоточить в нужный момент и в нужном месте больше сил, чем было в этот момент и в этом месте у голландцев, очень быстро подмечал каждый промах в действиях противника. Сентот стал бичом для голландских обозов. Его ударная группа одевалась в латы голландских кирасир и потому могла среди дня подъезжать к обозам на весьма близкое расстояние. Когда голландцы обнаруживали обман, было уже поздно. Пришлось де Коку даже издать специальный приказ, по которому артиллерии и кавалерии запрещалось отрываться от транспортов. За голову Сентота назначили большое вознаграждение.

Окруженная со всех сторон, голландская армия стала испытывать недостаток в продовольствии и зарядных ящиках. Слишком уж щедро расходовались боеприпасы в первые дни. Но стоило голландцам сделать попытку прорваться к Джокьякарте, как они встречали мощные заслоны.

9 июля Дипонегоро перешел в решительное наступление. Голландские полки были смяты, растерзаны. На солдат обрушились тучи копий и дротиков. В гуще столкнувшихся грудь с грудью людей то там, то здесь появлялся Дипонегоро на черном

арабском жеребце. Бамбуковые копья и клеванги скрещивались с голландскими штыками и шпагами.

С остатками войск де Кок и ван Геен устремились не в Джокьякарту, а в Дексо. Но отряды Сентота и Киая Моджо обошли голландцев и разбили их наголову. Генералы, потеряв все, бежали в Суракарту.

Дипонегоро вернулся в свою резиденцию в Дексо. К нему подвели пленных.

— Голландцы под охраной будут убирать урожай на крестьянских полях, а этих… казнить на главной площади!

«Эти» — были офицерами сусухунана и Мангкунегоро.

— Но ведь они правоверные мусульмане, сыновья знатных людей! — возмутились Мангкувиджайя и его сын Нотопроджо.

— Ад соскучился по предателям… А ты, Нотопроджо, вел себя, как трусливая птица-носорог: вместо того чтобы сражаться, отсиживался в кустах. Отстраняю тебя от командования. Командовать отрядом будет юный пахлаван Сентот!

Нотопроджо стоял, понурив голову. Позеленевший от злости пангеран Мангкувиджайя выкрикивал:

— Где есть справедливость? Я протестую и требую…

Но его уже никто не слушал: кто станет прислушиваться к голосу человека, сын которого трус?

Узнав, что в Нгленконге появился голландский отряд лейтенанта Губерта, Дипонегорв сразу же послал туда Киая Моджо, Сентота, принца Пурбакусуму и сына Беи. Голландский отряд охранял новых опекунов несовершеннолетнего султана Джокии, назначенных генерал-губернатором вместо Дипонегоро и Мангкубуми.

Сентот один, без охраны, появился на коне у стен Нгленконга и, сложив ладони у рта, закричал:

— Пусть лейтенант Губерт выходит для переговоров! Мы требуем выдачи опекунов.

Сентота обстреляли. Но он ловко увертывался от пуль и не торопился в укрытие. Рассвирепевший Губерт высунулся, навел штуцер на всадника. И в это мгновение чья-то сильная рука метнула копье в голландца. Губерт свалился замертво. Повстанцы ворвались в Нгленконг, вырезали всех до единого. В этом бою были убиты и опекуны малолетнего султана.

Армия Дипонегоро вошла в Джокьякарту. Весь султанат был очищен от голландцев.

Знакомая Тамариндовая аллея. Знакомые ворота, стены, покои. Дворец пуст. Пуст дом резидента и его в помощника. Смиссерт и Шевалье давно отстранены от своих обязанностей; Капеллен отправил их в подчинение генералу де Коку. Де Кок все

не может оправиться от поражения. Он прячется в кратоне сусухунана Соло. Армия Дипонегоро тоже понесла значительный урон. И все же задерживаться в Джокии не следует, Нужно идти на Суракарту, покончить с де Коком, продажным сусухунаном и его полководцами Мангкунегоро, Вионегоро, Суменепом, Натакусумой.

Дипонегоро прошел в библиотеку. Давний волнующий запах папирусов, пергаментов, лонтаровых листков и бумаги…

В дворцовой библиотеке хранился, может быть единственный во всем мире, экземпляр старинной арабской книги «Ахбар Бабек» — «Известия о Бабеке». Книгу в незапамятные времена привезли арабские купцы. Книгу не раз читал Онтовирьо, и она всегда наводила на размышления.

Сын бедного крестьянина Бабек поднялся на небывалую высоту: он стал главой невиданного в истории государства крестьян, где все были равны. Почти четверть века жило и боролось государство голытьбы. Его мощь казалась несокрушимой, ибо крестьяне верили своему вождю, шли за ним, оберегали его. Бабека признал и даже установил с ним союз самый могущественнейший монарх тогдашнего мира византийский император, глава великой Римской империю Бабек был жестоким, беспощадным правителем, истинным восточным деспотом-диктатором. Перед ним трепетали не только враги, но и его соратники. Бабеку показалось мало простого человеческого уважения к его делам. Даже лавры халифа, императора, единовластного диктатора его не прельщали. Он, позабыв о тех, кто его вынес к власти, — о бедняках крестьянах, пожелал стать равным богу и объявил себя богом, потребовал преклонения, мистерий в свою честь. Ему стало казаться, что он выше и мудрее всех людей на земле. Он полюбил лесть. А так как темная, неграмотная голытьба не умела тонко льстить — этим искусством в совершенстве владели феодалы, желавшие втереться в доверие к Бабеку, — то Бабек сделал ставку на феодалов.

Он очень плохо кончил, этот Бабек: его государство распалось, друзья отшатнулись от тщеславного живого божка; Бабека предали те самые феодалы, которые умели так тонко льстить, а затем его казнили…

…Утром пангераны снова выразили свою волю: пусть Дипонегоро станет правителем с громким длинным титулом: султан Абдуллхамид Еручокро Кабиру лмуминина Калифатул Рассулахи Амангку Бувоно Сенопати ингалого Сабилула инг танах Джа-ва, что значит — слуга аллаха, глава верующих, наместник бога, владыка мира, предводитель в священной войне на Яве.

Дипонегоро должен носить все титулы своих предков, в том числе и титул Дипонегоро Первого — «Еручокро», то есть «Справедливый».

Принц Свободы не мог удержаться от улыбки.

— Не затянем ли мы войну на вечные времена, если каждый из шестидесятитысячной армий по всякому случаю станет обращаться ко мне, называя полным титулом? Пока вы перечислите все титулы, голландцы успеют три раза зарядить свои штуцеры.

— Вас будут именовать просто Дипонегоро, — подсказал Киай Моджо. — У Нусантары должен быть один вождь, один султан. Им станете вы! Борьба за престолонаследие, за короны раздробляет наши силы. Такова воля народа, такова воля принцев, раджей, бупати.

— Хорошо. Но я должен выговорить для себя право. Я никогда не буду иметь никакого имущества, никаких земель и наделов, никаких богатств, никаких прислужников и гаремов. Я поселюсь в простом крестьянском доме и стану спать на обыкновенной циновке и подушках, набитых капоком. Все ритуальные почести, дворцовые приемы отменяются. Как султан Свободы я требую, чтобы меня именовали Дипонегоро, и никак иначе. Я провозглашаю девиз Тантуллара: «Единство в многообразии» — принципом «Земли Свободы». Еще: я не хотел бы надевать на голову этот тяжелый золотой предмет и сидеть в неудобном широком кресле из слоновой кости. Только циновка…

VII
БОГ ОГНЯ

На Яве возникло новое государство — «Земля Свободы». Оно занимало большую территорию — от побережья Индийского океана на юге до вулкана Мерапи на севере; западная граница тянулась от Пекалонгана до Чилачапа; на востоке неприступной крепостью на пути народной армии встала Суракарта. В Суракарте засел генерал-лейтенант де Кок со своим штабом.

Разгром Сентотом и Киаем Моджо отрядов лейтенанта И. Б. Губерта, который до этого отличился в боях во Франции и в Испании, произвел на де Кока сильное впечатление. В штабе, в Соло, находились сын де Кока и зять офицер Стуерс. Напрасно убеждали они генерала не падать духом. Де Кок был подавлен, уничтожен.

— Объявите любую награду за голову этого Дипонегоро, или как там его теперь называют… — стонал генерал. — Ван Геен и майор ле Брон разбиты в Бантуле и Кедживане. В Бантаме восстание, на Восточной Яве восстание. Мы потеряли Демак, Пекалонган, Баньюмас, Ледок, Кеду, земли Мантьянегары. На севере под Семарангом объявился принц Серанг, который наносит большой ущерб нашим войскам… В Ледоке крестьяне делят землю. Руководят ими два имама — Мас Лурах и Мусба. Скоро и нас выкинут из Соло…

Де Кок не мог смириться с позором поражения и даже подумывал о самоубийстве. Он бросал Смиссерта и Шевалье на самые тяжелые участки, всячески издевался над ними. Ему казалось, что во всем виноваты только эти двое.

Де Кока окружали верные слуги: сусухунан, принц Вира Иуда; Данининград, бупати Магеланга; Ария Сумодилага, бупати Миноreха; Мангкусентика, Мертадивара, Мангкунегоро, Вironегоро, Натакусума, Суменеп и другие. Они поклялись, что никогда не пустят народную армию в Соло.

Человек незнатный, некто Вironегоро, стремящийся выслужиться перед голландцами, предложил де Коку:

— Нужно выделить людей, которые бы во время боя специально охотились на Дипонегоро. Убьем вожака — остальные разбегутся. Важно не бой выиграть, а разделаться с этим «избранником мархаэна»…

Мысль понравилась генералу.

— Вот и возьмите на себя благое дело!

Зятю он сказал:

— От одних имен этих коричневых «братьев» можно сойти с ума: Виронегоро, Мангкунегоро… И все на одно лицо.

— Еще один пожаловал — Мангкувиджайя. Внук Сецуха. Перебежал к нам в Плендигане.

— Введите его!

Мангкувиджайя чувствовал себя перед голландцем уверенно:

— Я привел своего брата и еще шесть человек, недовольных самозванным султаном Абдуллхамидом, или же Дипонегоро. В стане Дипонегоро у меня остались верные люди, мой сын.

— Вы поступили мудро, великий пангеран. Как нам справиться с Дипонегоро? Он уже угрожает Суракарте…

— Как справиться с мятежником? Чтобы разобраться в делах настоящих, нужно изучить дела прошлые. Трава, у которой остались корни, отрастает снова. Я говорю о своем деде Сепухе. Следует вернуть из ссылки законного султана Джокьякарты Сепуха — и все его потомки покинут незаконнорожденного принца Онтовирьо.

Генерал де Кок даже подскочил от восторга:

— Изумительная идея! Немедленно вернуть старого орангутанга!.. С почестями, с триумфом… Несчастная жертва политического недоразумения… Мы совсем забыли, что Сепух все еще жив и коротает дни на Пинанге. Довезти знатную развалину в сохранности, обложить ватой. Дельце поручаю вам, Стуерс!.. Возьмите в помощники Иуду и еще кого-либо из туземных принцев, хотя бы того же Мангкувиджайя.

— Будет выполнено!

Гнетущая тревога не покидала генерала де Кока. Последним ударом явилась полная отставка ван дер Капеллена: его просто вышвырнули, как нашкодившего мальчишку, — ведь он не смог задушить восстание в самом начале!

К ван дер Капеллену де Кок уже приспособился, а тут пожаловал вместо него новый хозяин — генеральный уполномоченный Висконт дю Бюс де Гисиньи, человек мелочный и злой. Он бестактно вмешивался в дела командующего, самолично смещал не понравившихся ему людей, своими распоряжениями вносил путаницу и сутолоку.

Де Кок предлагал генеральному уполномоченному великолепный план разгрома повстанцев: нужно разъединить провинции мощными укреплениями, построить новые форты, крепости.

Гисиньи визжал от гнева и скупости: — Вы с Капелленом разорили казну! Я не желаю тратиться на всякие там укрепления. Позор вам… Не можете справиться с кучкой туземцев. Я буду ходатайствовать, чтобы вас сняли и разжаловали… Денег вы не

получите. Выпутывайтесь, как знаете.

Де Кок приходил в отчаяние. Жалкий крохобор Гисиньи…

Финансовый чиновник Гунс пометил в дневнике: «Мы истратили на Дипонегоро уже десять миллионов гульденов. И это лишь за два года войны! А конца ей что-то не видно. Де Гисиньи, конечно же, прогорит, несмотря на свою потрясающую скупость…»

И все же нужно отдать справедливость генеральному уполномоченному де Гисиньи: он сумел перебросить из всех «внешних владений» войска на Яву, даже махнул рукой на Суматру и на Имама Бонджола, насильственно произвел мобилизацию, согнал в Соло китайских ремесленников, жителей горных районов, подростков и даже малярийных больных, реквизировал оружие у китайских купцов, обратился за помощью к англичанам.

В августе 1826 года армия Дипонегоро, разбив отряды майора ле Брона и генерала ван Геена в Кедживане и Бантуле, вышла на склоны вулкана Мерапи. Отсюда в подзорную трубу хорошо просматривалась столица султаната Суракарта, до нее было не больше двадцати пяти километров. Голландцы и солдаты сусухунана возводили укрепления вокруг города.

28 августа развернулись бои уже на подступах к Соло. Народная армия взяла Делангу, Калитан, заняла, окрестные кампонги. Киай Моджо вышвырнул голландцев из своей родной деревни Моджо, овладел Менангом южнее Суракарты.

Дипонегоро обходом с севера и юга намеревался зажать Соло в клещи, а затем окружить. Штаб он перенес в населенный пункт Сукореджо. В этих боях снова отличились Сентот, сын Мангкубуми Натадининград, сын Беи Правиракусума и командир большого отряда Басах Усман, который с самого начала взял под покровительство юного Сентота.

Здесь расправил крылья молодой орел — сын Дипонегоро Аном. Второй сын — Дипокесума — никакими подвигами не прославился. Как-то после боя он пришел к Дипонегоро и с таинственным видом передал письмо.

— Кто тебе его вручил?! — вскричал Дипонегоро.

— Нотопроджо. Он не посмел явиться тебе на глаза. Ведь его отец перешел к сусухунану…

Дипонегоро тер кулаками глаза и все не верил: письмо было от деда Сепуха. Он, хвала аллаху, все еще жив и находится в гостях у своего державного друга сусухунана в Суракарте. Голландцы относятся к нему с большим почтением, вернули несуществующий трон в Джокьякарте.

Сепух призвал внука положить конец войне, отказаться от

титула султана, вернуть корону ему, Сепуху, и сдаться на милость голландцев. Разумеется, необходимо сразу же приостановить наступление на Соло. В противном случае Сепух обещал обратиться к народу и пангеранам с воззванием, объявить Дипонегоро захватчиком власти, предать его проклятью, И хотя время было горячее, Дипонегоро сразу же собрал свой штаб.

Мангкубуми и Беи были сыновьями Сепуха. Как они отнесутся к его письму? Будут ли вести войну против престарелого отца? Среди остальных принцев также насчитывалось немало прямых потомков Сепуха.

В острых умных глазах Беи пряталась усмешка.

— Наш отец султан Сепух слишком дряхл, и ему не следовало бы утомлять себя мирскими делами. Смешно, когда девяностолетний старец рвется к власти. Ненасытная жажда жизни — великий грех. И можем ли мы поручиться, что человек, находящийся в руках наших врагов, действует по собственной воле? Сепуху нужен престол, народу нужна Свобода. Я выбрал народ…

— Дитя мое, султан Абдуллхамид, слишком великие, жертвы принесли мы общему делу, чтобы отступать перед волей одного человека, если даже этим человеком является наш отец. Я — за Свободу, — сказал Мангкубуми.

— Жалкая уловка голландцев, — определил Киай Моджо. — Что может быть выше интересов народа?

— Мы созовем всех пангеранов и выслушаем их… — предложил Дипонегоро. — Но решающее слово остается не за ними, а за такими, как Абдулла, за мархаэном.

На глазах у повстанцев враг возводил укрепления, следовало спешить. О письме Сепуха можно было бы сообщить после того, как будет взята Суракарта. И все же пришлось заниматься этим делом; Дипонегоро понимал, что Сепух направил, письмо не только ему. Что думают пангераны? От них можно ожидать всего: измены, вероломства. Он собрал пангеранов.

Конечно же, все знали, что объявился Сепух. Завязался спор. Единства мнений не было. Некоторые даже предлагали похитить Сепуха.

— Вы провозгласили меня султаном, присягнули на верность, — сказал Дипонегоро. — Сотни наших людей уже поплатились жизнью за Свободу. Кому по нраву рабство, кто хочет прислуживать голландским чиновникам, пусть уходит. Очистившись от колеблющихся, мы станем крепче… Сепух стар. Что будет с вами, если аллах призовет его в свой деван?..

— Все-таки лучше было бы захватить Сепуха, — посоветовал кто-то.

— Этим делом займусь я, — вызвался Киай Моджо.

Пангераны были в нерешительности, и все-таки никто не пожелал сдаваться на милость голландцев. А Сепух?.. За девяностолетним старцем можно идти только в рай.

Конные отряды Киая Моджо и Сентота совершили дерзкий налет на Соло. Но прорваться в кратон не удалось.

— Возьмем Сепуха в другой раз, — пообещал Сентот.

Дипонегоро с ходу занял деревню Гавок. Теперь до Соло оставалось всего шесть километров. Так как разведчики донесли, что генералу ван Геену удалось пробраться в тыл к повстанцам, Дипонегоро решил перейти к круговой обороне. И это была непростительная, если не роковая, ошибка.

Отряды голландского офицера Кохиуса, сусухунана, Натакусумы, а также голландского резидента Суракарты двинулись на Гавок. Со стороны Джокьякарты подходил ван Геен. Под Суракартой скопилось не менее тридцати тысяч войск, подвластных голландскому штабу. Де Кок стянул сюда всю артиллерию и кавалерию. Вмешательство де Гисиньи на сей раз носило для голландского штаба благоприятный характер: он подбросил из Батавии резервы. Сусухунан Паку Бувоно сам лично повел отряд на Гавок.

15 октября 1826 года разгорелось сражение. Столкнулись две силы, и одна из них должна была победить. Особенно большой урон наносила народной армии голландская артиллерия.

Густой дым трепетал над потемневшей листвой панданусов и бананов. Женщины — добровольные санитары — не успевали относить в укрытия раненых. Небольшой отряд из крестьян беспрестанно закладывал камнями глубокие пробоины в стенах. Дыхание пожара обжигало лица. И высокие обугленные пальмы, и стена кратона, и холмы — все было залито медно-розовым светом.

…Высокая фигура Дипонегоро в белой чалме словно застыла. Он наблюдает за ходом боя. Мангкубуми, Сентот, сыновья Аном и Дипокесума — на конях. С яростным воем, выкриками «амой» врезаются они в ряды голландцев. Особенно отважен Аном. Он уверен, что пуля его не берет. Дипонегоро передал ему наследственный амулет с красной землей.

…Генерал де Кок положил у Гавока почти половину своих войск. Вот-вот повстанцы прорвутся к Суракарте. Сусухунан уже давно укрылся за стенами кратона. Де Кок решил отступить. И в это время пришло сообщение от начальника штаба туземных войск Виронегоро: Дипонегоро убит!..

— Всевышний на нашей стороне! — воскликнул генерал.

Адъютант иронически улыбнулся.

— Его укокошили туземцы, засланные нашим штабом.

— Историю вершат штабы, — сурово произнес де Кок.

…Окровавленный Дипонегоро лежал на горячей земле. Враги метили в сердце. На левой стороне груди расплывалось красное пятно. Другая пуля угодила в правую руку. Третья — задела левую ногу.

— Он еще дышит… — сказал Беи. — Принимаю командование. А вы, Виджайя Тяпа, увезите его в горы. Спасите пахлавана.

Священнослужитель, он же лекарь, Виджайя Тяпа понимал, что Дипонегоро не проживет и нескольких минут, но ослушаться Беи не посмел. Очень важно сейчас вывезти вождя с поля боя незаметно, чтобы об этом не знали, ни друзья, ни враги…

Когда султана Свободы стали укладывать на седло, он неожиданно открыл глаза и твердо произнес:

— Дядя Беи, я ранен. Но это скоро пройдет… Не отдавайте им Гавок… Я — мужчина…

Вулкан Мерапи… Его называют «богом огня». Вечно живой, вечно дымящий, он стоит в самом центре Явы. Иногда с неба на селения падают серый пепел и песок. Мерапи — грозный вулкан, самый деятельный и самый опасный из всех вулканов Малайского архипелага. Очень часто огненные снопы и пылающие облака вырываются из расселин — и тогда никому не удается спастись от раскаленных удушливых газов и грязевых потоков. Его коническая вершина всегда окутана аспидно-черной мглой. В исторических хрониках рассказывается об извержении Мерапи в десятом веке. Тогда вся Центральная Ява представляла собой океан огня, потому что лава зажгла леса, покрывавшие склоны вулкана. Была уничтожена столица королевства Хинду.

Священнослужитель Виджайя Тяпа не боялся раскаленных облаков, он страшился за жизнь Дипонегоро и стремился увезти его подальше в горы.

Склоны Мерапи густо населены. Здесь плодородная почва, повсюду видны огороженные террасы, где посажена маниока. Гнев «бога огня» ужасен, но еще ужаснее голод…

Здесь, в глухом ущелье, в крестьянской лачуге остановился Виджайя Тяпа. Султана Свободы осторожно сняли с седла, уложили на циновку.

…Дипонегоро вновь видел гигантскую бабочку, перепархивающую с одной огнедышащей вершины на другую. Теперь он уже мог разглядеть, что передние крылья у бабочки цвета черного бархата с бархатной зеленой каймой; её задние крылья ярко-зеленые; а желтое брюшко, блестит, словно отлитое из золота…

Почти месяц он был между жизнью и смертью. Затем быстро стал поправляться, а 17 ноября поднялся, на ноги. Ликование охватило Яву.

В этот же день генерал де Кок, засевший за прочными стенами военного форта, был свидетелем невиданного зрелища: тысячи яванцев с развевающимися красно-белыми и желтыми знаменами спускались со склонов Мерапи. Впереди на арабском коне ехал Дипонегоро. Он сидел легко и уверенно, и никому не могло прийти в голову, что еще совсем недавно этот человек был близок к смерти.

— Ему, должно быть, помогли целебные травы, — сказал де Кок сусухунану.

— Он бессмертен, и пуля его не берет, — задумчиво отозвался сусухунан. — Говорят, его оберегает волшебный талисман Суварги…

Дипонегоро со своей армией спускался на равнину Кеду, где прочно утвердилась власть народа. Суракарта осталась у голландцев. Но голландская армия была обескровлена, и, по сути, хозяином огромных пространств стал народ. Армия Дипонегоро также понесла большие потери: осталось не больше пяти тысяч человек. Для решительных действий следовало собрать новые силы, привести войска в порядок, пополнить продовольственные запасы.

Повсюду, где проходила народная армия, ее встречали восторженно, новые тысячи крестьян влились в ее ряды.

Рядом с Дипонегоро ехал герой Гавока — сын Адипати Аном, которого теперь любовно называли Дипонегоро-младшим или же Дипонегоро Третьим; тут же по правую руку был принц Беи, совсем недавно удостоенный звания генералиссимуса народной армии. Мангкубуми, Сентот, Киай Моджо, Правиракусума, Натадинингрaт, Абдулла — верные, надежные соратники… Юный Сентот за свои выдающиеся полководческие способности стал равноправным членом Главного штаба.

Позади всех плелся, понурив голову, конь второго сына Дипонегоро — Дипокесумы. И на этот раз Дипокесума ничем не порадовал отца. Он жестоко завидовал старшему брату, которого называют Дипонегоро Третьим, ненавидел всех и страшился взгляда султана Свободы.

Конечно же, после смерти султана Абдуллхамида наследником «Земли Свободы» станет Аном!.. Он в милости, он любим, ему бросают цветы… Даже мать Ратнанингсих смотрит на Дипокесуму с жалостью. Разве имеет право сын великого пахлавана быть трусом?..

«Я ненавижу, ненавижу вас всех! — хотелось кричать

Дипокесуме. — Я ненавижу нищенскую походную жизнь, ненавижу Свободу, Равенство, Братство и не хочу иметь никаких дел с грязным, голодным мархаэном. Вот возьму и перейду к голландцам… Пусть тогда скажут, что даже родной сын султана Абдуллхамида не захотел драться под красно-белым знаменем Свободы. И, конечно же, тогда все пангераны и раджи покинут Дипонегоро, и он останется один с мархаэном и своим любимчиком Аномом…»

Крестьяне построили большой дом, где и поселилась семья Дипонегоро. Этот дом был прост, как все дома бедняков. Здесь сидели и спали на циновках, купались не в мраморных бассейнах, а в реке, ели рис, маниоку, бобы и бататы. Грубая, здоровая пища… Двери, задернутые лишь занавеской из коры тутового дерева, были всегда открыты для всех. Сюда в любое время приходили и пангераны и земледельцы. Частым гостем стал крестьянский вожак Абдулла. Ратнанингсих подносила гостю жареные бананы, имбирный напиток и ящичек с бетелем. Старик играл с девочкой Раден Айю Густи, дочерью пахлавана.

Абдулла говорил:

— Мы разбили голландцев, и они не скоро оправятся. У нас тоже не густо: всего восемь тысяч воинов. Где твое войско, султан Абдуллхамид? Оно полегло под Гавоком и у подошвы Мерапи. Почему крестьяне сейчас не торопятся вступать в народную армию? А потому, что земля остается у принцев. Крестьянин пока что ничего не получил, кроме красивых слов: Свобода, Равенство, Братство. Он хочет настоящего равенства. Повели раздать землю крестьянам, и мы все умрем за эту землю, но никому не отдадим ее.

— В первый же день пангераны и раджи покинут нас.

— Вот и хорошо. Ты — народный правитель, мы тебя избрали, и ты от нас не откажешься. Разве уйдет от тебя Беи? Разве оставит нас Мангкубуми? Или Дипонегоро-младший переметнется на сторону голландцев? Мы верим и Сентоту и Киаю Моджо, мы верим принцу Ади Сурья и Басах Усману. Отдай землю!..

Дипонегоро задумывался. Он должен сделать выбор между народом и вельможами. Крестьяне самочинно забирали землю и делили ее. Но они также хотели, чтобы земля принадлежала им по закону. Султан должен издать указ, по которому вся земля переходит в руки тех, кто ее обрабатывает.

Пожалуй, даже сам мудрый Сулайман не смог бы разрешить извечный спор между мархаэном и богачами. Это было сложнее самых трудных философских и богословских вопросов. Султану нищих Абдуллхамиду ничего не нужно. У него нет имущества,

нет плантаций, нет крепостных. Даже его жилище — общественный дом. Он не носит драгоценных одежд и питается так же скудно, как все крестьяне. Но нищие не хотят больше оставаться нищими. Жизнь аскета хороша для избранника аллаха, а не для детей и жен. Крестьяне хотят немного: трудиться и пользоваться результатами трудов своих.

Дипонегоро собрал штаб и предложил послать в восставший Бантам, а затем на Суматру Киая Моджо. Священнослужитель должен связаться с руководителями повстанцев Бантама и Пидари. На восток, в восставший Мадиун, отправится Сентот. Мадиун — его родина. Правителем Мадиуна был отец Сентота принц Ронго, казненный Дандельсом.

Следовало объединить силы повстанцев и действовать сообща.

В это же самое время в Богоре, или Бейтензорге, генеральный уполномоченный Висконт дю Бюс де Гисиньи созвал военный совет. Голландцам казалось, что они доживают последние дни на Яве. Панике поддались не только мелкие чиновники, но даже сам Гисиньи. О войне знали в метрополии, и король Вильгельм грозился казнить де Гисиньи за нераспорядительность.

Генеральный уполномоченный чувствовал себя мышью, попавшей в чан с кипятком. Чтобы раздобыть средства на войну, он сократил число чиновников, ввел принудительные займы, свел число резидентств до минимума. Но денег по-прежнему не хватало.

Король Вильгельм решил произвести расследование и направил в Богор некоего ван ден Босха, человека с довольно пестрой биографией. В прошлом Босх, выходец из низов, находился в армии на Яве; затем занялся обработкой заброшенного участка земли близ Батавии, насмерть разругался с Дандельсом, в 1810 году попал в плен к англичанам и был выслан в Европу. Затем стал начальником генерального штаба в королевстве соединенных ج[illegible]ландов. Пресытившись приключениями, ушел в отставку и стал изучать политическую экономию.

Вот этого ван ден Босха король и послал со специальной миссией «восстановить процветание Голландской Индии».

Выслушав доклад де Гисиньи, Босх проворчал:

— Узость мышления. Вас облекли диктаторскими полномочиями, а вы занимаетесь крохоборством. В чем причина беспорядков: запрещение контрактов на аренду земли? Восстановите все, как было, и пангераны сами вернутся к вам. Генерал де Кок прав: нужно немедленно заняться сооружением укрепленных пунктов на территории, отвоеванной у повстанцев.

Не жалейте денег! Пункты надо связать хорошими дорогами. Поставьте мощный заслон между мятежным Мадиуном и армией Дипонегоро. На дорогах должны действовать летучие отряды. Дипонегоро следует зажать между реками Прого и Боговонто — и тогда победа на вашей стороне! Не скупитесь на обещания, переманивайте туземных вельмож. С цветными дозволено все. Только вероломством вы сможете сломить их. Желаю удачи!..

Ван ден Босх вернулся в Голландию, а Гисиньи срочно созвал военный совет. Наконец-то генерал де Кок мог торжествовать: его идея удушения повстанческой армии получила поддержку!

Голландцы немедленно приступили к постройке фортов. Между Мадиуном на востоке и Баньюмасом на западе было намечено возвести сто шестьдесят пять военных фортов.

Знал ли о замысле голландцев Дипонегоро? Да, знал. И не сидел сложа руки.

Еще не оправившись как следует от тяжелых ран, он 1 января 1827 года предпринял наступление на крепость Трайем близ реки Прого и разбил голландцев. 10 января сын Дипонегоро Адипати Аном захватил крепость Калибаби. 14 января родственник Дипонегоро принц Ади Сурья захватил Каранг Копек.

Повстанческая армия крепла и одерживала новые победы.

Крестьяне-партизаны понесли тяжелую утрату: во время штурма крепости Трайем получил смертельную рану их руководитель Абдулла.

В сморщенной руке Абдуллы была зажата земля. С трудом удалось разжать пальцы. Иссушенная солнцем белая земля просыпалась на подстилку из пальмовых листьев. Абдуллу бережно накрыли красно-белым флагом Санг Мерах-Путих.

Дипонегоро не мог оторвать взгляда от небольшого сухонького тела Абдуллы, от его темных губ, даже после смерти искривленных в иронической усмешке. Какой страх внушал врагам этот безобидный на вид старец!..

«А ведь он велик, как древние герои — бахадуры, — неожиданно подумал Дипонегоро. — Он боролся за землю и даже сейчас, после кончины, не хочет расставаться с ней…»

Здесь же, у могилы Абдуллы, султан Абдуллхамид подписал документ, по которому вся земля, все поля и плантации Государства Свободы переходили во владение народа. Выбор был сделан…

…Нотопроджо вручил Дипокесуме письмо от Сепуха. «Я уже стар и изумляюсь превратностям судеб. Кто останется моим заместителем на земле? — писал Сепух. — Отец твой пошел против воли аллаха, и нельзя греться у его огня. Я отстранил от правления незаконного султана Мас Менола. Заклинаю тебя, да

благословит тебя аллах и да приветствует, приходи нести за меня мою тяжесть. Аллах велит не забывать о доле моих родственников».

Глаза Дипокесумы вспыхнули алчным блеском: вот он, случай, который может больше не представиться! Прадед предлагает ему корону Джокьякарты…

— Я согласен! — крикнул он.

— Я последую за тобой несколько позже, — отозвался Нотопроджо негромко. — Меня задерживают здесь кое-какие дела…

7 марта 1827 года Дипокесума с небольшим отрядом перешел на сторону сусухунана Суракарты. А через несколько дней сдались полковнику Клеренсу близ Плерета принцы Нотопроджо и Серанг. Весть об измене сына пахлавана Дипонегоро и еще двух принцев произвела сильное впечатление на всех. Пангераны заволновались. Дипонегоро передал землю беднякам, лишил вельмож многих привилегий. И это в то время, когда голландцы отменили запрет на аренду земли! Султан Сепух призывает своих сыновей, внуков и правнуков, всех пангеранов прекратить пролитие крови и установить мир. «Какая страна хуже всех? — вопрошает он. И отвечает: — Та, где нет ни сытости, ни спокойствия».

Когда Дипонегоро сообщили об измене Дипокесумы, он внешне остался спокоен.

— Я могу ответить словами великого Бабека, сын которого перешел на сторону врага: «Он не мой сын, не я породил его…»

Но тень печали легла на лицо пахлавана. Разве не он брал на руки маленького Дипокесуму? Разве не его учил мужеству, мудрости жизни? Когда царя Хосрова спросили: «Который из твоих сыновей тебе всех милее?» — он ответил: «Тот, который любит дисциплину, страшится бесчестия и стремится достичь более высокого положения в обществе». Положение в обществе — это не титулы, не награды, не высокие должности, а уважение людей. Простой крестьянин Абдулла не стремился к почестям, он любил свободу, и его полет был выше полета орла. А Дипокесума обесчестил себя, хоть и родился принцем.

Пусть жалкие вельможи, ценящие благополучие и спокойствие превыше всего, уходят. Он, Дипонегоро, останется другом для хороших людей, тираном — для людей дурных и будет применять закон по отношению ко всем остальным.

…Вернулся Киай Моджо. Ему так и не удалось пробиться на Суматру к Имаму Бонджолу. Голландцы хватают всех яванцев и сразу же расстреливают. Целые провинции опустошены, выжжены, поля никто не обрабатывает. Трупы казненных

валяются на дорогах. Повсюду встречаются брошенные обугленные деревни. Силы народа иссякают…

Рот Дипонегоро перекосился от гнева. Он схватил священнослужителя за рукав и вытащил из дома:

— Вот, смотри!

По склонам холмов и в долинах желтел созревающий рис. Кое-где уже приступили к уборке урожая. Люди, почувствовав себя хозяевами земли, обрабатывали ее теперь так, как это делалось в далекие благодатные времена: сообща. Крестьяне сходились вместе и всем кампонгом трудились на участке каждого: собирали рис, молотили его прямо ногами на пандановых циновках, провеивали и ссыпали в рогожные мешки. Вместе мылись после работы в реке, вместе совершали молитву, а вечером устраивали «праздник урожая».

— «Земля Свободы» живет и будет жить!

— Но пангераны поодиночке уходят от нас, и даже твой сын… Я видел форты, которые построили голландцы. Их силы умножаются…

— Мы должны разрушать форты. Народ вкусил от плода Свободы, и назад дороги нет…

Юный Сентот на своем коне вихрем ворвался в военный лагерь. Он успел побывать на родине, в Мадиуне.

— Восточная Ява сражается! — крикнул он. — Мадиунцы сильны и непобедимы. Они изгнали голландцев и считают себя округом Государства Свободы, признали власть султана Дипонегоро. Мы должны пробиться к ним и соединиться с ними…

В тот же день Дипонегоро повел народную армию на Пасар-Геде и разбил голландцев. Над Пасар-Геде взвился красно-белый флаг Государства Свободы.

Восемь тысяч яванцев, вооруженных копьями, крисами и ружьями, обрушили свою ярость на стены Пасар-Геде. Даже под Плеретом голландцы не испытывали такого могучего натиска народной армии. Кровь текла ручьями. Это было беспощаднее избиение — и голландцы все до единого полегли на поле боя.

Здесь был ранен генералиссимус Беи. Тяжелые раны получили жена и дочь принца Мангкубуми. Их пришлось отправить в деревню, в глухой горный район.

Дипонегоро вновь оказался хозяином положения. Санг Мерах-Путих по-прежнему развевался над землями Кедири, Рембанга, Мадиуна и другими провинциями. Сын пахлавана Адипати Аном прочно обосновался со своими отрядами в Ченгково на берегу Боговонто и руководил повстанцами Багелена.

Голландцы запросили мира.

— Они хотят выиграть время и закончить постройку фортов в

Мингире, Мангиране, Камелоко, Гробьяке, Блиго, Бантуле, Бросоте и Карасане, — сказал Дипонегоро. — И все же… мы никогда не отказывались от мира и готовы выслушать, каким его представляет себе генерал де Кок.

Султан Свободы хорошо знал врагов и не верил им: голландцы по всем дорогам подбрасывали подкрепления.

Встреча делегатов противных сторон была назначена на 23 августа 1827 года в Клатене, на нейтральной территории.

В Клатен повстанческий штаб направил своего дипломата Киая Моджо.

Моджо вновь поверил в мощь народной армии и поклялся отстаивать интересы народа любой ценой.

Де Кок послал в Клатен полковника Клеренса и Виронегоро — представителя сусухунана.

Главный штаб повстанцев привел армию в боевую готовность: от беланда следовало ждать самого неприкрытого вероломства. Киай Моджо в сопровождении небольшого отряда храбро двинулся в дорогу.

Клатен расположен на половине пути между Джокьякартой и Суракартой. Это край табачных плантаций. На выжженной равнине кое-где торчат чахлые пальмы и бананы, конфузливо заявляя, что и здесь тропическая природа. Дожди выпадают редко. Солнце безжалостно печет от восхода до заката.

Обе высокие договаривающиеся стороны пили имбирную воду, ели наси-горенг — жареное мясо и жареные бананы.

— Мы готовы заключить мир, если Дипонегоро распустит свою армию и откажется от титула султана, — говорил Клеренс.

— Мы готовы заключить мир, если голландцы покинут Яву, — отвечал Моджо.

— Ваше дело безнадежное, — встревал в разговор Виронегоро. — Принцы уходят от вас. Скоро они все перейдут на сторону сусухунана. Ваш самозванный султан…

— От нас уходят предатели, а «Земля Свободы» растет с каждым днем. Если наше дело безнадежное, то почему вы запросили мира?

— Мы не хотим бесполезного пролития крови,

— А мы не хотим снова работать на голландцев. Служащий врагу своему не идет ли против воли аллаха? Или ваш сусухунан отрекся от истинной веры и превратился в покорного слугу неверных?

— Он оскорбляет моего повелителя, и я отказываюсь вести переговоры, — заявил Виронегоро.

— Ты оскорбляешь моего повелителя, называя его самозванным султаном, но забываешь, что Дипонегоро

провозгласили семьдесят принцев и что за ним — весь народ Явы. А твой повелитель только и держится, что на голландских штыках и трусливо отсиживается под прикрытием заморских пушек. Кто возвел его на престол? Потомки проклянут предателя.

Клеренс пытался кричать на Моджо, но священнослужитель посоветовал ему кричать на своего слугу сусухунана и его раба Виронегоро. С парламентером Государства Свободы следует обращаться вежливо. В знак протеста он гордо покинул Клатен.

— И вы его отпустили?! — завопил генерал де Кок. — Я окружен бездарностями. Это же правая рука мятежного принца, вдохновитель мужичья. Его следовало схватить, скрутить и бить бамбуковыми палками до тех пор, пока он не согласится служить нам.

— Я офицер… Вероломство в подобных случаях может привести к непоправимым последствиям. Благородство всегда остается…

— Вас вышвырнули из Трайема! В открытом бою мы теряем сотни солдат. Следует устроить методичную охоту на вожаков, обезглавить повстанцев. Вы упустили очень крупную рыбу. Приказываю захватить Киая Моджо и обезвредить! Помните: от этого зависит ваша карьера.

О каких непоправимых последствиях вы говорите? Мы и так потеряли все. О благородстве рассуждают лишь шаркуны в салонах. Расстреливайте, вешайте, жгите, обманывайте?.. Помните: вы солдат, и король Вильгельм не требует от вас благородства по отношению к цветным…

VIII
ШЕСТВИЕ СИНЕЙ СМЕРТИ

Человек цифр, педантичный, сухой и расчетливый чиновник Гунс записал в своей тетради: «На войну с пангераном Дипонегоро мы уже истратили шестнадцать миллионов гульденов. Туземцы стали полными хозяевами на Яве. В Батавии — холера. Должно быть, завезли из Индии. Там третий год свирепствует эта болезнь. Солдаты де Кока принесли холеру и в Суракарту. Говорят, престарелый султан Сепух умер от холеры…»

Смерть брала десятки жертв в день. За Батавией, на холерном кладбище, в ямах лежали кучи скорченных посиневших трупов. Их осторожно посыпали известью и заваливали красными комьями земли.

В жарком дыхании тропического дня крылся страх мучительной, беспощадной смерти. И улицы огромного города, накаленного солнцем, были безлюдны.

Де Гисиньи закрылся во дворце в Богоре, приказал никого не подпускать к покоям.

Гунс, теперь уже старый Гунс (ему не так давно исполнилось шестьдесят), задумал навсегда покинуть Яву. Бесконечные войны с туземцами, беспрестанные смены генерал-губернаторов, существование «на острие ножа» утомили. В метрополии, в банке — изрядный капитал. Семьей Гунс так и не обзавелся. Можно спокойно доживать век, удовлетворять мелкие прихоти. И что важнее всего: не гнуть спину, не пресмыкаться перед всякой сволочью. Де Гисиньи обанкротился, и его скоро выкинут. Тем лучше. Подальше от политического банкрота, от войны и холеры…

Чтобы бегство с Явы не походило на дезертирство с поля боя, Гунс придумал благовидный предлог для тайной поездки в Голландию: он написал пространный донос на Гисиньи и де Кока и собрал под документом подписи почтенных людей.

В бурную штормовую ночь, на туземной ладье — прау Гунс отправился по давно известному маршруту. Только бы де Гисиньи не прогорел раньше времени!..

Прощай Ява, прощай Батавия, повергнутая в смятение и хаос!..

…Царил переполох и в Суракарте. Султан Сепух умер, как предполагали, от холеры. Никто не смел приблизиться к его трупу. Дипокесума сразу же отправился к де Коку и предъявил свои права на корону Джокьякарты. Генерал, прикрывая рот

платком, сказал:

— Вы знаете, что такое морганический брак? Так вот: ваш отец Онтовирьо, или Дипонегоро, по адату лишен права наследования. Вы его сын и, следовательно, тоже лишены права наследования. Жив законный султан Джокьякарты — Мас Менол. Он и будет правителем Джокии… Письмо Сепуха? Сепух в последние годы впал в слабоумие, и его письмо не имеет силы.

Синяя смерть косила людей в Суракарте. Она проникла и за прочные стены военных фортов.

И только в Государстве Свободы все обстояло по-прежнему. Дипонегоро решил построить столицу. Ни одно государство не может обойтись без столицы. Должна быть столица и в государстве мархаэна.

В месяц Рамадан в Пенгаси, где жил теперь Дипонегоро, пришли крестьяне из всех провинций.

— Мы построим нашему Дипонегоро кратон. Отсюда он станет управлять нами.

Но затее не суждено было осуществиться. Голландцы неожиданно перешли к активным действиям и даже совершили нападение на Пенгаси. Отряды полковника Клеренса устремились в Багелен, где находился Адйпати Аном. В это время Дипонегоро заболел. На подмогу сыну он послал Сентота. С двумя пушками Сентот направился в Багелен. Под градом голландских пуль он переправился на противоположный берег реки Ббговонто и окружил военный фррт Вунут. Командир отряда майор Бушкенс со своими людьми спрятался в зарослях кукурузы. Но Сентот выследил врага и наголову разбил его. В этом бою юный Сентот захватил четыреста ружей, несколько пушек, обоз с продовольствием. Повстанцы гнали по пыльным дорогам сотни пленных.

В Пенгаси Сентот возвратился героем. Тяжелобольной султан Абдуллхамид нашел в себе силы подняться с постели и во время торжества по случаю победы назвал Сентота великим пахлаваном, полководцем Свободы, вручил крис из сокровищницы султанов. Джокьякарты, обладающий, по поверью, чудодейственной силой.

Сентот с благоговением принял крис из рук Дипонегоро.

— Клянусь быть верным народу до смерти! — воскликнул он. — До смерти…

Отряды Сентота разрушили несколько фортов, и голландцы вновь запросили мира.

— Зачем нам мир? — возмущался Сентот. — Мы еще ни разу не просили у них мира. Как только мы начинаем их бить, они просят мира. Не уловка ли это врага? Я советую не давать голландцам передышки! Бить, бить до тех пор, пока последний

беланда не найдет смерть на нашей земле.

— Сентот молод и горяч, — говорил Киай Моджо. — Де Кок согласен принять любые условия и даже признать Дипонегоро главой ислама. Наш владыка при смерти. Что будет с нами, если аллах призовет его? Нам так же, как и голландцам, нужна передышка.

…Дипонегоро медленно угасал. Вскрылись старые раны, воспалились. Ратнанингсих не отходила от постели мужа… С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Влажная жара быстро подтачивала силы, ослабляла организм. Он впадал в забытье, бредил. Сознание возвращалось ненадолго.

— Печать ангела смерти на челе его, — говорили врачеватели.

Киай Моджо вообразил, что он один вправе решать вопросы войны и мира Государства Свободы, и поспешно отправился в Падьянг, на переговоры. Здесь его встретил уже известный Виронегоро, которому голландцы недавно присвоили звание полковника,

— Чего хочет твой султан? — грубо спросил Виронегоро. — Быть главой ислама? Пусть он лучше сдается, пока не поздно.

Киай Моджо затрясся от гнева.

— Я приехал сюда не за этим! — закричал он. — Ты… гнусная собака неверных…

— Как видишь, я хорошо обхожусь и без веры, — хладнокровно отвечал Виронегоро. — Скоро мы вас задушим вместе с вашей нищенской свободой.

Священнослужитель, разозленный сверх меры, кинулся к своему коню, но попал в цепкие руки голландских солдат.

— Закуйте его в цепи, — приказал полковник Клеренс. — И в Суракарту… Де Кок сам будет разговаривать с этим старым козлом.

16 ноября 1828 года Киая Моджо под сильным конвоем в закрытой карете отправили в Соло.

Генерал де Кок был любезен и словоохотлив. Он распорядился, чтобы сняли цепи с пленника, и даже предложил ему рому. Моджо завертел головой от возмущения.

— Вы должны написать письмо Дипонегоро и Сентоту: пусть приезжают в Суракарту для переговоров. Ведь вопрос о заключении мира не может решать один человек, даже такой почтенный, как вы. Вам я обещаю сохранить жизнь…

— Ты, грязная голландская свинья, дорого заплатишь за свое вероломство!..

— Хорошо. Письмо мы напишем сами. А тебя, как опасного преступника, отправим в Батавию. Там тебя научат разговаривать

вежливо…

…А Днпонегоро, могущественный правитель первого в истории Явы Государства Свободы, метался в горячке. Ему не помогали целебные травы. Крестьяне с хмурыми, скорбными лицами день и ночь сидели у порога его дома.

Пришлось вызвать Адипати Анома. В это же время в Пенгаси были отмечены первые случаи заболевания холерой. Люди корчились в судорогах, кожа на лице и руках становилась синюшной, дряблой, морщинистой. Больные страдали от неутолимой жажды.

— Мы должны увезти нашего повелителя в Багелен, — сказал Аном. — Отец очень плох. А если холера…

— Ты ошибаешься, дитя короны! — ясным голосом произнес Дипонегоро. — В такое время нельзя валяться в постели. Киай Моджо своим поступком нанес нам великий вред. Аллах отнял у него рассудок! Подведите коня: я сейчас же отправлюсь в Панджер, проверю готовность войск…

И он в самом деле поднялся с ложа. Никто не отважился перечить властителю. В окружении свиты он направился в Панджер. И все же Дипонегоро был î÷هيü слаб. Он едва держался в седле. Аному все время приходилось поддерживать отца.

Дорога шла по ущелью. Когда половина пути осталась уже позади, совсем неожиданно повстречались голландцы. Завязалась перестрелка. Дипонегоро слез с коня и, опираясь на плечи двух воинов, медленно пошел в заросли.

— Уводите голландцев подальше в горы, — крикнул он Аному. — За меня не тревожься: я дойду до Панджера пешком…

Если бы голландские солдаты могли знать, что в сотне шагов от них находится страшный, неуловимый Дипонегоро!.. Конечно же, все полки мгновенно были бы стянуты в горы. И даже сам генерал де Кок примчался бы сюда быстрее птицы. Но кто мог догадаться, что во главе маленького отряда идет вождь повстанцев, султан Свободы Дипонегоро, чье имя наводит ужас на всех правителей Нидерландской Ост-Индии?!

Солдаты увлеклись погоней за свитой и вскоре потеряли ее из виду в лабиринте ущелий.

— Мы понесем тебя на руках, — сказал один из телохранителей Дипонегоро.

— А кто будет нести тебя, когда ты свалишься? Подставь-ка лучше плечо. Я еще могу передвигать ноги.

Несколько дней скитались они по узким каменистым тропам, уклоняясь от встреч с конными разъездами голландцев. Им нужно было добрести до тикового леса Панджер. Жажда и голод могли сломить кого угодно, но только не Дипонегоро.

— Сквозь мои отощавшие ребра просвечивает солнце, — шутил он, стараясь подбодрить спутников. — Скоро мы будем в Панджере.

И они пришли в Панджер. Измученные, едва живые. Твердость духа победила. Теперь, когда уже не нужно было ползти на четвереньках, цепляясь за раскаленные камни, силы оставили Дипонегоро: он упал возле первого же дерева.

Аном был озабочен: разведчики донесли, что в Панджер идут голландские солдаты. Что делать с больным отцом? Разумнее всего оставить его здесь, в лесу, под присмотром надежных людей. А голландцев следует отвлечь, перенести боевые действия в другой район. Аном приказал воинам готовиться в поход. Вскоре Панджер опустел.

Куда девался умирающий султан Свободы, об этом знали лишь Аном да еще два человека, которые остались присматривать за больным. Дипонегоро унесли в глубь лесов. Зеленый сумрачный римба надежно укрыл его.

Чтобы ни о чем не догадались враги, народная армия перешла к действию; и голландцам казалось, что в бой ее ведет сам Дипонегоро. 20 декабря Сен-тот бросил конные отряды на форт Нангулан. Форт снесли с лица земли. Капитан Инген был убит, солдаты заколоты крисами и копьями.

…То, чего не могли сделать враги, сделала холера. Народная армия таяла. Холера свирепствовала на всей Центральной Яве. И не было спасения от синей смерти. Опустели целые провинции.

А инженеры и саперы де Кока продолжали неустанно возводить военные крепости и форты. Храм Боробудур превратился в военный форт. Цепь фортов отгородила восставшую Восточную Яву от армии Дипонегоро. На западе и на побережье Индийского океана также появились мощные укрепления. Народная армия постепенно очутилась в прочном кольце. В метрополии был сформирован и переброшен на Яву специальный карательный корпус.

Де Коку казалось, что победа близка. Подкупленные обещаниями и голландским золотом, покидали один за другим народную армию принцы и раджи. Им было не по дороге с нищим мархаэном. Полковнику Клеренсу удалось взять в плен сына Мангку-буми принца Натадининграта. Киая Моджо пытали. Де Кок хотел, чтобы священнослужитель написал письма Дипонегоро, Мангкубуми, Беи и Сентоту, убедил их прекратить военные действия. Но Моджо держался, стойко переносил муки.

Де Кок уже поздравлял себя с будущими наградами и чинами. С точки зрения военного искусства он проявил огромную изобретательность: его форты трудно уязвимы, они стоят как

незыблемые утесы в бушующем море. Отныне только способом де Кока колониальные армии станут удушать туземные восстания. Он, де Кок, доказал безмозглому скупердяю де Гисиньи, что значит истинный стратегический ум! Но не ведал де Кок того, что прочные форты с артиллерией и кавалерией, сдерживающие напор партизанской армии, защищающие колонизаторов от народной ярости, не могут защитить его от такого пустяка, как интрига.

Прочитав донос Гунса, король Вильгельм воскликнул:

— Мы вверили колониальные войска человеку бездарному и нерасторопному. Этот глупый де Кок беспрестанно требует денег и солдат. Гисиньи потакает ему. Обоих убрать!..

Король Вильгельм был не в духе. Война Голландии с восставшей Бельгией затянулась. Требовались деньги, деньги, деньги!.. Ост-Индия, вместо того чтобы поставлять эти деньги, увязла в войне с каким-то туземным принцем и требовала опять же… денег. Чем они там думают, в колониях? Правительство Голландии находится накануне банкротства.

Дурака де Гисиньи следовало бы расстрелять, де Кока лишить всех чинов, званий и наград. Но король милостив: он ограничится лишь тем, что лишит их должностей и отзовет в метрополию. Де Кока нужно заменить проворным генерал-майором Бишофом. А Нидерландской Ост-Индией может по-настоящему управлять единственный человек — ван ден Босх, отставной начальник генерального штаба!

Доклад Босха, вернувшегося из Батавии, произвел сильное впечатление на Вильгельма. Босх показал, каким путем можно добиться крупных ежегодных прибылей для метрополии, он разработал стройный план ограбления Ост-Индии и назвал свой проект «системой культур». Конечно, во многих отношениях это была лишь новая форма старой системы принудительных поставок. «Система принудительных культур» сочетала в себе черты колониального режима Ост-Индской компании и колониальной политики Дандельса и Рафлеа. Из каждой названной системы Босх заимствовал все наиболее отвратительное. Он предлагал заставить в принудительном порядке яванских крестьян засевать землю экспортными культурами и уплачивать налоги частью урожая; местные власти должны будут поставлять рабочую силу. Государственная монополия на продажу урожая «принудительных культур» и монополия на торговлю опиумом может находиться лишь в руках Нидерландского торгового общества, крупнейшим акционером которого является король Вильгельм.

Пусть яванские крестьяне бесплатно ухаживают за

плантациями и садами голландских чиновников, прокладывают дороги, выращивают сахарный тростник, индиго, хлопок, табак и сдают это все колониальной администрации. Как Зевс осыпал дождем золотых монет Данаю, так Босх обещал осыпать Вильгельма богатствами.

Вильгельм I даже прослезился от умиления и тут же назначил Босха генерал-губернатором.

— Я прочитал донос некоего Гунса, — сказал король. — Сей достойный человек прекрасно разбирается в финансовой стороне дела. Мы должны вознаградить его за усердие: он не смог ужиться с Гисиньи, но вам на Яве он будет весьма полезен. Поручите ему финансы…

В начале 1829 года де Гисиньи получил из Голландии уведомление, что вскоре он будет устранен от занимаемой должности. На смену ему едет Ван ден Босх.

— Может быть, этот Босх окажется человеком более щедрым, нежели вы! — съязвил де Кок. Де Гисиньи только грустно улыбнулся: он-то знал, что и де Коку пришел конец. «Не напоминаешь ли ты петуха, который лезет в драку до тех пор, пока не попадет в суп? — подумал он. — Ловкий Босх, не подвергая себя никаким опасностям, легко получил все то, что мы с тобой потеряем. Так всегда бывает в жизни: солдаты гибнут, а мародеры делят добычу… Хвала пронырливости!»

Это был несчастный год.

Голландцы напали на след больного Дипонегоро.

Началась скитальческая жизнь. Вместе со своим родственником верным принцем Ади Сурья Дипонегоро, скрываясь от врагов, то на лошади, то пешком прошел горные цепи Путери, Гедак, Синголопо, Гондосули.

В лесу Теданг Паре у принца Ади Сурья началась частая и обильная рвота. Это был первый признак холеры. Сурья съел несколько ананасов, раздобытых в деревне. Вскоре начались судороги, синюха. Осиплым голосом Сурья просил пить. Через несколько часов он умер.

Похоронив верного друга, Дипонегоро, опираясь на бамбуковую палку, двинулся на юг. На побережье Индийского океана все так же совершал отчаянные налеты на вражеские форты Сентот, там находилась семья — Ратнанингсих, мать и Дочь Раден Айю Густи. В верхнем течении реки Прого продолжал руководить борьбой генералиссимус народной армии Беи. Сумел сохранить свои отряды и Мангкубуми.

Из числа «Пяти Атакующих», как называли штаб народной армии, выбыл лишь один — Киай Моджо.

Адипати Аном, или Дипонегоро-младший, до сих пор был

грозой для голландцев.

…Дипонегоро шел по земле Кеду. Трудно было в этом худом, оборванном страннике узнать «наместника бога, владыку мира» султана Абдуллхамида. Он скорее напоминал нищего. Изможденное костлявое лицо обросло седой бородой, из больной груди вырывался хрип, левая нога волочилась по земле, правая рука висела, как плеть. Кожа приобрела болезненный янтарный оттенок. На голове у странника — рваный платок, подвязанный на затылке. В котомке из соломы — початок кукурузы и несколько бананов.

По дороге к нему пристал молодой крестьянин Насыр.

— Мне восемнадцать лет, и я иду в армию великого пахлавана Дипонегоро! — признался Насыр. — Говорят, ему нужны воины. Ты не думай, что я мальчишка. Сентот всего на год старше меня, а дерётся, как бантенг; наш султан за подвиги наградил его золотым крисом и присвоил звание богатыря. Буду, проситься к Сентоту или же к Адипати Аному, сыну великого. Из нашего кампонга все, кто не умер от холеры, ушли к Аному. А меня не взяли. Они еще узнают, как умеет драться Насыр! Ты уже стар и болен, и тебя вряд ли возьмут в армию. А я, может быть, увижу его…

Насыр мечтательно поднял глаза к небу. — Рассказывают, что его взгляд исцеляет любые недуги. Он притронется к твоим язвам — и сразу же станешь здоровым и молодым. Он могуч, как птица Гаруда, как сам Рама. Его не надо бояться, хоть он и из царского рода. Он не делит людей на знатных и незнатных. Для него все одинаковы, будь ты хоть самым последним бедняком. Он повелел всем священнослужителям обучать грамоте крестьян и их детей. Свобода, Равенство, Братство! Слыхал?

Дипонегоро отрицательно покачал головой. Раззадорившись еще больше, Насыр воскликнул:

— Не веришь? Идем со мной и сам убедишься во всем. Согласен?

Пришлось покорно согласиться. Не сказки о его чудодейственной силе развеселили пахлавана: он понял — народ ему верит, народ хочет драться. Огромные жертвы принес народ в этой невиданной войне, но боевой дух его не угас. Как и пять лет назад, крестьяне Кеду, Багелена, Баньюмаса, Пекалонгана, Ледока, Семаранга, Рембанг-Боджонегоро, Мадиуна готовы защищать землю и Свободу до последнего человека. И Дипонегоро знал: как бы ни были сильны голландцы, им никогда не удастся сломить этот народ, убить в нем волю к сопротивлению. Красные семена посеяны. Каждый год они будут давать все новые и новые всходы. Можно разбить армию,

уничтожить ее вождей. Но народ уничтожить никогда не удастся никому…

Крестьянин Насыр потерял дар речи, когда увидел, как блистательный принц Адипати Аном прижал к груди его спутника — нищего калеку. А когда узнал, что нищий калека и есть сам великий пахлаван Дипонегоро, правитель Явы и всей повстанческой Нусантары, султан Абдуллхамид Еручокро Дабиру лмуминина Калифатул Рассулахи Амангку Бувоно Сенопати ингалого Сабилула инг танах Джава, то рухнул на землю и распростерся ниц. Воины быстро поставили его на ноги и стали браниться:

— Разве ты не знаешь, что валяться в пыли перед нашим султаном запрещено? При встрече с ним ты, наоборот, должен высоко и гордо поднимать голову, а не клонить ее к земле, как домашний буйвол.

— Он будет моим телохранителем и товарищем, — распорядился Дипонегоро. — Накормите его.

Главный штаб повстанческой армии принял решение: прорваться к Мадиуну, Кедири, Сурабае, Малангу, соединиться с повстанцами Восточной Явы.

Пангераны и раджи давно поодиночке перешли на сторону врага: они не хотели отдавать землю крестьянам, им чужды были идеалы Дипонегоро, и сам «султан бедняков», провозвестник Свободы, был им непонятен — ведь голландцы пообещали вернуть все привилегии, поместья, выплачивать из султанской казны по пятьсот гульденов каждый месяц! Чего еще?..

Возле Дипонегоро остались наиболее преданные ему люди, главным образом ближайшие родственники. Значительный урон армии нанесла и эпидемия холеры. Голландцы перешли к планомерной тактике истребления мирного населения. Они делали набеги на кампонги, сжигали их и снова укрывались за надежными стенами крепостей, снабженных большим количеством артиллерии. Если до войны в султанатах Джокьякарта и Суракарта насчитывалось два с половиной миллиона человек, то теперь здесь осталось всего лишь двести пятьдесят тысяч жителей. Постепенно рисовые поля пришли в запустение. Мор, голод, бесконечная война — все это порождало усталость и разочарование.

Большой вред движению нанесли священнослужители. После ареста их вдохновителя Моджо имамы, киаи стали проповедовать мир.

— Мы идем по мосту, тонкому как волос и острому как меч, — говорили они. — Но ведет ли этот мост в рай? Мы стоим перед лицом аллаха нагие, палимые жгучим солнцем, истекая

потом и кровью. Дипонегоро назвался наместником аллаха на земле. Но сказано же в коране: «Истинно, бог не простит того, что ему приписываются соучастники, тогда как он прощает все, что делается, кроме этого, всякому, кому хочет». Мы не хотим признавать Дипонегоро главой ислама, соучастником бога.

Имамы хорошо понимали, почему Дипонегоро так стремится стать главой ислама на Яве: это для того, чтобы держать духовенство в руках, заставлять его служить общему делу, народу. Но священная война — перанг сабил против «неверных» превратилась в войну крестьян за землю, против иноземных и своих поработителей, и во главе всего стоял Дипонегоро, который словно забыл о своем высоком происхождении. Он ущемлял имамов на каждом шагу, требовал от них беспрекословного подчинения, считал, что духовенство должно вести аскетический, подвижнический образ жизни и думать лишь о спасении души и благе народа.

Имамы Мусба и Мас Лурах, руководившие повстанцами в горах Ледока, после ареста Киая Моджо призвали народ сложить оружие. Другие имамы-руководители последовали их примеру.

В унынии пребывали и ближайшие соратники Дипонегоро. Генералиссимус Беи лежал тяжелобольной. Мангкубуми тосковал о сыне, захваченном в плен голландцами, тревожился за его судьбу. Отряды Адипати Анома были измотаны беспрестанными стычками с голландцами. Только Сентот верил в непобедимость народной армии, но и ему приходилось плохо: полки карателей прижали его к самому берегу Индийского океана, сам Сентот медленно выздоравливал после ранения и все еще не мог держаться в седле. Юного героя переносили в паланкине, захваченном в одном из кратонов. Конным отрядом фактически командовал пангеран Сумонегоро. Остальными войсками распоряжались люди новые, неиспытанные — Сех Нгусман Али Басах и пангеран Басах Сех Мухаммад.

— Аллаху неугодны дела мятежного принца Онтовирьо, — говорили имамы, — отсюда и неудачи.

— Откуда им известно, что угодно аллаху, — смеялся Дипонегоро. — Ведь заместитель аллаха — я, а не они. Аллах сообщил мне, что мы должны связаться с Имамом Бонджолом, его пророком. Пошлем к нему верных людей. Пусть Бонджол не отсиживается в болотах, а начинает настоящую войну: тогда голландцам придется перебросить часть сил с Явы на Суматру, и наше положение облегчится.

Пахлаван был зол на имамов, особенно на Имама Бонджола. Ему казалось, что Бонджол воюет слишком вяло. На самом деле все обстояло по-иному. Вахабиты бездействовали потому, что им

не с кем было воевать: голландцы отказались от Суматры, вывели оттуда войска и перебросили их на Яву для боевых действий против повстанцев. Ведь главным врагом Нидерландской Ост-Индии по-прежнему оставался Дипонегоро.

…Чтобы ввести в заблуждение голландский штаб, прорываться в Мадиун решили небольшими отрядами и в разное время. Иного выхода не было.

План мог бы увенчаться успехом, если бы не новая «тактика», к которой перешел генерал де Кок. Командующий голландскими войсками встал на бесчестный путь открытого вероломства.

— Что такое повстанческая армия без Дипонегоро? — рассуждал он. — Представьте себе хотя бы французскую армию без Наполеона… Нужно во что бы то ни стало захватить штаб повстанцев. Вы говорите, что Дипонегоро неуловим? Хорошо. Захватите его сына, его жену, мать, дочь. Мы будем иметь заложников, и тогда мятежный принц сам придет к нам с повинной. Устройте облаву на Сентота, на Беи, на Мангкубуми, выследите их, подошлите убийц из людей сусухунана. Всех яванцев истребить невозможно, а захватить вожаков должно…

Де Кок считал, что на войне все средства хороши, и постепенно внушил эту мысль своим офицерам. Следует сыграть на благородстве туземцев, на их «устарелых» взглядах на честь, слово, обещание… Чем благороднее коричневый, тем лучше. Такого легче обмануть, заманить в ловушку.

Дю Бюс де Гисиньи уехал в Голландию. Взявший бразды правления в свои руки новый генерал-губернатор ван ден Босх потребовал от де Кока «решительных шагов», одобрил его «тактику» вероломства.

— Цветных следовало бы уничтожить всех до одного, как тараканов. Но это мы сделаем несколько позже, — пообещал ван ден Босх. — Для начала я хотел бы видеть в кандалах на этой скамье Дипонегоро…

Штаб повстанцев теперь находился в горах Келир. Отсюда Дипонегоро рассчитывал руководить прорывом на Мадиун. Сам он с небольшим отрядом отойдет последним. Семья пахлавана: мать, жена Ратнанингсих и дочь Раден Айю Густи укрывались в деревне Карангони, на самом берегу Индийского океана. За ними всегда можно будет прислать лодку. В этом же крае действовал со своими конниками Сентот. Он привязался к Ратнанингсих, как к родной матери, и считал своим долгом защищать ее. В конце июня 1829 года Адипати Аном со своим помощником Сукуром выступили в поход на восток. Следовало незаметно обойти кратон Тангкисан. И тут Аном узнал, что в кратоне скрывается не кто иной, как сам Шевалье, бывший помощник резидента

Джокии, тот самый Шевалье, который нанес ужасное оскорбление принцу Онтовирьо — Дипонегоро. Кровь закипела в жилах Анома. Он решил любой ценой захватить Шевалье и окружил Тангкисан. Осада продолжалась двое суток. 26 июня Аном ворвался в кратон. Когда привели Шевалье, Аном спросил:

— Узнаешь меня?

— Я не имею чести знать туана, — робко отвечал Шевалье.

— Я Адипати Аном!

Лицо Шевалье стало серее ствола королевской пальмы. Проворным движением он выхватил нож из-за пояса Анома и вонзил себе в сердце.

Дипонегоро-младший приказал отрубить голландцу голову, чтобы затем переслать ее отцу.

Аном, занятый боем, не заметил, как к Тангкисану подошли голландские подразделения. Маленький повстанческий отряд был окружен, смят. Адипати Анома и Сукура схватили, повалили на землю, скрутили веревками.

Шпионы, пробравшиеся в стан народной армии, сообщили де Коку о выступлении на восток отряда Мангкубуми. Отряд продвигался ночью, соблюдая все меры предосторожности. Но де Кок оказался хитрее. Когда повстанцы втянулись в ущелье, голландцы обрушили на них удары со всех сторон. Старый хитрый полководец Мангкубуми, который не раз заманивал голландцев в ловушки, сам неожиданно оказался в западне. Воины дрались храбро, и все до единого были убиты. Только Мангкубуми не коснулась ни одна вражеская пуля. С безучастным видом сидел он на коне, и ничья грубая рука не прикоснулась к полководцу. У него не отобрали даже оружие.

Большую волю к сопротивлению проявил генералиссимус мархаэна принц Беи. Когда отряд окружили в верхнем течении реки Прого, Беи попросил воинов поднять его с носилок и усадить на коня. Обе ноги генералиссимуса были перебиты, и без чужой помощи он не мог ступить и шага. Очутившись в седле, он взмахнул мечом и помчался навстречу врагу:

— Яванцы, умрем за священную; землю! Мердека…

И генерал де Кок снова понял, что этот народ, вооруженный пиками и клевангами, ему не победить никогда. Голландцам не помогли ни пушки, ни штуцеры. Они были разгромлены, искромсаны.

Смертельную рану в этой схватке 27 сентября получил принц Беи. Он умер почти мгновенно.

Воины, крестьяне из ближайших кампонгов принесли на его могилу по горсти земли, и образовался холм Синги. Здесь посадили железное дерево.

14 октября шпионы де Кока донесли, что в деревне Карангони близ Кретека скрывается семья Дипонегоро. Генерал не постеснялся бросить против двух беззащитных женщин и девочки целый полк. Мать Дипонегоро и Рантанингсих по всем правилам искусства ведения «малой войны» были взяты в плен. Их усадили в карету с задернутыми шторами и под огромным конвоем отправили в Соло.

Сентот, узнавший о нападении голландцев на женщин, пришел в невероятную ярость. Он скрежетал зубами и клялся проколоть горло гнусному генералу де Коку, для которого не существует никаких правил приличий.

С горячностью, присущей молодости, он погнал свой конный отряд вслед за каретой, где находилась семья Дипонегоро. Вместе со своим другом, сыном Беи, Правиракусумой, таким же молодым и таким же горячим, ворвался он в Имогири. Здесь их уже поджидали. Но Сентота не так-то легко было взять. Девятнадцатилетний юноша рубил врагов до тех пор, пока под ним не рухнул конь. Окровавленного, исколотого Сентота вытащили из-под туши коня и уложили на носилки.

Пораженный невиданной отвагой мальчика, полковник Клеренс снял головной убор и приказал в честь героя палить из всех пушек.

Штаб повстанцев перестал существовать. Дипонегоро потерял сына, мать, жену, дочь, самых преданных народному делу людей: Беи, Мангкубуми, Сентота, Киая Моджо.

Когда ему донесли о случившемся, он не потерял самообладания. Только с печалью произнес:

— Даже аллаху не разрешается испытывать человека столь жестоким способом. Мы начнем все с самого начала…

Его не окружали больше пангераны, раджи, бупати, имамы. Он остался с простыми людьми, крестьянами. Он распорядился, чтобы его не именовали больше султаном. Для всех теперь он только Дипонегоро. За его голову голландцы обещали пять тысяч гульденов. Но он не страшился предательства и спокойно шествовал со своим посохом по провинциям.

Народная любовь к пахлавану возросла во сто крат. Появление Дипонегоро в каком-либо селении становилось огромным праздником для крестьян.

— Веди нас, мы готовы умереть за тебя!.. — кричали ему. — Ты милосерднее и лучше аллаха… Ты такой же, как Абдулла.

И сравнение с безграмотным крестьянином льстило Дипонегоро. Народ не хотел складывать оружие и по-прежнему видел в нем своего вождя. Сейчас крестьяне уже сами создавали отряды и выдвигали из своей среды вожаков. Они приходили в

Себодо, чтобы принести присягу великому пахлавану.

Дипонегоро готовится к новому наступлению!.. Генерал де Кок, уже считавший, что яванская война завершена, всполошился. Босх стучал кулаком и топал ногами: не хватало еще, чтобы и при его правлении продолжались смуты, истощающие казну.

— Запросите у Дипонегоро мира, — посоветовал он. — Соглашайтесь на любые условия. А когда он явится на переговоры, арестуйте его, закуйте в кандалы и сошлите куда-нибудь подальше, хотя бы на Целебес. Поручите дело полковнику Клеренсу. В случае удачи он получит генерал-майора.

Клеренс просиял и с большой охотой согласился совершить неслыханную подлость.

Он открыто, без охраны, под защитой лишь белого флага отправился к подножию вулкана Минорех, объявил повсюду, что голландское командование принимает любые условия, лишь бы мир, наконец, был заключен. Пусть пахлаван приходит в Минорех, где ему ничто не угрожает.

Получив письмо полковника Клеренса, Дипонегоро задумался. Кроме того, ему передали письмо из Батавии от Киая Моджо. Священнослужитель считал, что война проиграна. Пора прекратить пролитие народной крови. В этой войне голландцы потеряли вместе с людьми сусухунана пятнадцать тысяч человек, столько же потеряла народная армия. Сотни тысяч жизней унесла эпидемия холеры. Ява разорена, народ голодает и гибнет. Пангераны перешли на сторону голландцев, заключили с ними союз. Даже Сентот согласился надеть форму голландского офицера и отправился на Суматру воевать с Имамом Бонджолом. Пахлаван обязан договориться с новым генерал-губернатором о почетном мире. Конечно же, крестьяне с радостью умрут за Дипонегоро. Но разве к этому стремится пахлаван? Голландцы согласны созвать представительное совещание по вопросам мира. На этом совещании будут делегаты не только от голландского штаба, но и от штаба повстанческой армии.

Письмо старого друга Моджо вызвало горькую усмешку: он слишком честен, прям и храбр, чтобы подозревать голландцев в коварстве. Война есть война, и она подчиняется определенным законам и правилам, у нее есть своя этика. Поверженного не принято бить, обсуждение вопросов мира — дело гласное, и здесь не может быть обмана. Нельзя же предположить, что генерал-губернатор ван ден Босх, ставленник короля Вильгельма, генерал-лейтенант де Кок, командующий армией, потомственный дворянин, способны на низкий обман. Есть же честь мундира, международные правила, наконец законы самой Голландии…

Но Дипонегоро знает, чего стоит честь голландского

мундира. Беланда слишком коварны, чтобы им можно было доверять.

А с другой стороны… В плену томятся сын Аном, Мангкубуми, мать, Ратнанингсих и дочь. Им неоткуда ждать помощи. В плену Сентот. Трудно поверить, что он перешел на службу к врагам… Наконец в руках голландцев старый Киай Моджо, десятки сподвижников. Они честно дрались, преданы народу. Кто облегчит их положение, вызволит из бездны?..

И Дипонегоро решился. Он отправился в Минорех. Этот свой шаг он проклинал потом до конца жизни. Полковник Клеренс был учтив сверх меры. Он с опаской поглядывал на крестьян, вооруженных крисами. Эта встреча произошла 16 января 1830 года в деревне Ремо Камал.

— Я не вижу командующего генерала де Кока! — сказал пахлаван.

— Он уполномочил меня вести предварительные переговоры.

— Я требую, чтобы немедленно были освобождены Мангкубуми, Киай Моджо, Сентот и Адипати Аном!

— Они захвачены на поле боя и являются военнопленными. Когда наши условия о мире будут приняты вами, мы всех освободим.

— А моя семья захвачена на поле боя? Мой попугай Буюнг тоже военнопленный? Клеренс смутился.

— Ваша семья находится в Магеланге. Как только генерал де Кок вернется из Батавии, она немедленно будет освобождена. Я не уполномочен решать подобные вопросы.

— Когда прибудет де Кок?

— Трудно сказать. Его вызвал новый генерал-губернатор, Возможно, он уже прибыл в Магеланг. Я устрою вам свидание с семьей. Вы можете без опасений отправиться со мной туда. Парламентерам по законам войны ничто не угрожает.

— Я приду в Магеланг несколько позже…

Пахлаван вернулся в армию. Его встретили всенародным ликованием. Он решил произвести смотр войскам. Одним из отрядов командовал заместитель пахлавана, оставшийся верным до конца, молодой принц Мертонегоро, который собирался в будущем стать зятем Дипонегоро, другим — Киай Бадаруддин. Остальную массу армии представляло народное ополчение, руководимое выдвиженцами из крестьянской среды. Телохранитель Насыр стоял во главе самого большого крестьянского отряда, насчитывавшего семьсот воинов. По своей удали, лихости Насыр чем-то напоминал Сентота…

— Мы отправляемся в Магеланг для переговоров о мире. Пора земледельцам вернуться к земле, — обратился Дипонегоро к

крестьянам. — Мы будем требовать, чтобы Государство Свободы осталось Государством Свободы. Если голландцы не примут наши условия, пусть вновь взовьется Санг Мерах-Путих!.. Нас миллионы, и мы в конце концов, укрепившись, изгоним ненавистных чужеземцев со своей земли. Разве мы не в силах разбить тринадцатитысячную голландскую армию?! Я знаю: Ява будет свободной!

С небольшой свитой появился Дипонегоро в Магеланге. Население города восторженно приветствовало народного героя. Кони повстанцев шагали по ворохам цветов.

Генерала де Кока в Магеланге не оказалось. Полковник Клеренс предлагал сразу же начать переговоры.

Дипонегоро ответил, что прежде всего он хочет повидать семью.

— Я выяснил обстоятельства дела, — с улыбкой сказал Клеренс. — Вашу жену, мать и дочь солдаты захватили по недоразумению. Они отпущены, и вы можете посетить семью в любое время.

Дипонегоро встретился с семьей. Ратнанингсих рассказала, что их до последнего времени держали взаперти, под беспрестанным наблюдением дежурного офицера и солдат. Она передала записку от Сентота. Сентот писал: «Не верьте злым слухам. Что бы обо мне ни говорили, я навсегда останусь преданным Свободе и Мархаэну…»

Пахлаван облегченно вздохнул. Ему представилось по-мальчишески круглое лицо Сентота, его лукавые, черные, как сажа, глаза, снисходительно-ироническая улыбка, и он еще раз подумал, что такие, как Сентот, на измену не способны. Что замыслил ты, Сентот, юноша с чистым, как лилия, сердцем?

Голландцы настаивали, требовали приступить к переговорам, не дожидаясь командующего.

Дипонегоро мягко уклонялся от окончательного ответа.

— Сейчас начинается великий пост — месяц Рамадан, — говорил он. — Мусульмане в это время не занимаются никакими важными делами… Вот пройдет Рамадан…

Клеренсу пришлось уступить.

Наконец 28 марта прибыл в Магеланг де Кок.

— И вы до сих пор его не арестовали? — возмутился он.

— Не было подходящего повода, — отвечал Клеренс.

— Повода? Видите тех туземцев? Их не меньше тысячи, и все они вооружены. Как смел принц явиться для мирных переговоров со столь значительной охраной?

— Они пришли сами. Принц прибыл сюда без охраны. Руководитель одного из повстанческих отрядов, некто Насыр, был

обеспокоен долгим отсутствием принца и пришел сюда для выяснения обстоятельств.

— Вы никогда не получите звания генерал-майора! Разоружите туземцев. Принца сегодня же арестовать и отправить в Семаранг, а оттуда морским путем в Батавию…

Магеланг стоит на изгибе реки Прого. Неподалеку находится храм Боробудур, превращенный голландцами в военный форт. Город опоясан цепью действующих вулканов. Самый большой из них — Сумбинг. Вершины гор всегда окутаны паром. Земля здесь плодородная, и потому этот округ один из самых густонаселенных на всем острове.

Сюда, под Магеланг, генерал де Кок бросил в спешном порядке пятитысячный корпус, словно готовился не к мирным переговорам, а к войне. Солдаты запрудили все улицы городка. Отряд повстанцев был разоружен и окружен.

Встретившись с Дипонегоро, де Кок сказал:

— Вы привели с собой свиту в семьсот человек. По-видимому, пангеран прибыл со злыми намерениями и не помышляет о мире?

Пахлаван приблизился к окну и указал на солдат, расположившихся перед домом резидента Магеланга:

— Я пришел к вам без оружия. Наши намерения самые мирные. Но эти солдаты с ружьями появились гораздо раньше моих воинов. Или, может быть, господин думает, что копья яванцев страшнее голландских штуцеров?

Де Коку пришлось прикусить язык.

— Каковы ваши условия?

— Они весьма скромны: я остаюсь правителем султаната Джокьякарта и главой ислама на Яве. Мое государство будет полностью независимым от голландских властей. Мы вправе поддерживать торговые связи с другими государствами и княжествами. Никто не имеет права вмешиваться в наши внутренние дела…

Генералу де Коку хотелось стукнуть кулаком по столу, накричать на принца. Но он сдержался, хотя и был взбешен до крайности.

— А если мы откажемся принять ваши условия?

— Тогда наша армия будет драться до тех пор, пока не изгонит вас за пределы Явы.

— Вы принесли нам убыток в двадцать миллионов гульденов. Вами уничтожено восемь тысяч голландских солдат и офицеров. Я уж не говорю о туземной армии сусухунана, которая перестала существовать. Кто заплатит нам за все?

— Мы вас не звали сюда. О каких убытках говорит господин? Почему яванцы должны приносить вам, чужеземцам, людям

совсем иной веры, прибыль? Или не вы разорили Яву? С 1602 года вы, словно алчные звери, терзаете нашу землю, разорили крестьян, лишили самостоятельности правителей, раджей, бупати. Можно ли измерить золотом те страдания и лишения, в которых пребывает народ?

Переговоры велись в доме резидента Магеланга. Кроме Де Кока, здесь присутствовали резидент Соло, полковник Клеренс, резидент Багелена, зять де Кока Стуерс, офицеры-переводчики Роепс и Кноерле.

Чтобы создать видимость представительности, голландцы разрешили присутствовать на совещании сыну Дипонегоро Адипати Аному, Мертонегоро и Киаю Бадаруддину.

Пахлаван с нежностью глядел на сына: Аном осунулся, глаза померкли. «Любимое дитя, что они сделали с тобой?» Вздувшиеся темно-лиловые полосы на руках — печать плена, тюрьмы… И только тогда, когда Аном поднимал голову и устремлял взгляд на де Кока, в глубине его зрачков вспыхивал черный огонь. Гордый, ценящий больше всего на свете свободу, Аном невыносимо страдал от унижения.

Де Коку надоела комедия переговоров, и он произнес:

— Я как командующий волен решать вопросы войны и перемирия. Но у господина территориальные притязания. Кроме того, я ничего не смыслю в вопросах веры и не уполномочен…

— А кто же уполномочен?..

— Сейчас в Салатигу прибыл новый генерал-губернатор ван ден Босх. Он готов вас выслушать в любое время… хоть завтра. Все мы отправляемся в Салатигу. Экипажи поданы. Господина будут сопровождать переводчики Роепс и Кноерле.

Генерал поднялся и направился во двор.

Психологический расчет де Кока оправдался: Дипонегоро последовав за ним. Роепс и Кноерле бережно взяли принца под руки и усадили в небольшую двухколесную повозку — бенди. Пахлаван простился с Аномом, Мертонегоро и Бадаруддином:

— Мы скоро встретимся.

Если бы он мог знать, какая участь ждет его! Дипонегоро шел навстречу своей злой судьбе и даже не подозревал, что он уже арестован, в плену, что именно сейчас, 28 марта 1830 года, в одиннадцать часов утра, закончилась великая Яванская война.

Если бы он мог знать!.. Он не дался бы так просто в руки врагу. Еще жива его армия, еще велика ее сила…

А де Кок уже давал распоряжения полковнику Клеренсу:

— Всех коричневых, пришедших на выручку, расстрелять! Насыра повесить. Карательный корпус генерал-майора Бишофа переходит в наступление.

Экипаж — бенди покатил на север, в порт Сема-ранг. Целый полк сопровождал «миссию мира». Дипонегоро везли от одного военного форта к другому. В Унгаране ему сообщили, что генерал-губернатор из Салатиги выехал в Семаранг. В Семаранге резидент этого города с любезной улыбкой сказал, что Босх срочно отплыл на одном из судов в Батавию. Резидент пригласил «страшного мятежника» в свой дом. Здесь, за общим столом, уже собрались высшие чиновники и офицеры. Они настоятельно советовали Дипонегоро отправиться морским путем в Батавию: генерал-губернатор очень сожалеет, что не смог лично встретить великого пахлавана — из метрополии пожаловала королевская комиссия. Принц может высказать все свои претензии государственной комиссий…

Роепс и Кноерле были неотлучны.

— Я наведаюсь к генерал-губернатору позже, — сказал Дипонегоро. Роепс и Кноерле переглянулись.

Капитан Роепс сказал:

— Вам придется отправиться в Батавию сегодня же ночью. Корабль ждет!..

И только тут Дипонегоро отчетливо осознал, что он в плену.

Великая Яванская война закончилась.

IX
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НА «ЖЕЛЕЗНОМ ОСТРОВЕ»

Сулавеси, или Целебес, называют еще «Железным островом». Он покрыт горами, и эти горы таят огромные запасы железной руды. Почти на четыре тысячи метров поднимают свои вершины вулканы Рантемарио, Нокилалаки, Латимоджонг, Ваукара. Влажные вечнозеленые леса, заросли индийского тростника, болота, которые во время сезона дождей превращаются в настоящие моря, отсутствие дорог — все это затрудняет проникновение человека в глубь острова. Здесь царство бабируссы — свирепой дикой свиньи с огромными, загнутыми назад клыками.

В пещерах горы Латимоджонг живут пигмеи тоала. Хозяевами центрального и восточного Сулавеси считаются тораджи, ведущие примитивный кочевой образ жизни.

Северо-восточная оконечность острова Минахаса заселена горонтальцами, талаудцами, минахасцами, томини, сангирцами и другими племенами. Минахаса связана с внешним миром через порт Манадо. В Манадо голландцы в незапамятные времена выстроили военный форт. Он стоит на берегу темно-синего Целебесского моря как символ иноземного владычества и издали кажется статуей бога Безнадежности.

Целая флотилия сопровождала до самого Манадо маленький парусный кораблик, в трюме которого под бдительным надзором большого конвоя находился, «опасный государственный преступник», вождь невиданного на всем архипелаге восстания Дипонегоро. На север, на север, подальше от Явы!..

Генерал-губернатор Босх поздравлял себя с удачей и холодел от одной мысли, что Дипонегоро вновь может оказаться на свободе.

Карательный корпус за несколько дней превратил Яву в обугленную пустыню. Было приказано не щадить никого. Пусть даже союзник сусухунан пребывает в страхе и трепете. Голландцы за короткий срок умертвили двести пятьдесят тысяч яванцев. Даже с теми, кто преданно служил голландцам, ван ден Босх обошелся круто.

Когда Виронегоро потребовал обещанный титул принца, пятьсот гульденов ежемесячных и провинцию Нангуллан, генерал-губернатор рассмеялся:

— Титул дать можно, а земля нужна нам.

Виронегоро стал угрожать восстанием.

— Мне надоели мятежи. Закуйте его в цепи и сошлите в Манадо вслед за Дипонегоро, — распорядился ван ден Босх. — Я люблю справедливость.

И Виронегоро отправили в Манадо.

Мангкувиджайя был обижен тем, что вместо обещанных тысячи жителей получил половину. Он стал подговаривать крестьян уйти в горы и продолжать перанг сабил. Мангкувиджайю заманили в дом резидента, надели на него кандалы и сослали на Амбоину.

— Коричневый остается коричневым, если даже он оказал нам услуги. Нам нужны рабы, а не союзники. Я превращу Яву в большую голландскую плантацию, где все будут работать бесплатно. Раджей и бупати мы сделаем надсмотрщиками, И пусть кто-либо из них вздумает противиться!.. — заявил генерал-губернатор на Совете. — С мятежным Имамом Бонджолом мы разделаемся одним махом…

…Переводчик Кноерле, гордый тем, что ему поручили сопровождать в Манадо «великого мятежника», докучал Дипонегоро нелепыми вопросами.

— Как вы думаете, почему Наполеона сослали на остров Святой Елены? — спрашивал он.

— Потому что Наполеон обманул народ.

— А почему сослали вас на Целебес?

— Потому что меня обманули голландцы.

— Туан умеет писать?

— Немного умею.

— Почему бы вам не изложить свое возмущение письменно? Я согласен передать ван ден Босху ваше письмо.

— Зачем тратить бумагу? Передайте генерал- губернатору от моего имени, что он негодяй. Этого будет достаточно. Принесите бумагу: я напишу письмо матери. Наполеон как-то сказал: «Азия — это дремлющий вулкан, не мешайте ему спать; если он проснется, то мир содрогнется». Не плохо было бы напомнить ван ден Босху эти слова…

После десятидневного плавания корабль прибыл в Манадо. Дипонегоро упрятали за высокие серые стены форта. Здесь, в каменном каземате, ему предстояло провести долгие годы.

Иногда ему разрешали подниматься на верх серой башни форта. Отсюда видны были далекие коралловые острова, песчаный берег с высокими качающимися на ветру пальмами. Под сводом пальм сидели на корточках минахасцы, их темные силуэты хорошо вырисовывались на фоне сверкающего моря.

Там была свобода! Любая лодочка могла бы увезти Дипонегоро на Яву, на Молукки. На севере, совсем близко Филиппины…

Дипонегоро все не верилось, что он потерял самое главное, без чего жизнь не имеет смысла: свободу. Ему казалось, что и Манадо, и военный форт, и редкие прогулки по двору под присмотром солдат и Кноерле — все это временно. Есть много способов выбраться на волю…: Нельзя же всерьез представить, что вот так до конца своих дней будешь под стражей прогуливаться по узкому дворику, смотреть на дразнящее своей мнимой доступностью море, сидеть в неподвижности без цели, без желаний, без стремлений. Кноерле официально считался адъютантом ссыльного принца, и молодой голландец старался с усердием выполнять свои обязанности. Хвала аллаху, он оказался несдержанным на язык.

Адъютант проникся большим уважением к своему великому пленнику, к его невозмутимости, спокойствию, благородству.

«Под строжайшим секретом» Кноерле сообщал пахлавану обо всем, что творится на белом свете: семья Дипонегоро на свободе, вернулась в Тегалреджо. Адипати Анома поместили в тюрьму в Сурабае. Он пытался бежать, но его изловили. Де Кок отозван в Голландию. Сентота отправили на Суматру, заставили воевать против Имама Бонджола. Но командование просчиталось: Сентот с большим отрядом перешел на сторону повстанцев Пидари и теперь бьет голландцев! Киай Моджо заключен в тюрьму в Батавии.; Он доставляет много хлопот своим тюремщикам: беспрестанно пишет жалобы, оскорбляет офицеров, называет ван ден Босха смрадным псом, угрожает побегом к новым восстанием. Мангкубуми оставили на свободе. Но, по-видимому, ненадолго: старый принц снова собирает вокруг себя яванцев, недовольных правлением голландцев. Генерал-губернатор ван ден Босх твердой рукой насаждает свою «систему принудительных культур».

Сентот на свободе! Сентот продолжает уничтожать голландцев… Мальчик оказался хитрее умудренных жизненным опытом государственных мужей.

Более радостной вести для пахлавана Кноерле не мог сообщить…

Дипонегоро ожил. В нем забурлила неистребимая воля к жизни. Знает ли народ, куда упрятали его враги? Он сел и написал «Песнь из тюрьмы».

Этот листок нужно передать на волю. Пусть песнь узника долетит до Явы, до Суматры, до Сентота и Бонджола.

Кноерле поторапливал: через несколько часов отходит судно

на Яву — пусть пахлаван известит родных, что он жив и здоров. Письма будут переданы тайно. Есть на судне надежные люди. Если пахлаван желает установить секретную связь с теми из своих соратников, которые пребывают на свободе…

Нет, на эту жалкую приманку Дипонегоро не пойдет. Очень важно лишь одно: пусть все узнают, что он томится в плену в Манадо. Он написал матери: «Ваш раб и сын припадает к коленям матушки-прародительницы и сообщает, что его жизнь в Манадо ничем не отличается от жизни в Магеланге. Вручаю çàلأ□àى ёلèىîé матушки всех внуков и внучек. Я совершил много ошибок и виноват перед матерью. Прошу простить и молиться за меня господу Раме. ذàل и сын молится за прародителя покойного султана Амангку Бувоно III».

Письмо дошло до семьи Дипонегоро, и Ратнанингсих стала требовать у голландских властей, чтобы ее вместе с дочерью отправили в Манадо. Но чиновники все откладывали и откладывали разбор этого дела, не говорили ни «да», ни «нет». О том, что Дипонегоро находится в военной тюрьме на Сулавеси, узнал и Сентот. Очутившись на Суматре, он не терял связи с Явой.

Сентот вынашивал большой план: разбить голландцев на Суматре, а затем военные действия перенести на Яву. Он уговаривал Имама Бонджола начать большое наступление.

Бонджол согласился. И вновь Суматра была потрясена всенародным восстанием.

Клеренс, теперь уже генерал-майор Клеренс, посланный ван ден Босхом во главе карательного корпуса на Суматру, еще раз столкнулся с непобедимым Сентотом. Бонджол и Сентот загнали отряды Клеренса в болото и беспощадно истребили их.

Ван ден Босх, мечтавший одним ударом разгромить повстанческую армию вахабитов, приуныл. Не успев как следует взять в руки бразды правления, он погряз в новой невероятной по размерам войне. Имам Бонджол словно проснулся от долгой спячки. Самый большой остров архипелага пришел в движение, сжался в мощный кулак. Минангкабау поддержали ачехцы, снова поднял голову беспокойный Палембанг. Финансовый чиновник Гунс аккуратно отметил в тетради: «Вновь (в который уж раз) мы близки к катастрофе. Я. Коунт ван ден Босх добивается диктаторских полномочий. Вряд ли это спасет его. Бездна уже разверзлась перед нами…»

Повстанцы задались целью уничтожить живую силу противника. Голландские полки несли огромные потери. Казалось бы, раздавленная, выжженная Ява опять приоткрыла помертвевшее око: сусухунан Суракарты, тот самый Паку Бувоно,

который преданно служил голландцам, покинул свою столицу, ушел в горы и призвал народ к оружию. Этот поступок был вызван тем, что голландцы заняли большие территории в Джокьякарте и Суракарте — Баньюмас, Багелен, Мадиун и Кедири. Ван ден Босх пообещал сусухунану уплатить компенсацию за отнятую территорию. Возмущенный тем, как низко обошлись с ним недавние союзники, Паку Бувоно решил вступить на путь перанг сабила.

Вырвался из тюрьмы Адипати Аном и, собрав значительные силы, двинулся на Суракарту.

С большим трудом ван ден Босху удалось подавить эту новую вспышку. Адипати Анома и сусухунана схватили и обоих выслали «на край света» — на Амбоину. Туда же спровадили и беспокойного Киая Моджо.

События на Суматре приобретали все более грозный характер. Прошел уже год, как генерал-майор Клеренс отправился на подавление восстания, а пламя войны разгоралось все ярче и ярче.

Отзвук больших событий доходил и в Минахасуа в форт Манадо, где коротал дни Дипонегоро.

Очень часто по ночам пахлаван лежал с открытыми глазами и прислушивался к гулу моря. Если бы человек мог творить чудеса!.. Не нужно иной доли: вырваться из каменного мешка, мчаться на коне и рубить, рубить врагов…

Дипонегоро старался в такие часы осмыслить всю прошлую жизнь. В чем его главная ошибка?.. Ведь не умерли силы народа. А он поверил в невозможное: в то, что враг может быть благородным… И какая жестокая расплата за доверчивость! Как был мудр сказавший: «Не верь своему врагу, даже когда он говорит тебе приятное. Помни: вода, нагретая огнем до кипения, проливается и гасит огонь». Но, может быть, не в этом главная ошибка?

Навязчивая мысль лишала покоя. И, наконец, он понял: нужно восстановить в памяти все события Яванской войны, записать все на бумагу. Тогда легче будет как бы со стороны взглянуть на свои поступки и поступки других, оценить их.

Дипонегоро потребовал бумаги. Услужливый Кноерле охотно выполнил просьбу.

Теперь одиночество угнетало не так сильно: Дипонегоро писал. Он увлекся работой. Оживали картины недавнего прошлого, они были расцвечены яркими красками, залиты щедрым яванским солнцем — мата хари.

Впоследствии Дипонегоро назовут большим, талантливым писателем. Его стихи философского содержания, изречения

войдут во все школьные хрестоматии. Его мемуары станут основным источником, откуда историки будут черпать сведения о великой Яванской войне. По силе воздействия его «Песнь из тюрьмы» приравняют к лучшим музыкальным произведениям Бетховена, ибо в «Песне» с необыкновенной глубиной раскрылось величие души героя. В «Песне» — и гнев, и скорбь, и надежда на победу и счастье. «Песней из тюрьмы» Дипонегоро решил открыть свою книгу,

А генерал-губернатор ван ден Босх в это время ломал голову, как лучше ограбить яванский народ. Вильгельм I требовал денег, денег… Где обещанный золотой дождь? Снова расходы, бесконечные расходы, войны, восстания. Босху нужны диктаторские полномочия? Пусть получит их. Были бы деньги…

«Система принудительных культур» медленно, но верно приносила золотые плоды. Уже через три года после ее введения казначейство Нидерландов получило чистую прибыль в три миллиона гульденов. Оправдалось также намерение Босха уморить как можно больше яванцев: «система культур» привела к полному обнищанию крестьян. Теперь голодали уже не отдельные провинции, голод напоминал эпидемию чумы, охватившую весь остров. Началось паническое бегство людей из голодных районов. За полгода в окрестностях города Семаранга умерло от голода сто тысяч мужчин, женщин и детей. В окрестностях города Черибона умерло шестьдесят тысяч человек, города Тегала на северном побережье — десять тысяч, города Пекаловгана — шестьдесят тысяч, города Джепара — шестьдесят пять тысяч, города Багелена — девяносто пять тысяч человек. Сотни тысяч яванцев погибли в провинциях Восточной Явы, Западной Явы и в других местах.

И все же Босх, как и его предшественник, не смог свести концы с концами. Казначейство Нидерландов забирало все, не оставляя Босху ничего. Он задыхался от нехватки средств на подавление восстаний. Имам Бонджол и не думал складывать оружие. За три года его летучие отряды почти полностью истребили карательный корпус. Корсары султаната Аче среди бела дня брали на абордаж голландские суда, забирали сокровища, а корабли топили. И не было никакой управы на ачехцев. Казначейство Батавии по-прежнему пустовало, и чиновник Гунс задумал совершить новый побег в метрополию. Но он недооценил проницательность Босха. Босх приказал арестовать Гунса без всяких на то предлогов.

— Вы умница, Гунс, — говорил ван ден Босх, недобро посмеиваясь. — Вы мне напоминаете все же крысу, которая первой покидает тонущий корабль. Вы надули Дандельса, Рафлса,

Капеллена, Гисиньи и других. На этот раз ничего не выйдет, придется сидеть рядом со мной на судебной скамье.

Гунс забеспокоился:

— А не лучше ли вам, экселлентье, самому подать в отставку, пока не поздно?

— Меня не отпустят: я приношу слишком большой доход. Эти идиоты в метрополии вообразили, что Ява перестала быть дефицитным островом. Хорошее знание политэкономии — не всегда полезная вещь. За три года на меня уже было двенадцать покушений. Умрем вместе. С Бонджолом нам все равно не справиться, помощи из метрополии ждать не приходится. Фактически мы лишились почти всех «внешних владений». Наши солдаты только и делают, что отбивают наскоки туземцев. Видите ли, все дело в том, что люди стремятся к порядку. Но каждый понимает его по-своему, а потому в результате столкновений и происходят еще большие беспорядки. Мы считаем, как говорил известный вам мулла Киай Моджо, что история Ост-Индии — это история ее колонизации. А туземцы считают наоборот: их история — это история освобождения от нашей опеки, от нашего хозяйкичания.

— Придумал! — воскликнул Гунс.: — Отпустите меня в метрополию — и ваша отставка будет принята с почетом.

— Что вы замыслили?

— Вами недовольны либералы, нижняя палата, барон ван Хувелл. Король вынужден будет пойти им на уступки.

— Поезжайте! — согласился Босх. — Только не особенно обливайте меня грязью. Мне в самом деле пора убираться отсюда. Пусть расхлебывают другие.

Гунс не бросал слов на ветер. В 1833 году вай ден Босх был смещен. На смену ему приехал некий Боуд. Вместе с Боудом в Батавию по приказу Вильгельма прибыл все тот же Гунс.

— Я вас вызволил, — сказал он с грустью Босху. — Теперь вы должны вызволить меня.

— Такие люди, как вы, Гунс, нужны здесь, на Яве: чтобы генерал-губернаторы долго не засиживались, — ответил Босх и дружески потрепал чиновника по плечу. — Прощайте! Помните: к успеху ведет вероломство, и только вероломство. Грязные сапоги лучше оставлять за порогом рая…

Боуд считал себя человеком либеральным, и он решил облегчить участь политических заключенных.

— Средневековье, варварство! — возопил он, ознакомившись с «делом» Дипонегоро. — Вы его даже не судили, не предъявляли никаких обвинений. Судить, может быть, за давностью лет не следует, чтобы не возбуждать страсти, но облегчить его участь мы

обязаны: Дипонегоро перевести с севера на юг, в Макассар, в форт Роттердам. Разрешить семье поселиться вместе с принцем. На Амбоине назревает мятеж. Кйая Моджо перевести с Амбоины в Манадо. В остальном все остается по-прежнему.

Да, на Амбоине снова назревали события. Сын Дипонегоро Адипати Аном попытался совершить побег с острова. Когда один из офицеров решил загородить ему дорогу и стал всячески оскорблять принца, Аном схватил офицера за горло и удушил. Аному хотелось вырваться из тюрьмы, чтобы, оказавшись на свободе, организовать побег отца.

Он пал жертвой своей горячности. Суд был короток, приговор жесток: расстрелять! Анома расстреляли. Он спокойно принял смерть: жить в неволе он все равно не мог.

Киаю Моджо выпала тяжелая, скорбная доля хоронить сына своего друга. Слух о происшествии в форте распространился среди жителей Амбоины. Подозревали, что Моджо имеет тайную связь с амбоинцами и подстрекает их к бунту. Решено было Киая перевести в Минахасу.

И случилось так, что в тот самый день, когда Дипонегоро покидал Минахасу, чтобы навсегда поселиться в Макассаре, в порт Манадо вошло судно, на котором находился Киай Моджо. Они могли бы встретиться. Комендант форта ничего не имел против этой встречи: он был рад, что навсегда избавляется от: опасного квартиранта, и в последние минуты хотел казаться добрым.

Дипонегоро отрицательно покачал головой:

— Зачем? Все, что мы хотели сказать друг другу, мы уже сказали раньше. Мой друг стар, и я не хочу растравлять его сердце…

Так и не узнал в этот раз Дипонегоро о гибели своего любимого сына.

В 1835 году пахлаван ступил на берег Макассара. Это был тот Макассар, о котором позже писал Карл Маркс: «…город Макассар полон тайными тюрьмами, одна ужаснее другой, которые набиты несчастными жертвами жадности и тирании, закованными в кандалы, оторванными насильственно от своих семей».

Нет, не о том, чтобы облегчить участь героя яванского народа, заботился новый генерал-губернатор Боуд! Просто он хотел понадежнее упрятать самого опасного врага голландской системы Дипонегоро, окружить его неприступными стенами и рвами с водой. Пусть вместе с ним поселяется семья — так еще лучше. Говорят, принц любит жену и дочь. Когда семья поселится в тюрьме, его побег станет вообще невозможным.

И когда узнавший о смерти сына, потрясенный горем

Дипонегоро попросил перевезти прах Анома с Амбоины в Макассар, генерал-губернатор не стал возражать: от родных могил не бегут.

Останки Анома были перевезены на туземной лодке и вновь захоронены неподалеку от Макассара, близ кампонга Малайя.

— Когда умру, похороните меня рядом, — сказал Дипонегоро.

Но ему предстояло прожить еще целую жизнь, мучительную, тоскливую жизнь узника. Пять долгих лет пребывания в тюрьме Манадо окончательно надломили здоровье, но не убили веры в избавление.

Огромную радость и огромную печаль принесла встреча с семьей. Неужели и им — Ратнанингсих, матери, дочери — суждено до скончания глядеть на угрюмые серые стены, не видеть ничего, кроме этих стен и таких же серых и равнодушных лиц голландских солдат?..

В какую пучину вверг он всех близких и родных! Ратнанингсих была счастлива. Они снова вместе — чего еще требовать от жестокой судьбы?..

Макассар являлся резиденцией голландского губернатора Сулавеси и прилежащих островов. Город разлегся на низком морском берегу, сплошь застроенном хижинами, складами, амбарами различных торговых фирм. За деревянной набережной торчали мачты прау макассарцев и бугов. Европейский квартал начинался у моря и напоминал аллею, по одну сторону которой помещались дома и магазины, а по другую — казармы местного гарнизона. Аллея заканчивалась большой площадью, где стояли дворец губернатора, гостиница, церковь, почтовая контора. Военный форт Роттердам, куда поместили Дипонегоро и его семью, как две капли воды походил на форт Манадо: тот же каменный знойный дворик, такие же башни и стены. Правда, стены были массивнее, внушительнее; с внешним миром форт соединялся подъемным мостом. Пахлаван поселился в башне. Из стрельчатых окон с железными решетками хорошо просматривались и море с оголенными коралловыми островами, и берег с огромными кокосовыми пальмами, и горы на далеком горизонте, покрытые лесами и затканные облаками.

Сразу же за городом начинались земли княжества Гоа. Именно в ту сторону чаще всего обращал взор Дипонегоро. Гоа — родина великого героя Хасануддина, сына султана Мухаммада Сайда. Независимое государство Гоа в те времена вело оживленную торговлю с Индией, странами Арабского Востока и Европой. Его мощь казалась несокрушимой. Голландцы решили захватить Макассар. Хасануддин заблаговременно укрепил город,

закупил огнестрельное оружие, создал флотилию в сто судов. С 1653 по 1669 год хорошо обученная, дисциплинированная армия Хасануддина вела кровопролитную войну с чужеземцами. И только ценой огромных потерь голландца; удалось захватить Макассар.

Хасануддин поддерживал тесную связь с правителями Явы. Дипонегоро слабо улыбнулся, вспомнив, что именно этот отважный человек подарил его предку попугая Буюнга. Как стар Буюнг!.. Его привезли сюда, в Макассар. Оказавшись в родных местах, птица, словно что-то припомнив, стала вести себя очень беспокойно. Если бы Буюнг обладал разумом, то можно было бы заподозрить его в том, что они взволнован. Попугай бросался на солдат и хрипло; кричал: «Бей мачанов!»

Дипонегоро много размышлял о подвигах Хасануддина. Последний правитель Гоа закончил свои дни; менее героически, чем Хасануддин. Этот правитель; тоже сопротивлялся голландцам, отстаивал свою независимость. Тогда беланда решили взять его хитростью: султану от имени королевы подарили карету: и предложили проложить шоссе до моря. Султан: слишком любил быструю езду и мало думал о судьбах своего народа: он согласился. По шоссе голландцы ввели войска в Гоа, а султан умер в изгнании. Над всем этим можно было бы посмеяться, но смеяться почему-то не хотелось.

«Мы слишком благородны и доверчивы, у нас есть понятие о чести и о бесчестии; мы считаем, что только сила, а не подлость, должна противостоять силе. Мы признаем честный бой. Голландцы боятся открытого боя, они больше полагаются на вероломство, обман, интригу. И это в конце концов приведет их к гибели. Обман и ложь — слишком непрочные свай для большого дома, рано или поздно они рухнут…»

Говорят, что крис изобрел один принц древнего яванского государства, который был искусным кузнецом, — Панди Ино-Карта-Патти. Он же изобрел театр — вайянг, когда потерял возможность владеть крисом.

Так и Дипонегоро. Из воина он превратился в писателя. Другой на его месте впал бы в отчаяние: зачем тратить время на книгу, если ее никто и никогда не прочтет? Голландский комендант в любое время может отобрать рукопись, выбросить ее в ров с водой.

И все же Дипонегоро писал. Работал урывками, тайно. Рядом не было услужливого Кноерле, и приходилось прибегать к разным уловкам, чтобы раздобыть лишний лист чистой бумаги. Арабская вязь, яванское письмо… Только глубоко заинтересованный человек мог взять на себя труд разобраться в том, что таят

убористо исписанные страницы. И Дипонегоро верил: такой человек найдется. Если его нет сейчас, он обязательно родится потом, когда замрет в бездне времен гул сегодняшних событий. То, что свершилось, уже нельзя вытравить из памяти людей. Подвиг миллионов яванцев будет жить всегда.

Десятки, сотни страниц… Чадно горит кокосовое масло в лампе. А за морем, на Суматре, все еще бушует война. Там Сентот, Бонджол… Там из ткани кровавых событий продолжает твориться история народа. И то, что на первый взгляд кажется случайным, частным, подчинено общему ходу истории.

Генерал-губернатор либерал Боуд продержался всего три года. Он не мог подавить восстания на Суматре, он слишком мало выжал золота из обнищавшей, вымершей от голода Явы. Король выставил его за дверь. Место Боуда занял Эренс. «Головорез Эренс», как называли его даже в Гааге, стянул войска со всего Малайского архипелага и послал их на Суматру. Голландцам удалось захватить центр повстанческого движения — кампонг Бонджол. 28 октября 1837 года был окружен штаб вахабитов в Пелупухе. Имам Бонджол и Сентот оказались в плену.

Имама Бонджола отправили в Батавию, затем на Амбоину. Но и на Амбоине, находясь в тюрьме, неукротимый Бонджол сумел установить связь с внешним миром и стать во главе нового крестьянского восстания. Перепуганное начальство тайком вывезло Бонджола с Амбоины и отправило его на Целебес, в форт Манадо. Тут-то впервые и встретились Бонджол и Киай Моджо. Сентота засадили в неприступную крепость в Бенгкулене на Суматре.

Героя не отважились перевозить в другое место: он мог сбежать.

Голландское командование решило, что с восстанием покончено. Но оптимизм оказался преждевременным: у вахабитов появились новые руководители, такие же отважные и деятельные, как Бонджол и Сентот. И снова голландцев загоняли в болота, топили в реках, выбрасывали в море, угоняли в горы. Обескровленные голландские полки покидали Суматру. На смену им приходили другие, свежие, но их ждала та же участь. Много, много десятилетий длилось восстание «Пидари». Оно было подавлено лишь в начале двадцатого века.

Постепенно Дипонегоро стал легендой, знаменем.

Когда в 1840–1841 годах в Бантаме и в других районах Явы, уже при новом генерал-губернаторе Меркусе, произошли крупные волнения, распространился слух, что Дипонегоро на свободе и ведет в бой крестьянские отряды. Появились красно-белые флаги. В одной провинции якобы действовал Сентот, в другой — Киай

Моджо. Даже в смерть генералиссимуса Беи не верили. А старый Мангкубуми в это время вновь сел на коня и повел крестьян на штурм голландского форта.

Грозная тень Дипонегоро врывалась по ночам в роскошный дворец в Бейтензорге, и очередной генерал-губернатор (а их сменилось за последние двадцать пять лет немало) терял сон и трясущейся рукой хватался за пистолет.

А в форте Роттердам в Макассаре царил тюремный покой. Вечно торчали по всем углам часовые, похожие друг на друга, как стволы деревьев. Этих людей почему-то называли «веселягами». Может быть, потому, что они всегда были пьяны.

Сменялись поколения тюремщиков, приезжали и уезжали офицеры. Но каждый знал: здесь томится и будет томиться под неусыпным надзором до конца своих дней страшный Дипонегоро… Без суда и следствия, без разбирательства, тайком от всех увезли его сюда. И чем скорее он умрет, тем лучше… для Голландии.

Но Дипонегоро жил. Он познал радость творчества. Уже семьсот страниц были исписаны его рукой.

Это только казалось, что жизнь в форте Роттердам остановилась. И здесь были и радостные и печальные события. У Дипонегоро и Ратнацингсих рождались новые дети. Здесь умерла мать пахлавана. Дочь Раден Айю Густи вышла замуж за Мертонегоро, которого сослали сюда же. У пахлавана появились внуки.

Комендант форта майор-от-инфантерии Шмитц в минуты хорошего расположения духа шутил:

— Скоро тут образуется новое Государство Свободы, и нам опять придется воевать.

Пытался ли Дипонегоро за долгие годы изгнания выбраться на волю? Да. С приходом к власти каждого нового генерал-губернатора он посылал в Богор возмущенные письма, требовал разбирательства, наконец суда. Он обвинял голландские власти и короля Вильгельма в бесчестии, в нарушении всяческих правил и законов. И каждый раз из Богора поступал ответ: «Отказать!»

Только в 1848 году, когда под влиянием революционного движения, потрясшего всю Европу, в Голландии была изменена конституция и право отвечать за колонии передали Генеральным Штатам, новый генерал-губернатор Рохуссен, пожелавший проявить свой либерализм, написал на жалобе Дипонегоро: «Можно вернуть пангерану крис, который якобы достался ему по наследству».

— Он очень добр, ваш великий господин губернатор, — сказал Шмитцу пахлаван. — Я передам этот крис своим

потомкам, и пусть он снова обагрится вашей нечистой кровью…

В 1850 году в форт Роттердам дошло известие о смерти Мангкубуми. Старый принц до конца своих дней остался верен народу. Умер он в возрасте 90 лет. Прошло четверть века с того злополучного дня, когда вождь великой Яванской войны Дипонегоро был обманным путем взят в плен. Четверть века надежд и холодного разочарования. Высоки каменные стены, надежна стража. Со скрежетом поднимается опускается мост, ведущий из неволи…

Семидесятилетний Дипонегоро чувствовал, как постепенно силы оставляют его. Давали о себе знать и старые раны. Сперва разболелась рука. Затем появилась острая боль в коленях. И только глаза по-прежнему видели остро, как в дни молодости.

В этот год пахлаван узнал о кончине сразу двух своих былых соратников — Киая Моджо и Сентота. Весть окончательно сразила его. Так и не увидев больше свободы, умер Сентот… Голландцы не знают милосердия к своим врагам.

…Он лежал на циновке в углу двора и с безучастным выражением лица наблюдал за тем, как вышагивают солдаты. Это была привычная картина. Здесь пахло лошадиным потом, кожаными ремнями и ромом. Прибыла группа молодых «веселяг». Майор Шмитц придирчиво осматривал новичков. Он был педантичным и сухим в обращении с людьми, этот майор-от-инфантерии. Он ненавидел солдат, подчиненных офицеров, ассистент-резидента Макассара Лиона, генерал-губернатора, весь свет и свою проклятую жизнь.

Единственный человек, к которому комендант испытывал почтение с примесью почти суеверного страха, был Дипонегоро. Ведь этот принц всего каких-нибудь двадцать пять — тридцать лет назад держал в страхе не только генерал-губернаторов, но и самого короля!..

И когда пахлаван слабым голосом позвал коменданта, тот сразу же поспешил к постели умирающего.

— Я хочу… к морю… один, без стражи, — проговорил Дипонегоро.

Просьба была столь необычной, что майор растерялся. Затем громовым голосом приказал:

— Опустить мост! Никакого сопровождения…

И вот Дипонегоро медленно поднялся, сделал два неуверенных шага. Ратнанингсих поддерживала его. Воля и на этот раз победила: завидев раскрытые ворота, пахлаван ускорил шаг. Миновал кордегардию. Через мост он уже почти бежал.

Полоснуло по глазам от нестерпимого блеска. Трещали под босыми ногами сухие пальмовые листья. Море и опущенные

почти к темно-синим волнам квадратные паруса, разукрашенные праздничными малиновыми и золотыми узорами ладьи — прау…

Свобода, свобода!.. Там, на юго-западе, за фиолетовой дымкой — Ява…

Он поднял руки, сцепил их над головой и рухнул на песок.

Лекарь, поспешивший из форта на зов Ратнанингсих, подошел к распростертому телу, попытался нащупать пульс.

— Он мертв…

Дипонегоро похоронили в кампонге Малайя рядом с могилой сына.

10 января специально созданная комиссия составила протокол-свидетельство о смерти:

> «8 января 1855 года в форте Роттердам скончался принц Дипонегоро…
> *Члены комиссии: И.* А *Крудельбах,*
> *ассистент-резидент И. Лион,*
> *майор-от-инфантерии*
> *Ф. А. М. Шмитц».*

Сообщение о смерти Дипонегоро было послано в Батавию и Джокьякарту. Семье пахлавана разрешили вернуться на Яву. Но ни Ратнанингсих, ни потомки Дипонегоро не пожелали покинуть Макассар: они навсегда остались у дорогих могил.

Народ Явы собрал шесть тысяч гульденов и переслал эти деньги семье героя.

Майор-от-инфантерии Шмитц получил от только что назначенного генерал-губернатора Пауда выговор за несоблюдение инструкций.

…Отставной чиновник Гунс приобрел небольшой участок земли и навсегда поселился в Богоре. Здесь не так душно, как в Батавии, нет малярийных комаров. Кроме того, так уж принято: знать оседает в Богоре, поблизости от генерал-губернаторского дворца. А Гунс причислял себя к знати.

Восемьдесят пять лет прожил Гунс. Вначале, получив отставку, он поспешил в метрополию. Это же было его мечтой: купить домик в Голландии и вдалеке от суеты упокоить свою старость. Но как только мечта осуществилась, Гунс заскучал. Все ему было чуждо на родине, да и сам он здесь чувствовал себя чужим и никому не нужным. Голландия показалась грязной, неуютной, сумрачной. Друзья, знакомые остались на Яве.

Гунс вернулся на Яву. Он занялся цветоводством. Но голландские тюльпаны не приживались на богорской земле: от избытка влаги луковички подгнивали, чахлые, блеклые цветы не радовали глаз.

Гунс решил посоветоваться со своим давним знакомым Эдуардом Деккером, также увлекавшимся цветами. Деккер впервые появился в Батавии в 1839 году, когда еще живы были в памяти каждого воспоминания о великой Яванской войне, а имя Дипонегоро произносили на каждом шагу.

Для Гунса оставалось загадкой, каким образом этот Деккер за не такой уж большой срок поднялся по служебной лестнице от мелкого канцеляриста до ассистент-резидента Лебака, одного из округов на северо-западе Явы. Деккер побывал на Суматре, на Целебесе, на Амбоине, исколесил Яву вдоль и поперек. Он владел альфурским, батакским, сунданезским, малайским языками, хорошо знал местные обычаи, и, как ни странно для голландского чиновника, туземцы его любили и уважали. «Он прям и чист душой, как младенец… — часто думал прожженный политикан Гунс. — Такие долго здесь не держатся». Но Деккер держался и даже получил повышение. В вечно мятежном Бантаме ожидалось новое восстание, и для успокоения крестьян сюда, в Лебак, послали Деккера. Суматра — рядом, а там продолжают действовать повстанцы Пидари. Говорят, что во время пребывания в Манадо Деккер пожелал встретиться с главарем мятежников Суматры Имамом Бонджолом и встретился с ним. Короткое свидание во дворе военного форта произвело большое впечатление на Деккера.

В списках начальства Нидерландско-Индийского колониального управления Эдуард Дауэс Деккер числился как «ненадежный».

Взгляды ассистент-резидента Лебака меньше всего интересовали Гунса. Важнее другое: обменяться семенами и луковичками, погреться у чужого очага, выпить чашку кофе, которую с милой улыбкой подает вам приветливая супруга ассистент-резидента, поиграть с его сынишкой Эдом.

Когда Гунс приехал в Рангкас-Бетунг, ассистент-резидент копался в саду. Это был светловолосый человек лет тридцати пяти. Он бросил лопату и шумно приветствовал Гунса. Появились Эвердина и Эд. Гунса усадили под тент.

Престарелый Гунс отличался живостью характера и непоседливостью. За этот год он успел побывать у своего приятеля сусухунана Суракарты, и у султана Джокьякарты, и в Семаранге, и в Магеланге. В соседний с Батавией Бантам он добрался быстро, без всяких приключений.

Главной темой разговора были, разумеется, цветы, луковички. Затем за чашкой кофе, как водится, заговорили о политике, о том, что на Суматре все еще неспокойно, корсары Аче продолжают топить голландские корабли, в Бантаме тоже вот-вот

разразится новая война.

— Я пригласил вас на новоселье с умыслом, — сказал Деккер. — Мне нужны кое-какие сведения о деятельности Нидерландского торгового общества, Я собираюсь написать большой труд…

Гунс понимающе сощурился: Рафлс написал «Историю Явы», Босх занимался политической экономией. Но они оба плохо кончили… Гунс никогда ничего не писал, кроме доносов на генерал-губернаторов. Правда, кое-какие мысли он заносил в дневник. Но все это не для печати.

— О, сведения… У меня их накопилось много, и все они в вашем распоряжении. Сохранились даже расчетные ведомости.

Откуда было знать Гунсу; что его приятель Деккер, крупный чиновник колониальной администрации, заклятый враг этой администрации и Нидерландского правительства и в то же время верный друг мятежных туземцев, нищего яванского люда?

Всего лишь через четыре года после этой встречи мир будет потрясен небывалым событием — выходом в свет бунтарского романа «Макс Хавелаар» некоего Мультатули. Потом все узнают, что под этим псевдонимом скрывается не кто иной, а Деккер. Деккера вышвырнут из колониальной администрации за «вольномыслие и неосмотрительные действия». Это он скажет о нарастающем в Бантаме восстании: «О, если бы я вместо терпения и уговоров вступил тогда на путь применения силы! Достаточно было одного моего слова, и восстание, конечно бы, заварилось. Целую ночь я обдумывал и взвешивал, И решил: прекратить сопротивление. Я намерен был помочь им иными путями. Да, я пожалел этих бедняг, которые пошли бы за мной, чтобы потом расплатиться собственной кровью за каких-нибудь два дня торжества. И все-таки я жалею, что отступил тогда, что у меня не хватило решимости. Я был слишком мягок, и это мне наука на будущее, в случае если представится возможность пот вернуть Голландию иными средствами, не только через мои писания».

Вот с каким человеком разговаривал Гунс о политике и цветоводстве.

Может быть, Деккер несколько переоценивал свой авторитет у жителей Лебака, может быть, он недооценивал возможности крестьян, и жалость его осталась лишь жалостью одинокого правдоискателя…

Он был личностью совсем иного склада, чем Дипонегоро, Имам Бонджол, Сентот, Паттимура. И трудно сказать: пошло бы или нет за иноземцем, за голландским чиновником крестьянство Нусантары.

Но подлинно известно, что оно пошло за другими, за теми,

кто не «жалел бедняг», а помогал им высвободиться из рабства. Подвиг Деккера-Мультатули велик: он разоблачил перед всем миром голландских колонизаторов, воззвал к совести человечества.

— Сведения, сведения… — говорил Гунс. — Я близко был знаком и с Дандельсом, и с Рафлсом, и с Капелленом, и с Босхом, видел даже мятежного принца Дипонегоро, который начисто разорил казну Нидерландов. Он обошелся нам в двадцать миллионов! Кстати, получено сообщение из Макассара: Дипонегоро умер… Я всех их знал…

Деккер снял широкополую соломенную шляпу.

— Я завидую мужеству этого человека. Он был истинным сыном своего века и своего народа… А таким, как я, остается лишь кричать во все горло о пожаре…

И, меняя тему разговора, уже с философским спокойствием произнес:

— Не удивляйтесь, менгер, что яванская земля не желает питать своими соками голландские тюльпаны: ведь ничто не является *менее нидерландским,* чем почва, климат, фауна, флора этих островов. Ничто не является *менее нидерландским,* чем история их обитателей, их предания, их религия, их понятия, их нравы и… их интересы…

X
ОГНЕННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Буржуазный экономист Стоквис в свое время писал: «Здесь мы видим народ, живущий не юридически, а фактически в рабстве. Его душа полна страха перед его правителями; сами же правители научились бояться колонизаторов. Вся храбрость и дух свободы, живший еще в яванцах, уничтожены грубыми действиями компании и злой волей ван ден Босха, который вновь высасывает соки из гибнущего народа…»

Мультатули сравнивал «систему принудительных культур» с… единой сетью труб с бесчисленными ответвлениями, делящимися на тончайшие трубочки, которые заканчиваются в груди миллионов яванцев и связаны с главной трубой, которая соединена с паровым насосом, в то время как при частной эксплуатации каждый авантюрист может подключаться ко *всем* трубам и может пустить в ход свой *собственный* насос для выкачки прибыли.

Достаточно сказать, что только за сорок лет действия «системы принудительных культур» Голландия выкачала из Индонезии восемьсот миллионов гульденов!

Великое Яванское восстание Дипонегоро было раздавлено, потоплено в крови; повстанцы Пидари загнаны в джунгли и болота Суматры. В 1864 году в кампонге Лутак на Сулавеси умер Имам Бонджол. Колонизаторы считали, что с восстаниями навсегда покончено. Но они забывали, что история Индонезии — это вовсе не история ее колонизации, а история национально-освободительного движения ее народа. «Однажды свободны — всегда свободны», — говорят индонезийцы.

Однажды они уже были свободны — при Дипонегоро, которого называли «Еручокро», что значит «Справедливый». Этот же титул носил и предок принца Онтовирьо Дипонегоро I. В народе всегда жила вера в приход Еручокро — справедливого правителя. Голландцы жестоко расправились с Дипонегоро, но дух народа не был сломлен. Когда индонезийца привязывали к «столбу пыток», он пел:

Знайте, оружие не вредит жизни,
Огонь не сжигает, вода не заливает,
Горячий ветер не жжет…

История борьбы индонезийского народа за свою независимость полна драматических эпизодов.

Восстание на севере Суматры в Аче, длившееся с 1873 по 1913 год, привлекло внимание общественности всего мира. Война с повстанческой армией Аче, возглавляемой талантливым полководцем Теуку Умар, оказалась для голландских колонизаторов одной из наиболее затяжных и трудных. Голландцам пришлось ввести на Суматру крупные военные силы и начать весьма дорогостоящие операции. Была создана цепь связанных железной дорогой укрепленных пунктов, простиравшаяся от восточного побережья к западному в форме кольца. Но даже эта «стратегическая» уловка не помогла колонизаторам: их опорные пункты, их «система окружения» были разрушены повстанцами, армия деморализована, разбита. Опытнейшие голландские генералы не могли справиться с Теуку Умар. Когда же Теуку Умар был схвачен и казнен, борьбу продолжила его жена Тьют Нья Диен. И еще шесть лет те же опытнейшие генералы вели дорогостоящие операции, бросали отборнейшие силы против слабой и к тому же слепой женщины Тьют Нья Диен и ее отрядов. Генералы вынуждены были капитулировать и прибегли к испытанному средству — подлости. К Тьют Нья Диен губернатор ван Хейтсзон подослал предателя. Предатель привел с собой голландцев. Очутившись в окружении, Тьют Нья Диен не растерялась. Вооруженная кинжалом, она до последней возможности отбивалась от врагов. Заслышав голос предателя, патриотка вонзила ему нож в горло.

В 1906 году Тьют Нья Диен выслали в Семеданг на Западной Яве, где она и умерла. Другого патриота, Теунгку Тьяхик ди Тиро, руководителя повстанческих отрядов, голландцы отравили ядом. Но и после этого повстанцы продолжали сопротивление.

В 1859 году голландцы подогнали военный корабль к острову Борнео. Против оккупантов выступил султан Банджермасина принц Хидайят. Его воины уничтожили три тысячи голландских солдат. Патриоты Борнео вели войну с захватчиками сорок лет.

В 1891 году произошло всеобщее восстание на острове Бали. Солнечный, как древняя индийская легенда, остров обагрился кровью. Одиннадцать лет оказывали сопротивление голландской военной экспедиции герои острова Ломбока. С 1823 по 1893 год не складывал оружия народ Серама.

Достаточно сказать, что только в девятнадцатом веке в Индонезии произошло двадцать семь крупных восстаний против колонизаторов.

И еще говорят индонезийцы: «От Сабанга до Мерауке». Сабанг — самая крайняя точка на севере страны. Мерауке —

самое отдаленное поселение на Западном Ириане. Между двумя этими пунктами — тысячи километров, тысячи островов. «От Сабанга до Мерауке» означает — «Борьба с колонизаторами от Сабанга до Мерауке. Однажды свободны — всегда свободны!»

Трагична и удивительна история индонезийского народа. 350 лет находился он под колониальным гнетом. Каждый из трех тысяч борющихся индонезийских островов рождал героев, оказывал стойкое сопротивление иноземным пришельцам.

Это о них, о героях Нусантары, писал В. И. Ленин еще в 1913 году в статье «Пробуждение Азии»: «Интересно, что революционно-демократическое движение охватило теперь и голландскую Индию, остров Яву и другие колонии Голландии, имеющие населения до 40 миллионов человек.

Носителями этого демократического движения являются, во-первых, народные массы на Яве…»

Великая Октябрьская социалистическая революция в далекой России пробудила у индонезийского народа сознание того, что силы империализма непрочны и что империализм может быть сокрушен. Важнейшим событием в истории национального движения явилось создание коммунистической партии. Колонизаторам надолго запомнились рабочие стачки на Восточной Суматре, на Восточной и Центральной Яве, в Сурабае, в Джокьякарте, в Семаранге.

В ноябре 1926 года заволновался всегда беспокойный Бантам. Здесь, на Западной Яве, началось крупное вооруженное восстание. Руководили им компартия и другие демократические организации. Крестьяне разрушали железнодорожные мосты, возводили на дорогах преграды из поваленных деревьев, группами в сто человек совершали нападения на дома правительственных чиновников и полицейские посты. В городе Бантене колониальные войска встретили стойкое сопротивление. Восстанием была охвачена и Джакарта. Поднялись, как во времена Дипонегоро, кампонги Центральной Явы близ Суракарты, Прианган а. Как во времена Пидари и Имама Бонджола, поднялась Западная Суматра — угольный район Омбилина, Савахлунто, Сулунг и Канг.

С крисами и винтовками рабочие угольных копей и земледельцы контролировали все побережье Западной Суматры. В глубине джунглей формировались отряды повстанцев, ковалось оружие. Появилась выборная власть. Это уже были не вахабиты, а пролетарии, знакомые с учением Маркса — Ленина. Руководили ими коммунисты. Красные и красно-белые флаги развевались над общественными домами — сурау народа минангкабау, над хижинами батаков.

На Центральной Яве, на склонах вулкана Мерапи утвердились восставшие, распределяли землю, вешали голландских чиновников и полицейских. Здесь все еще жил неукротимый мятежный дух Дипонегоро. «Победа или смерть! Победа или смерть!..»

Колонизаторы бросили на подавление восстания отборные полки, морскую пехоту, танки, авиацию. Голландские спаги действовали старыми методами: сгоняли жителей в, деревни и поджигали их; как во времена Дандельса и Рафлса, привязывали непокорных к пушкам и расстреливали. Люди умирали с криками: «Победа или смерть! Да здравствует свободная Индонезия!..»

За короткий срок колонизаторы загнали в тюрьмы тринадцать тысяч повстанцев, сослали многих в страшный концентрационный лагерь Бовен-Дигулъ на Западном Ириане.

Народные волнения захватили и флот. 3 февраля 1933 года индонезийские матросы вместе с голландскими моряками, опираясь на поддержку докеров, подняли восстание на корабле «Семь провинций». Накануне произошли революционные выступления моряков военно-морских сил Сурабай. Индонезийский «Броненосец „Потемкин“» до смерти перепугал колониальное правительство: оно пустило в ход авиацию, сбросило на мятежный корабль бомбу.

В годы второй мировой войны на смену голландским колонизаторам пришли японские оккупанты.

И снова тысячи индонезийцев начали вооруженную войну в Бантене, Сингапарне, Индрамайю. Они громили японские воинские эшелоны на Яве и на других островах, взрывали мосты, разрушали железные дороги.

Многие выдающиеся борцы за свободу Индонезии, деятели коммунистической партии и профсоюзов в это время были арестованы, подвергнуты жестоким пыткам и казнены. И среди них Пемуджи, Заджи-Абдулл Азис, Заджи Абдуллрахим, Сукаят.

Но ни аресты, ни террор не могли подавить нарастающего сопротивления. Опять восстали Мадиун, Блитар и другие города.

Три с половиной года продолжалось господство японцев в Индонезии. И три с половиной года патриоты вели героическую борьбу, которая в конце концов закончилась национальной революцией 17 августа 1945 года. Над Джакартой и другими городами взвилось красно-белое знамя Сайг Мерах-Путих. Народ провозгласил свою национальную независимость и создал республику.

Однако молодой Индонезийской республике, девизом которой стали слова Тантуллара «Единство в многообразии», с

первых же дней пришлось противостоять английским и голландским войскам, поддержанным американскими империалистами… И снова поднялся на борьбу народ… Индонезия… Нусантара… вечно клокочущий архипелаг, вечно кипящий вулкан. Не легко далась тебе победа! Даже после того, как была провозглашена республика, реки индонезийской крови были пролиты за Свободу.

В сентябре 1945 года на Индонезийский архипелаг вторглись английские войска, оккупировали Яву. Казалось, что вновь на землю Нусантары вернулись времена Рафлса. Британцы не были одиноки, за ними шли голландцы, Америка снабжала их оружием, дала свои эсмиицы, подводные лодки, бомбардировщики. Началась новая ожесточенная колониальная война. В беспримерной по своей жестокости расправе над индонезийским народом английское командование использовало японские войска. И хотя Япония уже капитулировала перед Советской Армией, батальоны Страны Восходящего Солнца под покровительством новых хозяев продолжали истреблять мирное население островов. На Южном Сулавеси интервенты убили сорок тысяч макассарцев, казнили молодого партизана Монгинсиди. Тысячи партизан маленького острова Бали погибли в дни сопротивления.

В защиту Индонезии выступил Советский Союз. И не раз еще потом индонезийский народ чувствовал пожатие крепкой братской руки Советского Союза.

Три года пылали города и кампонги архипелага. В конце 1948 года англо-американо-голландская военщина спровоцировала вооруженное столкновение в Мадиуне на Яве. От рук убийц погибли руководители Коммунистической партии Индонезии, бесстрашные патриоты: генеральный секретарь компартии Мановар Мусо, бывший премьер-министр Амир Шарифуддин, Маруто Дарсуман, Сарждоно. Голландцы захватили все важнейшие центры республики. По зверствам беланда намного превзошли всех своих предшественников: Куна, Дандельса, Капеллена, Босха.

Но триста пятьдесят лет угнетения, бесправия, беспрестанной борьбы не прошли даром для индонезийского народа.

Снова звучали призывы «Победа или смерть!». И снова шли отряды индонезийской Армии народной безопасности в бой за республику. Солнечная птица Гаруда парила над Нусантарой. Народ вышел победителем из борьбы. Голландская корона была сброшена. Красно-белое знамя Санг Мерах-Путих навсегда взвилось над площадью Свободы в Джакарте над той самой площадью, которая в давшие времена называлась «Полем

виселиц».

…Историю народа можно писать до тех пор, пока существует народ. А народ бессмертен. Тяжким путем шел он к своей независимости. Как яркие факелы среди ночи, загорались восстания. И поработители были не в силах загасить вечно полыхающий огонь Свободы.

Красные семена, брошенные в плодородную вулканическую почву Индонезии Дипонегоро, Паттимурой, Бонджолом, Теуку Умар и другими борцами за национальную независимость, дали щедрые всходы.

Изумрудное ожерелье экватора… «Страна грез»… Так называют Индонезию. Она роскошна, как экзотический цветок тропиков. Она горда и непреклонна, как сама богиня Свободы Санегхянг Мердека.

Во всем своем величии и лазурном блеске поднимается над водами южных морей необыкновенная страна островов. Она раскинулась по обе стороны экватора, между Азиатским и Австралийским материками, почти на пять тысяч километров. По своей территории она превосходит Великобританию, Ирландию, Францию, Италию, Испанию, Португалию и Грецию, вместе взятых. Ее населяют почти сто миллионов человек, двести народностей. На шумных улицах ее городов, похожих на огромные парки, можно встретить яванцев, сунданезцев, мадурцев, малайцев, минангкабау, батаков, бугинезов, балийцев, даяков, сазаков, папуасов, тораджа, пигмеев кубу из джунглей Суматры — коричневых, черных, курчавых, золотисто-смуглых людей, пластичных, как изваяния, прекрасных невиданной островной красотой, природным изяществом и благородством.

Она многообразна, эта небывалая страна. Многообразна во всем. Здесь в непроходимых лесах не встретишь рядом двух одинаковых деревьев. Она едина в своих устремлениях. Она глубоко поэтична по своему внутреннему духу.

Взгляните на индонезийку. Ее походка легка и грациозна. Длинный золотисто-желтый саронг спускается почти до щиколоток, цветастая блузка с длинными рукавами лишь подчеркивает ее стройную фигуру; в волосах у нее — или красивый черепаховый гребень, или же яркий цветок, на шее — газовый шарф. Она обожжет вас взглядом, а затем опустит ресницы, и на ее полных губах появится чуть лукавая, но робкая улыбка. Она олицетворение вечной молодости, поэзии. Это для нее качаются на ветру высокие пепельно-серые пальмы и цветут орхидеи, это для нее набегает на белые коралловые рифы морская пена, это для нее поднимается из синих вод малиновое солнце — мата хари, это для нее вздымаются к небу вулканы и

дымится бледно-фиолетовый конус Мерапи, это для нее звенит гамелан… Может быть, ее зовут Ратнанингсих, или же Кристина Марта, или Тьют Нья Диен… А может быть, имя ей — Нусантара, Инсулинда, Индонезия?..

…Потомки Дипонегоро расселились по всему архипелагу. Давно свезены в музеи старинные пушки. Обратились в руины голландские форты и крепости. Стал грудой развалин Таман, старинный дворец султанов Джокьякарты. Засыпаны щебнем опочивальни и трапезные, где некогда ступали ноги Мангкубуми Суварги, Сепуха, Раджи. В каменных бассейнах некогда великолепных ванных комнат растут дикие цветы, лианы и пальмы — нипа.

Джокьякарта — родина Дипонегоро. Ей суждено было еще раз в истории сыграть роль руководителя в борьбе за независимость. Каждый индонезиец думает о Джокьякарте, как об «армии со знаменем…» С 1946 по 1950 год Джокьякарта была столицей Индонезийской республики. Именно отсюда, из Джокьякарты, осуществлялось управление революционной армией, национально-освободительным движением. Джокия являлась центром политической жизни страны, здесь находились руководящие органы политических партий и профсоюзов.

В Джокьякарте высоко чтят память пахлавана Дипонегоро. Память пахлавана чтят и на «Железном острове» в Макассаре. Каждый день на могиле Дипонегоро появляются свежие красные цветы и ветки дерева — пламя лесов. Сюда приезжают со всех концов архипелага.

День и ночь бурлит жизнь на одной из главных улиц столицы Индонезии Джакарты. Эта улица носит имя пахлавана Дипонегоро. Здесь же, в Джакарте, бережно хранится пожелтевшая от времени рукописная книга Дипонегоро. Она дошла до своего читателя. Дипонегоро объявлен национальным героем Индонезии.

Неподалеку от Джакарты расположен крупнейший в Юго-Восточной Азии аэропорт Кемайоран, принадлежащий национальной авиакомпании «Гаруда». Так мифическая птица счастья Гаруда обрела реальные зримые крылья из дюралюминия. Она летит над Нусантарой, озаренная светом.

Именем Дипонегоро был назван первенец молодого торгового флота Республики Индонезии. Вы встретите этот корабль и в порту Танджунгприок, и в гавани Макассара, и у заросших манграми берегов Калимантана, и в Медане на Суматре, и у причалов Амбоины. Он занят мирным трудом. Его трюмы заполнены копрой, мускатным орехом, гвоздикой, корицей, ванилью, корой хинного дерева, саго, мешками с рисом.

Из главного порта Явы Сурабаи он везет электрические лампы, искусно раскрашенный батик, легковые машины и велосипеды, стекло, сахар, тапиоку, маниоку. На алмазный Калимантан он доставляет из Танджунгприока тракторы и бульдозеры, буровые станки — подарок Советского Союза. Макассар славится изделиями из индийского тростника, и искусство макассарцев известно на всем архипелаге, Из Макассара, кроме того, вывозят каучук, кофе, сахарный тростник. Вокруг Медана на Суматре раскинулись самые большие в Индонезии табачные плантации. Здесь в трюмы судна грузят чай, волокно, пальмовое масло, латекс — сок каучукового дерева. «Дипонегоро» должен побывать всюду, во всех портах (а их почти триста!), посетить отдаленные островки, всегда поспеть к сроку. И где бы он ни появился, он желанный гость. Его ждут, ему рады.

Завидев в сизой дымке корабль, застывает в строго-почтительной стойке военный моряк Сурабаи, распрямляется докер, взбирается на катамаран ловец жемчуга, размахивает огромной соломенной шляпой крестьянин. Они провожают глазами судно, уходящее к одному из трех тысяч островов. И обязательно каждый крикнет вслед кораблю:

— Сэламат джалан! Счастливого плавания, «Дипонегоро»!..

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИПОНЕГОРО

1785, 11 ноября — В Джокьякарте родился Дипонегоро (Онтовирьо).

1792 — Смерть прадеда Дипонегоро, руководителя восстания на Яве Мангкубуми Суварги.

1811 — В бою с английскими колонизаторами Дипонегоро получил первое ранение.

1814 — Смерть отца Дипонегоро султана Амангку Бувоно III.

1825, 19 июля — Ссора в Тегалреджо. Начало великой Яванской войны.

21 июля — 9 октября — Дипонегоро в Селаронге. Первая победа под Писангом.

30 сентября — 11 октября — Бои под Селаронгом.

9 ноября — 4 августа 1826 года — Дипонегоро в Дексо.

1826, 16 апреля — 9 июня — Взятие Плерета.

6 августа — 17 ноября — Бои за Джакарту и Суракарту.

15 октября — Наступление на Гавок. Дипонегоро тяжело ранен. Болезнь Дипонегоро. Переход повстанческой армии на равнину Кеду.

1827, 1 января — Наступление на голландский форт Трайем близ реки Прого.

16–19 июля — Бои за Пасар-Геде.

Восстания в Кеду, Багелене, Баньюмасе, Пекалонгане, Ледоке, Рембанг-Боджонегоро, Мадиуне.

23 августа — Безуспешные переговоры представителей голландского штаба с Киаем Моджо о мире.

1828 — Болезнь Дипонегоро.

16 ноября во время переговоров о заключении мира схвачен Киай Моджо.

1829, 26 июня — Попал в засаду и схвачен голландцами сын Дипонегоро Адипати Аном.

14 октября — В деревне Карангони близ Кретека голландцами захвачена семья Дипонегоро.

16 октября — Взят в плен Сентот.

Ноябрь — декабрь — Дипонегоро скитается в горах Келир.

1830, 16 января — Встреча Дипоегоро с представителями голландского штба в Ремо Камале.

18 января — Перемирие. Дипонегоро в Магеланге.

28 марта — Переговоры о заключении мира. Арест Дипонегоро.

29 марта — 1 апреля — Дипонегоро в Семараенге.

Апрель — 3 мая — Дипонегоро в Джакарте.

3 мая — 14 июня — Дипонегоро перевозят из Джакарты на остров Сулавеси.

1830–1834 — Пребывание в военном форте Манадо.

1834–1835 — Дипонегоро перевозят в Макассар.

1835–1855 — Пребывание в голландском форте Роттердам.

1855, 8 января — Смерть Дипонегоро.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Д. Н. Айдит, Индонезийское общество и индонезийская революция. Перевод с индонезийского. Госполитиздат, 1958.

«Профсоюзное движение Индонезии». Перевод с индонезийского. Профиздат, 1961.

Д. Дж. Е. Холл, История Юго-Восточной Азии. Перевод с английского. Издательство иностранной литературы. Москва, 1958.

Дагмара Ботас, На островах Индонезии. Перевод с немецкого. Издательство иностранной литературы. Москва, 1959.

К. Гельбиг, У подножья Махамеру. Перевод с немецкого. Государственное издательство географической литературы. Москва, 1957.

«Современная Индонезия». Перевод с английского. Издательство иностранной, литературы. Москва, 1955.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ:

Muhammad Jamin, Sedjarah Peperangan Dipanegara pahlewan Kemerdekaan.Indonesia, Djakarta, 1952 (на индонез.).

Sedjarah Indonesia, II, Perang Diponegoro, Djakarta, 1956 (на индонез.).

Illustrations of the Revolution Indonesia 1945–1950, ministry of information of the Republic of Indonesia, Djakarta, 1954 (на англ.).

Eric Lundqvist. Oarna och morgondagen. Om manniskor och dur, om brytningstider och framtidsproblem i. Indonesiens och ovarld, Stockholm, Bonniers, 1961 (на шведск.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдулла — 38, 58, 66, 95, 96, 99, 117, 133, 137, 138, 141, 142
Агунг — 32
Адипати Аном, старший (Амангку Бувоно III, Раджа) — 18, 19, 21, 41, 45, 49, 64, 65, 68, 71, 72, 74, 75, 76, 81, 176, 202
Адипати Аном, младший (Дипонегоро III, Дипонегоро-младший) — 43, 132, 134, 137, 140, 144, 149, 151–153, 156, 157. 159, 161, 162, 165, 169, 170, 175, 177, 181
Ади Сурья — 138, 140, 156
Алтинг, Вильям — 21, 22
Амангку Бувоно I (Мангкубуми Суварги) — 5, 6, 9-18, 84, 101, 102
Амангку Бувоно II — см. Сепух
Амангкурат IV — 7, 8
Амир Шарифуддин — 200
Ария Сумодилага — 129
Бабек — 122, 125, 126, 142
Басах Сех Мухаммад — 160
Басах Усман — 132, 138
Беи — 43, 71, 72, 85, 97–99, 108–112, 114, 122, 132, 135, 137, 138, 143, 156, 159, 160, 162, 163, 186
Бишоф — 154, 170
Бонапарт (Наполеон I Бонапарт) — 29, 41, 42, 54, 55, 57, 59, 61, 65, 67, 69, 70, 80, 108
Босх, ван ден — 139, 140, 154, 155, 161, 164, 165, 170, 173, 174, 175, 177, 179, 180, 181, 191, 192, 200
Боуд — 180, 182, 184
Брон, ле — 129, 131
Буйскес — 92
Бупати — 19
Бушкенс — 149
Виджайя Тяпа — 135, 136
Вильгельм I — 82, 103, 104, 139, 146, 154, 155, 165, 179, 187
Вильгельм V — 37, 55
Виронегоро — 125, 129, 135, 145, 150, 173
Вира Иуда — 129
Висе, Альберт — 39, 42
Геен, ван — 115, 116, 120, 124, 129, 131, 134
Гисиньи (Висконт дю Бюс де Гисиньи) — 104, 113, 130, 131, 134, 139, 140, 148, 154, 155, 161, 180
Губерт — 125, 128
Гунс — 21, 22, 61, 66, 67, 78, 79, 82, 100, 113, 114, 131, 147,

148, 179, 180, 189, 190, 191
Дандельс — 46, 48, 49, 54–60, 62, 64–67, 72, 77, 78, 80, 81, 83, 100, 113, 118, 139, 154, 180, 198
Данининград — 129
Дану Реджо — 62, 63, 64, 68, 69, 73
Деви Анггрени — 19
Деккер, Эдуард (Мультатули) — 190–194
Джарот (Амангку Бувоно IV) — 81–86, 94, 97-99
Джойодининград — 108, 111, 112
Джойонегоро — 111
Дипокесума — 43, 132, 134, 137, 141, 142, 148
Дипонегоро I — 8, 9, 18, 36, 96, 126, 195
Дипонегоро, Дипонегоро II, Онтовирьо, Сех Нгабдулрахим, Сех Нгабдулхамид, султан Абдуллхамид) — 6-204
Жюмель — 67, 72, 78
Заджи-Абдулл Азис — 199
Заджи Абдуллрахим — 199
Имам Бонджол — 92, 93, 102, 121, 142 160, 165, 174–177, 185, 186, 190, 192, 195, 200
Имхофф, ван — 11—15
Инген — 153
Капеллен, ван дер — 82, 83, 92, 98-101, 104, 105, 113, 180, 192
Караганьяр — 108, 111, 112
Кен Арок — 41
Киай Бадаруддин — 166,169
Киай Моджо — 24–29, 32, 34, 37, 50, 51, 59, 63, 71–74, 83 95, 96, 111, 112, 120–125, 128, 131, 133, 137–139, 144–146, 150, 151, 153, 156, 159, 163–165, 177, 180, 181, 189
Киай Тяпа — 15
Клеренс — 142, 145, 149, 150, 163, 165, 167–169, 177, 178,185
Клерк, де — 15
Кноерле — 169–171, 174–176, 178, 185
Кок де — 113–115, 119, 120, 125, 128–131, 134–136, 144, 148, 150, 151, 153–155, 160–162, 164, 167–170, 175
Кохиус — 134
Кранссен — 78
Кроуфорд, Джон — 74
Крудельбах — 189
Кун, Ян Питерсон — 30—32
Ленин В. И. — 197
Лион — 188, 189
Людовик Бонапарт — 42, 48, 54
Мангкубуми — 43, 71, 85, 97–99, 101, 105, 106, 108, 110–112,

114, 120, 122, 125, 132–134, 137, 138, 156, 159, 160, 162, 163, 165, 186, 187
Мангкувиджайя — 111, 119, 121, 124, 129, 130, 173, 174
Мангкунегоро — 71, 72, 85, 114, 120, 124, 125, 120
Мангкусентика — 129
Мановар Мусо — 200
Марат — 28, 70
Маркс, Карл — 182
Маруто Дарсуман — 200
Мас Лурах — 129, 159
Мас Менол — 98, 99, 101, 121, 141, 148
Мас Саид — 16, 17
Меркус — 186
Мертадивара — 129
Мертонегоро — 166, 169, 187
Минто, лорд — 78, 79
Моссель, Якоб — 15–17
Монгинсиди — 200
Мунтинге — 78
Мусба — 129, 159
Мухаммад Саид — 183
Насыр — 156, 157, 168, 170
Натадинингрaт — 110, 132, 137, 153
Натакусума — 114, 125, 129, 134
Нотопроджо — 111, 119, 121, 124, 132, 141, 142
Охмати — 71
Паку Бувоно II — 9, 14, 21
Паку Бувоно III — 14, 16, 17, 28, 46, 49, 74, 83–85
Паку Бувоно V — 111, 172
Паттимура (Матулесси, Томас) — 87–92, 102, 192, 201
Пауд — 189
Пемуджи — 199
Правиракусума — 118, 119, 123, 132, 137, 163
Прапанг — 27
Пурбакусума — 111, 125
Раден Айю Густи — 138, 156, 161
Рамангалла — 30, 31
Ратнанингсих — 42, 43, 73, 106, 110, 138, 150, 156, 161, 163, 165, 167, 176, 182, 183, 187–189, 202
Рату Агенг — 6, 7, 10, 20, 21, 23, 25, 27, 36, 43, 105
Рату Багус — 15
Рату Кентьоно — 99
Рафлс — 72, 74–82, 98, 100, 109, 110, 154, 180, 191, 192, 198, 199

Робеспьер — 28, 70
Роепс — 169–171
Ронго — 58, 62, 118, 139
Рохуссен — 187
Сарджоно — 200
Сен-Жюст — 28
Сентот (Али Баса Сентот Правиродирджо) — 58, 118, 119, 123–125, 128, 132–134, 137–139, 143, 149, 150, 153, 161, 163, 165, 167, 177, 185, 186, 188, 192
Серанг — 129, 142
Сепух (Амангку Бувоно II) — 21, 24, 39, 40, 44–46, 49, 58, 62, 64, 65, 68, 71, 73, 75, 76, 109, 130, 132, 133, 141, 142, 147–149, 202
Сех Нгусман Али Басах — 160
Смиссерт — 94–97, 99, 101, 103, 105–108, 112, 113, 115, 125, 129
Стоквис — 194
Стуерс — 129, 130, 169
Сукаят — 199
Сукур — 161, 162
Сулайман — 52, 138
Суменеп — 114, 125, 129
Сумонегоро — 159
Сурапати — 7-9
Тантуллар — 52, 127, 199
Теунгку Тьяхик ди Тиро — 196
Теуку Умар — 195, 196, 201
Тиахоху, Кристина Марта — 88, 89, 91, 92, 102, 202
Тьют Нья Диен — 196, 202
Филц — 62
Фуше — 55
Хасануддин — 26, 183, 184
Хейтсзон, ван — 196
Хидайят — 196
Хоутман, Корнелис де — 29, 30
Хувелл, ван — 180
Шевалье — 95, 99, 101–108, 112, 113, 115, 125, 129, 161
Шмитц — 187—189
Эренс — 185
Янсенс — 67, 72, 78
Янц, Виллем — 29